

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Алтайский государственный университет

**ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ**

СОДЕРЖАНИЕ

1. Босова Л.М. Интерпретация смысла качественных прилагательных	3	17. Трофимова Е.Б. О проявлениях языкового антропоцентризма	95
2. Герман И.А. Семантическая специфика английских сложных слов и их перевод	11	18. Федотова С.В. К вопросу о соотношении языка и религии.....	100
3. Голикова Г.А. Некоторые перспективы исследования категории “языковая личность”	17	19. Широкова Н.П. Актуализация результативных отношений	107
4. Драчева С.И. Экспериментальное исследование вербального содержания концептов “огонь” и “вселенная” в русском и алтайском языках (экспериментальное исследование).....	22		
5. Ермолаев А.К. О некоторых методах моделирования личности по тексту	25		
6. Кремнева А.В. Основные тенденции исследования функционирования мифа в художественном тексте	31		
7. Лебедева Н.Б. Полиситативная структура глагольной семантики (на материале русского глагола “ПОДГОВОРИТЬ”)	38		
8. Левченко М.Л. Лексические окказионализмы как маркеры идиостиля Н.С.Лескова.	51		
9. Москальчук Г.Г., Суворова П.Е. Эволюция динамики формы текста в поэтических идиостилях 19 – 20 вв.....	56		
10. Нагайцева Е.В. Семантика транзитивности и ее символы в произведениях А.С.Грина.....	66		
11. Непряхина З.В. Экспериментальное обнаружение наличия мифологических ассоциаций в концептуальной системе индивида	69		
12. Пищальникова В.А. Соотношение симметричных и асимметричных компонентов текста как синергетической системы.....	72		
13. Пищальникова В.А., Бочаров Д.А. Экспериментальное исследование ассоциативного вербального содержания одноименных концептов у носителей разных языков	80		
14. Пшенкина Т.Г. Переводческие компенсации в процессе межкультурного общения	84		
15. Россинская Е.А. Межъязыковая асимметрия в сфере частей речи и ее учет при переводе	87		
16. Рожнова Н.С. «Дада»-тексты: некоторые особенности понимания	92		

Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Под общ. ред. д.филол. наук В.А.Пищальниковой. - Барнаул: Изд-во «ГрафИкс», 1999. - 118 с.

Сборник статей посвящен исследованию актуальных проблем лингвистики в психолингвистическом и когнитивном аспектах. Представленные статьи объединены стремлением установить закономерности репрезентации картины мира в языке, определить место языковой картины мира в концептуальной системе человека.

Сборник может быть полезен филологам, психологам, философам.

Редакционная коллегия:

В.А.Пищальникова, Л.М.Босова, И.Ю.Абухова, З.В.Непряхина

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛА КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Процесс понимания для человека представляет собой выполнение определенной конструктивной деятельности на основе имеющихся у него знаний, куда включается выдвижение предположений, суммирование, восстановление информации, ее организация (переструктурирование) в концептуальной системе субъекта, выведение заключений, включение (интериоризация) полученной информации в ассоциативно-апперцепционные связи индивида.

Понимание как методологическая категория может рассматриваться двояко: как некоторое состояние сознания, "ухватившего" некую целостность данного представления действительности, и как некоторый процесс перехода от одного этапа процесса понимания к другому. В первом случае понимание может быть представлено как процесс, состоящий из некоторой совокупности дискретных элементов, во втором оно - континуум, непрерывность "схватывания", разумения. Однако такое разделение может быть допустимо лишь в научном анализе, а реальный процесс понимания представляет собой единство этих двух процессов - дискретного и континуального, синхронизация которых и дает сознание понятности и «понятости».

"Понимание - это не пассивное механическое движение от значения к смыслу. Это сложный, целостный психологический процесс. И начинается он с поиска общей мысли высказывания, в котором огромное значение имеют предвосхищение и установка, возникающие в языковом сознании сл�ушателя (читателя). С первых минут общения воспринимающий демонстрирует встречную мыслительную активность, направленную на достижение цели говорящего, мотива и скрытого смысла сообщения" [Горелов 1998, 74] вот почему характер восприятия высказывания во многом определяется встречной мыслительной активностью адресата речи.

Чтобы быть понятым, автор использует такие языковые средства, которые бы вызвали у адресата возможность создания такого коммуникативного произведения, которое адекватно целям исходного речевого произведения. "Во всяком тексте ориентация на его предстоящее воздействие требует учета партнера коммуникации, предполагаемого или реального: его опыта, уровня знаний, эмоционального состояния, мотивационной направленности и т.п." [Новиков 1982: 12]. Однако это обязательное условие адекватного понимания не всегда выполняется при восприятии иноязычного текста, порожденного иной культурой.

Понимание любого текста не ограничивается интерпретацией его на основе анализа языковых значений и структур. Смысловая структура текста определяется соотношением авторских личностных смыслов. Смысл текста раскрывается в процессе интерпретации его реципиентом на базе содержания его концептуальной системы посредством последовательного и непрерывного введения в нее новых концептов, репрезентированных средствами языка. Непрерыв-

ность вводимых концептов предполагает постоянное углубление, расширение содержания концепта на основе образования новых ассоциативно-смысловых связей между языковыми единицами, которыми он выражается. Поэтому **результат**, адекватно понимающий инокультурный текст, интерпретирует не языковые единицы и их значения, а инокультурные смыслы на базе своей концептуальной системы [Шварко 1995: 87].

Исследование текста как смыслосодержащего и смыслопорождающего феномена связано с определением понятия "контекст". Контекст не существует сам по себе как некоторый континуум смыслов, он обязательно соотносится с самим текстом как системой дискретно организованных смыслов. Контекст - это те возможности образования смысла, которые получают реализацию только на уровне текста. И наоборот, через действительность текста могут быть прояснены иные контекстуальные возможности образования смысла, которые получают реализацию только в тексте. Тогда понимание может рассматриваться как двусторонний процесс - как процесс, отталкивающийся от самого текста в поисках соответствующего контекста как интерпретативного поля и как движение, направленное от контекста (поля интерпретации, каковым в этом случае является ассоциативно-апперцепционное содержание концептуальной системы индивида) к тексту. При этом текст по сути является смыслопорождающим феноменом, а контекст как некая текстовая структура актуализирует смысл.

По справедливому замечанию А.Р.Лурии, "центральным для процесса понимания является поиск смысла, приводящий к выбору из ряда возникающих альтернатив" [Лурия 1979: 218].

Понимание, на наш взгляд, может быть оценено как адекватное только при условии соответствия предметной или ментальной ситуации реальности отражаемого текста. Вторая сторона понимания состоит в движении от реалий лингвистического порядка, от дискретно организованного текста к его континуально построенной возможности, к его контексту. В этом аспекте обнажается огромная моделирующая сила слова и стоящей за ним языковой культуры. Слово вместе со своей концептуально-логической структурой способно не только выразить практически возникающую ситуацию, но также моделировать огромное число совершенно новых ситуаций, возможных или невозможных в действительности. Схваченные словом предметные или мысленные ситуации получают свое символическое и культурное бытие, становятся фактом культурно-организованного сознания.

Слово не может быть понято само по себе, как понимается отдельная ситуация. Даже знание всех обозначаемых им предметов не дает полного его понимания. Предметно-содержательный контекст, ассоциируемый словом, выглядит довольно расплывчатым, может иметь различные интерпретации. С другой стороны, слово включено в систему языка и может считаться понятым, если выявлено его положение в фонологических, лексических, грамматических структурах данного языка. Но в этом случае можно говорить о знании слова и его функций, о знании языка, но не о понимании его.

Слово существует в системе функционирующего языкового целого, которое хотя и сохраняет более или менее устойчивую нормативную структуру, однако оказывается весьма изменчивым на предметно-содержательном уровне, в отражаемых данным языком понятиях. Слово, порожденное в какой-либо одной ситуации и связанное с каким-либо одним контекстом значений, в системе развивающегося языка, в реальном речевом общении может получить совершенно, казалось бы, не свойственные ему функции. Поэтому к пониманию слова трудно подойти, изучая его значения и грамматические функции - это несомненное предварительное условие рационального освоения слова оказывается недостаточным для адекватного и правильного владения им.

"В системе языкового целого, в динамической реальности языка слово относится прежде всего не с предметом или грамматической структурой, но с другим словом" [Параховский 1982: 134]. Находясь в окружении других слов, различных по своему значению и языковым функциям, "слово оказывается относительно самостоятельной реальностью, некоторой замкнутой целостностью, которая существует в соотношении с другими единицами... и совокупность этих отношений определяет реальный статус слова в данный момент" [Там же].

Понимание слова как элемента языкового сознания может поэтому рассматриваться в двух плоскостях: в аспекте его функционирования в рамках существующей языковой структуры и в аспекте изменения словесных значений, в динамической реальности языка.

Слово обладает некоторой "внутренней формой", согласованной с "формой" языкового целого и обеспечивающей условие цельности и относительной замкнутости данного слова, его единичного и уникального существования в системе языкового сознания.

Согласно А.А.Потебне, развивающему идею В. фон Гумбольдта о внутренней форме слова, последняя есть не что иное, как способ, каким выражается содержание данного слова (его значение) [Потебня 1976: 175]. Она представляет собой некоторую конструкцию смысла, потенциально ориентированную на различные контексты значений. "Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, - писал А.А.Потебня, - дает направление мысли слушающего, но оно только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его понимания слова. Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого" [Там же: 180]. В этом понимании *внутренняя форма слова есть логика образования смысла*, а не сам смысл или мыслимое предметное содержание. Из сказанного следует, что пониманию подвергается не само слово как таковое, но слово в реальности текста, слово, моделирующее определенные контексты значений и подчиненное некоторому общему контексту, непрерывности авторского замысла.

Понимание текста опирается на его взаимодействие с контекстом, представляющим собой континуум всех отношений знаковых элемен-

тов, моделирующих те или иные представления о реальности. Взаимная связь элементов, определенная замыслом, детерминирует текстовое бытие данного слова. Тогда понимание слова - это его отношение к тексту как целому.

В тексте словесный материал репрезентирует смыслы, обусловленные его организацией в рамках текстовой целостности, а не некоей реализацией абстрактных языковых значений. Отечественная традиция исследования текста не останавливается на каких бы то ни было конечных формах его понимания, элементарных компонентах текста, согласованных так или иначе с доминантным авторским смыслом. Л.С. Выготский отмечал, что "в неисчерпаемом разнообразии символического, т.е. всякого истинно художественного произведения, лежит источник множества" его интерпретаций. [Выготский 1965: 366].

Читатель, обладающий развитым языковым сознанием и богатым социально-культурным опытом, может понимать произведение иначе, чем это, возможно, предполагалось авторским замыслом, поскольку может соотносить с вербальными репрезентантами гораздо большее/меньшее количество вербального и невербального содержания.

Чтобы понять текст, необходимо увидеть его как способ существования духовной реальности, как важный механизм духовного производства. Подобно слову, смысл которого принципиально неисчерпаем, вероятностен, понимание текста сосредоточивается на той совокупности возможностей, которая в нем заложена автором и в отношении которой имеется некоторое действительное содержание, а потому может рассматриваться как единичная реализация возможных осмыслений.

Понимание есть процесс установления функциональных отношений каждого элемента в его соотнесении с общим смыслом, который в данном случае выступает в виде его контекста.

Исходным фактором (но далеко не единственным), определяющим границы контекста и их расширение при реализации значения слова, может служить принадлежность слова к тому или иному лексико-грамматическому классу. От того, является ли реализуемое значение слова предметным или признаковым, зависит степень "замыкания" контекста на словосочетании и предложении, расширения и вовлечения фрагмента текста или всего текста. (Под фрагментом понимается текстовый отрезок, включающий контекст актуализации значения, а также более широкую информацию, способствующую выявлению доминантного смысла.)

Строго говоря, контекстом речевого элемента является речевое произведение (текст) в целом. Однако цели нашего исследования позволяют опираться на рабочее определение, акцентирующее заявленный в работе аспект исследования: контекст - фрагмент речевого произведения (текста), адекватно выявляющий представленность доминантного личностного смысла в том или ином компоненте речевого произведения (текста). В этом случае границы контекста остаются подвижными, определенными лишь системой связей компонентов функционального смыслового поля.

Для проверки сформулированной гипотезы рассмотрим примеры, демонстрирующие функционирование в речи некоторых качественных прилагательных английского языка. Условием формирования смысла прилагательного является его сочетание с существительным, когда актуализируется тот или иной компонент функциональной смысловой структуры. Анализ содержательного характера смысловой взаимосвязи прилагательного и существительного показал, что прилагательное имеет подчинительную функцию и находится в смысловой зависимости от сочетающегося с ним существительного, от его смысловой структуры, которая взаимодействует со смысловой структурой прилагательного. Актуализация того или иного смысла прилагательного в большой степени зависит от смысла существительного, при этом доминанта смыслового поля первого является определяющей.

1. *A single brilliant star glowed in the centre of the screen... [Clarke, 200].* Помимо экрана пламенела одинокая яркая звезда...

2. *And then I had a brilliant idea [Wells, 124].* И меня вдруг осенила блестящая идея.

Смысль слова *brilliant* уточняется в обоих случаях сочетающимися существительными *star*, *idea* в рамках минимального и достаточного контекста словосочетания.

Для прилагательных, употребляющихся в предикативной функции, минимальным смыслоразличительным контекстом обычно выступает предложение.

3. *They were so pretty [Green, 52].* Они были такие хорошенькие.

Исследования показывают, что для выявления отдельных смыслов контекстуальные условия иногда требуют обязательной опоры на более широкий контекст, т.е. актуализация смысла происходит в сверхфразовом единстве.

4. *Though dazzled, not quite used to it, the brilliant profusion of sunshine was beautiful to David. In winter, when he was working, often he did not see real sunlight for days on end. Dark in the morning when he went down; dark at night when he came up [Aldington, 13].* Ветер утих, и неожиданно выглянуло солнце. Обилие яркого света радовало мальчика, хотя он и слепил не привыкшие к нему глаза. Дэвид работал в шахте и зимой часто не видел солнца по многу дней подряд: когда он утром спускался в шахту, было еще темно, и в такой же темноте он поднимался наверх.

Чем больше объем привлекаемого контекста, выше необходимость использования расширенного набора лингвистических и экстралингвистических факторов, тем реже реализуемый в тексте смысл может быть приравнен к узально закрепленному значению и предсказуемость его появления менее вероятна в силу актуализации субъективного компонента смысла.

Прилагательные, как известно, относятся к классу признаковых слов, являются полнозначными словами, обладающими номинативной функцией качественной характеристики предметов, явлений, их признаков и отношений. В отличие от предметных идентифицирующих слов, имеющих свою область предметной отнесенности, признаковые слова не обладают конкретной референтностью.

ренцией. Это объясняется более абстрактным характером ономасиологической категории признака.

Этот слой лексики, выражая качественные характеристики предметов и явлений, не является собственностью какого-либо определенного лексико-грамматического разряда. Качественная характеристика предмета, действия, состояния в той или иной мере получает выражение во всех языках.

Будучи дискретными языковыми единицами, обозначающими определенные свойства реалий, качественные прилагательные одновременно представляют в ментальных процессах эти свойства только в неразрывной связи с их носителем. Более того, характер самого свойства и его связи с носителем лишь отчасти объективен, поскольку в значительной степени зависит от личности говорящего (воспринимающего) и речевой ситуации. Точнее, речь идет не о синкетичности языковой единицы, а о синкетизме концепта (смысла) репрезентируемого этой языковой единицей. Качественные прилагательные имеют значение, сводящееся к чувственному образу, единому перцептивному комплексу, к ситуации.

Особенности признаковых слов, к которым относятся исследуемые прилагательные, неизбежно влияют на особенности актуализации их смысла в тексте. Характерной чертой прилагательных как класса слов является обобщенность семантических признаков, что предполагает возможность репрезентации различных смыслов, которые могут "наслаждаться" друг на друга в употреблении слова.

Рассмотрим следующие примеры.

5. *But Sophia was splendidly beautiful* [Bennet, 99]. Софья была изумительно красива.

6. ...they could not read in the heart of the beautiful Miss Bains the words [Bennet, 136]. Они... не видели сверкающие в душе очаровательной мисс Бейнс слова.

7. *Sophia alone, ...with her beautiful stern face pressed convulsively against her hands* [Bennet, 123]. Одна лишь Софья, судорожно сжав руками свое прекрасное строгое лицо...

Во всех трех примерах, по нашему мнению, смысл *beautiful* оказывается нечетким, размытым, что подтверждается и русским переводом: хотя оно переведено словами, близкими в языке по их значению, тем не менее они не адекватны по смыслу. Чисто лингвистический подход к решению этой проблемы, кажется, не дает ответа, который, однако, просматривается с психолингвистических позиций. Психолингвистический подход раскрывает особенности восприятия и понимания языковых единиц носителями языка, их оценку, а также ассоциативные связи с другими словами.

В связи с этим представляются интересными точка зрения В.А. Пищальниковой. Акцентируя непрерывность концептуальной системы вследствие континуальности ее составляющих - концептов (смыслов), исследователь указывает на то, что "языковое содержание включается в конструирование концептуальной системы" как составляющий элемент того или иного концепта наряду с

другими - визуальными, слуховыми и прочими. В этом качестве оно может представлять концепт в целом, быть его знаком. Как известно, между концептуальной и языковой системами нет полного изоморфизма, так как концептуальная система непрерывна, а языковая система дискретна, нет точной корреляции между элементами этих систем. [Пищальникова 1993: 34]. Формирование концептуальной системы происходит путем последовательного и непрерывного введения в нее новых концептов, которые интерпретируются в тех смысловых пространствах, где уже имеется информация о воспринимаемых объектах. Смысловое пространство каждого объекта также находится в процессе постоянного структурирования. И понимание индивидом новой информации происходит путем подключения всей концептуальной системы, личностного опыта, существующего в виде навыков, умений, ожиданий, когнитивных схем - всего того, что интерпретируется языковой единицей (словом). "Континуальность концептуальной системы делает неактуальными границы отражаемого содержания, раздвигает их до предела знания индивида, выявляет разную степень независимости их от реально воспринимаемой ситуации" [Пищальникова 1993: 34].

Подтверждением этой мысли могут служить следующие примеры.

8. *It's rather wild and rocky, and is a wonderful place for sport or exercise* [Clarke, 125]. Он довольно дикий, скалистый - отличное место для спорта и тренировок.

9. *Marriage was a series of phenomena, and a general state, very holy and wonderful - too somehow, for such creatures as Maggie and Hollins* [Bennet, 176]. Брак - это последовательность событий и достигнутое устойчивое положение, святое и прекрасное, однако слишком святое для таких созданий, как Мэгги и Холлинз.

В обоих примерах контекст фактически не способствует разграничению значений, более того, в переводе появляются значения *wonderful*, не зафиксированные англо-русским словарем. Конвенциональная "размытость" значения в подобных случаях является результатом вербализации личностного смысла. Как справедливо замечает В.А.Пищальникова, "актуализированный личностный смысл, "остановленный" знаком, в силу своей континуальности вызывает в соответствии с законом апперцепции практически неисчерпаемый поток представлений, эмоций, что безусловно способствует эстетическому восприятию" [Пищальникова 1993: 16]. Актуализация смысла анализируемых прилагательных естественно оценочна, эмоциональна, она характеризует одобрение/неодобрение понятия, вещи, мысли и т.д. Эмоциональность, как считает В.И.Болотов, являясь категорией речи, "предполагает воздействие на человека и представляет собой чувственную реакцию человека на текст" [Болотов 1981: 15]. Эмоциональные и оценочные признаки, реализующиеся в личностных смыслах, соотносятся с системными значениями лексических единиц, развивая при этом отдельные потенциальные возможности, уже заложенные в их смысловой структуре. Таким образом, в тексте представлены условия для выражения личностного смысла, но на основе соотношения с системным значением

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ СЛОЖНЫХ СЛОВ И ИХ ПЕРЕВОД

Сложные слова, по общему мнению, составляют значительную часть лексики английского языка, а способ словосложения является одним из самых продуктивных в деривационных процессах, чему способствует использование порядка слов как средства выражения лексико-грамматических отношений.

Отмечено, что многие сложные слова семантически прозрачны, и потому *словарями не регистрируются*, что ведет к возникновению многочисленных вариантов при переводе. Перечисленные факторы и обусловили выбор представленной группы слов в качестве материала исследования. Кроме того, важно учесть, что при употреблении не зарегистрированных словарями лексем доминирующее значение приобретает *семантическая структура слова*, соотношение смысловых компонентов его (выявляется такое соотношение с помощью компонентного анализа), а актуальность таких компонентов может быть в значительной степени обусловлено текстовыми связями слов. Именно учет таких связей ведет к ограничению вариативности и повышению эквивалентности перевода, что мы и продемонстрируем на анализе способов перевода группы сложных слов.

Еще одним важным моментом является то, что «в большинстве случаев сложные слова в английском языке с точки зрения их структуры имеют параллели в виде определенных синтаксических сочетаний слов. Структурные соотношения их компонентов - основ слов - близки к лексико-грамматическим взаимоотношениям слов, входящих в синтаксические словосочетания. В смысловом плане взаимоотношения компонентов сложного слова повторяют взаимоотношения слов - членов синтаксического словосочетания, отличаясь от последних в грамматическом плане» [Царев, с. 5]. Выделенная П.В. Царевым особенность английских сложных слов позволяет, во-первых, допустить возможность перевода из на другой язык *способом подбора адекватного словосочетания*. Во-вторых, при этом, вероятно, нужно учитывать *синтаксическую функцию* сложного слова в составе предложения, потому что грамматическое своеобразие лексемы выявляется однозначно именно в синтаксических связях, в словосочетательных возможностях.

С другой стороны, несмотря на известную семантическую близость, словосочетание и сложное слово не являются тождественными по значению.

Значение сложного слова во многом зависит от способа его словообразования, поэтому в определении способа перевода необходимо исследовать и характер словообразовательной модели. Продуктивные модели образования сложных слов подробно рассмотрены П.В. Царевым [Царев, 1980]. (Отметим попутно, что существует целый ряд классификаций сложных слов по разным основаниям. Так, Л.Блумфилд выделяет синтаксические и асинтаксические слова на основе их соотношения с принятым порядком слов в словосочетаниях [Блумфилд, с.249]; И.В. Арнольд намечает классификации а) по типу сложения

слова. По справедливому замечанию В.А. Пищальниковой, "при восприятии художественного текста происходит переструктурирование системы концептов: художественный текст устанавливает связь между языковыми значениями и личностными смыслами, потому что его организация определяется как системой языка, так и структурой сознания" [Пищальникова 1993: 45-46].

Эмоциональная оценка зачастую становится основой для развития личностных смыслов, необходимость репрезентации которых может приводить к "окказиональному" употреблению языковых единиц в тексте.

10. *A wild, splendid hope shot up in her* [Bennet, 338]. В ней вспыхнула неистовая радостная надежда.

11. *This thought was exquisite but full of terror* [Bennet, 146]. Эта мысль была упоительна, но вселяла ужас.

Благодаря связям исследуемых прилагательных с другими элементами в тексте как бы преодолевается дискретность языковых единиц и подтверждается континуальность смыслов, которая и воспринимается реципиентом потому, что вербализована.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (Основы эмотивной стилистики текста). Ташкент, 1981.
1. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1965.
1. Горелов И.Н. Основы психолингвистики. М., 1998.
1. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
1. Новиков А.И. Лингвистические и этнокультурные элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
1. Параходский Б.А. Понимание текста и эвристические функции слова // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982.
1. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психолингвистику. Барнаул, 1993.
1. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
1. Шварко Л.И. Особенности формирования инокультурных концептов у младших школьников в процессе изучения иностранного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995.
1. Aldington R. Death of a Hero. M., 1985.
1. Bennet A. The Old Wives' Tale. M., 1962.
1. Clarke A. Childhood's End. London, 1956.
1. Green G. The Quiet American. M., 1963.
1. Wells H. The Invisible Man. M., 1955.

и связующего элемента, б) по частям речи, в) по признаку мотивированности/немотивированности (идиоматичности), г) по структуре составляющих сложного слова [Арнольд, с.71-72]. Выявление состава словообразовательных моделей поможет определить основы каких частей речи могут вступать в сочетание друг с другом, образуя сложное слово: «Some languages allow the composition of all or nearly all types of elements. Paiute, for instance, may compound noun with noun, adjective with noun, verb with noun to make a noun, noun with verb to make a verb, adverb with verb, verb with verb. Yana, an Indian language of California, can freely compound noun with noun and verb with noun, but not verb with verb. On the other hand Iroquois can compound only noun with verb, never noun and noun as in English or verb and verb as in so many other languages»[Сепир, с.67].

О.Д.Мешков предлагает использовать в анализе слов и критерий следования компонентов друг за другом внутри сложного слова, их взаиморасположение, от которого, по мнению ученого, может зависеть семантика лексемы [Мешков, с.207].

Однако для О.Д.Мешкова этот критерий более значим при сопоставительном анализе языков: он помогает обнаружить национальную специфику словосложения.

Для нас же более актуален взгляд Э.Сепира, который анализирует *схемы расположения* семантических элементов в сложном слове: «...each language has its characteristic types of order of composition. In English the qualifying element regularly precedes; in certain other languages it follows. Sometimes both types are used in the same language, as in Yana, where «beef» is «bitter-venison» but «deer-liver» is expressed by «liver-deer». The compound object of verb precedes the verbal element in Paiute, Nahuatl, and Iroquois, follows it in Jana, Tsimshian, and Algonkin languages.» [Сепир, с.67].

Все высказанное позволяет предложить схему анализа сложного слова, предшествующую выбору способа перевода лексемы:

1. определение минимального контекста, в рамках которого значения сложного слова выявляется однозначно;
1. определение денотативной ситуации:
 - наличие тождественного (сходного) денотата в языке оригинала и перевода,
 - наличие/отсутствие языкового знака в языке перевода для обозначения денотата;
1. синтаксическая функция сложного слова и частеречная его принадлежность;
1. в необходимых случаях - компонентный анализ семантики;
1. определение способа словообразования, характеристика модели с точки зрения продуктивности/непродуктивности, исследование в необходимых случаях порядка следования компонентов сложного слова;
1. наличие коннотативных компонентов в значении лексемы (эмоциональность, экспрессивность, оценочность);

1. выявление национально специфического (культурологического) компонента значения при наличие в тексте смысловых лакун. (Отметим, что характер текстов, выбранных в качестве материала исследования, позволяет сделать предположительные выводы по этому поводу, что требует дополнительного анализа на другом материале.)

Так, анализируя сложные имена прилагательные с суффиксом -ed (тип «основа прилагательного + основа существительного»), можно отметить следующее.

В анализируемой группе (всего выделено 220 лексем) намечается несколько подгрупп, члены которых, на наш взгляд, могут переводиться по-разному. Это определяется как *семантикой производного слова*, так и *семантико-словообразовательными* закономерностями языка перевода.

С соответствии с предложенной схемой анализа: 1) минимальным контекстом для перевода сложного слова является словосочетание «*определяющее + определяемое слово*». 2) Денотативная может быть охарактеризована по-разному в зависимости от семантики конкретного слова: так, языковой знак может и отсутствовать в языке перевода, однако обязательно есть модель, по которой происходит образование лексем с исходными семантическими компонентами (оранжевокожий). Например,

- a) частотой в русском языке является деривационная модель
осн.прилаг. . + ô + кож(ий)

для характеристики цвета лица (светлокожий, белокожий, краснокожий и под.). Поэтому предлагает следующий перевод для ряда анализируемых прилагательных:

gray-skinned (creature) - серокожее (существо)
orange-skinned (local) - оранжевокожий (туземец)
blue-skinned (creature) - синекожее (существо)
black-skinned - чернокожий

Семантически в эту группу могло быть включено *black-spotted (creature)* однако слово «крапчатый» не является частотным в русском языке, и потому слово «черно-крапчатый», хотя является адекватным переводом, не узально для системы русского языка. Поэтому лучше перевести анализируемое слово как «(существо) в черную крапинку». Как видит, последнем примере доминирует именно культурологический момент в переводе, а деривационные и частеречные характеристики лексемы не актуализированы, что еще раз доказывает условность любой из рассмотренных ранее классификаций, имеющих, однако, важное подсобное значение.

- б) группа имен, обозначающих соматические характеристики.

В русском языке ей может соответствовать следующая модель:
осн.прилаг. . + ô + осн.сущ. + ф(ий)

В эту группу включаются более разнообразные по семантике слова:

- слова, обозначающие размеры частей тела человека:

broad-faced (man) - широколицый (человек)
short-nosed (creature) - коротконосое (существо)

bullet-headed (man) - круглоголовый (человек)
big-mouthed (kid) - большеротый (ребенок)
narrow-shouldered (man) - узкоплечий (человек)
broad-shouldered (man) - широкоплечий (человек)
wide-eyed (diplomat) - широкооглазый (дипломат)
long-legged (creature) - длинноногое (существо)
short-bodied (local) - короткотелый (туземец) и др.

В выделенной группе лексем при переводе доминирует деривационная модель русского языка, поскольку она обладает высокой степенью частотности, а аффиксы, участвующие в процессе словообразования, продуктивны. Как правило, в этой группе лексики нет метафор, что резко снижает окказиональность их и способствует минимальному проявлению культурологического компонента значения. Минимально представлены в анализируемой лексической группе и коннотативные компоненты (эмоциональность, экспрессивность, оценочность).

- Напротив, коннотативные компоненты отчетливо доминируют в словах, обозначающих характеристики частей тела, где денотативные компоненты сопряжены с субъективной оценкой реалий и их свойств, что находит выражение в коннотативных характеристиках лексем:

thin-featured (natives) - тонколицые (туземцы) - подчеркивается изящество формы лица,

sharp-eyed (attache) - остроглазый (атташе) - дается одновременная характеристика определенного свойства личности, способной быстро и находчиво реагировать на происходящее,

empty-headed (person) - пустоголовый человек,

loose-lipped (mouth) - вислогубый (рот) - налицо очевидная негативная оценка героя,

sad-faced (chap) - грустнолицый (парень) - прилагательное характеризует в первую очередь эмоциональное состояние личности, хотя формально перевод осуществляется в рамках той же словообразовательной модели.

- оценочно-экспрессивные слова, переводимые на русский язык словосочетаниями в связи с отсутствием узуальных словообразовательных моделей. Эта группа слов демонстрирует чрезвычайно тонкие взаимоотношения между оценочностью, экспрессивностью, эмоциональностью как лингвистическими категориями, их подвижность и возможность доминирования того или иного компонента в зависимости от авторской интенции:

slim-barreled (man) - человек с небольшим брюшком - доминирует оценочный компонент на фоне положительной эмоциональности,

light-footed (man) - человек с легкой походкой - доминирует эмоциональный компонент на фоне положительной оценочности,

gray-jowled (kid) - ребенок с серой челюстью - сопрягается негативная оценка и эмоциональность,

purple-lipped (mouth) - рот с губами пурпурного цвета - доминирование экспрессивного компонента значения (ср. красный, алый, пурпурный и под.).

stern-faced (judges) - судьи с суровыми лицами - актуализирована эмоциональная сторона значения, как и в следующем примере:

sticky-fingered (thief) - вор с липкими руками

в) группа слов, соотносимых в языке перевода с синтаксической моделью

имя сущ. + несоглас.определение

(предлог + прилаг. + сущ.)

разной степени распространенности:

black-tuniced (man) - человек в черной тунике

high-pitched (drum) - барабан с высоким тембром

pink-toned (nacre) - перламутр розового оттенка

gold-striped (trousers) - брюки в золотую полоску

low-ceilinged (hall) - коридор с низким потолком

broad-headed (assegai) - дротик с широким наконечником

damp-walled (tunnel) - туннель с сырьими стенами

small-mouthed (purse) - кошелек с маленьким отверстием

crimson-foliaged (trees) - деревья с малиновой листвой

green-yolked (egg) - яйцо с зеленым желтком

yellow-uniformed (guards) - охранники в желтой униформе и др.

Слова этой группы соответствуют описательной модели перевода. Их задача - в высшей степени подробно и адекватно представить характеристики описываемых реалий действительности. Только в некоторых словах данного типа можно обнаружить явно актуализированный эмоционально-экспрессивный компонент значения (яйцо с зеленым желтком, деревья с малиновой листвой).

Способ перевода предлагается, во-первых, на основе анализа семантики сложных английских слов и возможностей представления этой семантики в адекватных узуальных моделях языка перевода.

Так, сравнивая слова *broad-shouldered (man)* и *gray-templed (man)*, можно отметить, что в обоих словах доминирующей является только *одна сема*: 1) широкий, 2) седой, и формально слова могут быть переведены одинаковой моделью

осн.прилаг. + ə + осн.сущ. + φ (ий),

но узуальное образование прилагательного от «виски» ассоциируется у носителя русского языка с физиологическим термином «височиной», поэтому образование «седовисочиной» невозможно: норма языка, казалось бы, этому не противоречит, однако узус «запрещает» подобные образования. Вследствие этого осуществляется перевод с помощью свободной синтаксической конструкции.

В то же время в некоторых случаях возможен двоякий перевод, допускаемый структурой и семантикой русского языка:

(парень) с грустным лицом
 sad-faced (chap) грустнолицый (парень)

Нами предложен второй вариант, что определяется контекстом и особенностями частей речи: сложное прилагательное выражает более тесную связь компонентов смысла в пределах слова.

В анализируемой группе нечастотны слова с метафорическими компонентами, представляющими, на наш взгляд, наибольший интерес с точки зрения адекватного перевода семантики: *pale-featureed (person) - (человек) с невыразительными чертами лица*. Применяя методику компонентного анализа, вычленением архисему (инвариантный) признак у слов

«бледный» слабая интенсивность
 «невыразительный»

Архисема «слабая интенсивность» в русском языке узуально представляется в сочетаниях «бледное лицо» и «невыразительное лицо», однако первое семантически связано с цветом, а потому для перевода избирается второе - «нейякий по своим свойствам». [Ожегов, Словарь русского языка].

г) Группа слов, переводимых именем прилагательным (иногда с зависимым наречием степени). Особенности перевода этой группы лексем связаны в первую очередь со спецификой прилагательного как части речи, привнесенной выражать свойства, отношения, как объективные, реально присущие предметам и явлениям, так и субъективно выявляемые индивидами. Поэтому и здесь обнаруживаются слова, как правило, с определенными коннотациями. И если *able-bodied (personnel)* и *good-natured (prod)* можно эквивалентно и однозначно перевести как *десспособный (личный состав)* и *добродушный (тычок)*, то практически все другие слова в представленной группе осложнены различными коннотациями:

row-boned (setter) - очень худой (*поселенец*) - добавочный экспрессивный компонент, отражающий степень признака,

simple-minded (tracker) - бесхитростный (*глуповатый*) охотник - в этом случае может актуализироваться как положительная, так и негативная эмоция, и тогда перевод может быть вариативным, но условия контекста позволяют избрать первый вариант перевода, поскольку автор демонстрирует симпатию к герою.

drab-colored (hip cloak) - тускло-коричневая (*набедренная повязка*), которое может переведено вариативно в зависимости от возможной актуализации тех или иных оттенков негативной эмоции: *грязно-коричневая, скучно-коричневая и под.* Предложенный нами перевод обусловлен нейтральностью контекста, в котором актуализируется признак цвета набедренной повязки при не выраженности эмоционального отношения к герою.

Таким образом, приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что разработанные *деривационные классификации* не могут быть определяющим фактором в решении проблем перевода сложных слов, поскольку смысл язы-

кового выражения в целом и отдельные лексемы в частности определяется текстовыми отношениями единиц. Безусловно, и частеречные характеристики, и синтаксическая функция лексемы, и все иные перечисленные нами параметры языковых единиц чрезвычайно важны при переводе, однако доминирующую интегративную функцию выполняет актуальный авторский смысл, в том числе и эмоциональный, который и определяет характер выбора эквивалента при переводе.

Т.А. Голикова НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ “ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ”

Современные лингвистические и психолингвистические исследования все чаще обращаются к категории “языковая личность”, причем выявляются различные аспекты исследования этой категории.

В рамках лингводидактического аспекта утверждается, что языковая личность - это “человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки”, противопоставляющаяся речевой личности как носителю речи, обладающему способностью к использованию языковой системы в своей деятельности [Богин, с.3].

В данном аспекте языковая личность как носитель языка изучается в намеренном и акцентированном отрыве от психофизических механизмов речепорождения. Г.И.Богин выделяет следующие уровни развитости языковой личности: уровень правильности, уровень интериоризации, уровень насыщенности, уровень адекватного выбора и уровень адекватного синтеза, которые позволяют разграничивать степень ее готовности “производить речевые поступки”.

Л.П.Клобукова языковую личность рассматривает как многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей в лингводидактическом аспекте анализа и обучения общению, дифференцирующиеся, во-первых, с учетом различных уровней языка, во-вторых, с учетом основных видов речевой деятельности, а в-третьих - по тем темам, сферам и ситуациям, в рамках которых происходит речевое общение” [Клобукова, с.29].

Введение в научный анализ категории речевой личности в настоящее время приобретает особое значение, поскольку она обладает определенной объясняющей силой в описании специфики речевой деятельности конкретного индивида, а также данной речевой ситуации. Речевая личность в конкретном речевом акте актуализирует свой языковой потенциал, оказываясь важнейшим объектом изучения теории речевой деятельности.

С позиций обучения иностранному языку, как утверждает Ю.Е.Прохоров, речь идет о первоначальной подготовке речевой личности, а затем - об организации языковой личности [Прохоров, с.60].

Разработка категории “речевая личность” тем более важна, что именно на ее уровне реализуется национально-культурная специфика смысло- и речепорождения.

По мнению В.В.Красных, ряд категорий: языковая личность - речевая личность не завершен. В рамках системно-функционального аспекта исследователь вводит категории “человек говорящий” и “коммуникативная личность”, определяя их следующим образом: “человек говорящий” - личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность”; “коммуникативная личность - конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации” [Красных, с.17]. Известные же категории языковой и речевой личности рассматривает соответственно как личность, проявляющую себя в речевой деятельности, обладающую определенной совокупностью знаний и представлений, и личность, реализующую себя в коммуникации, выбирающую и осуществляющую ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающую и использующую тот или иной репертуар средств [там же].

В.В.Красных соотносит свою систему “личностных” феноменов с системой “языковых” феноменов А.А.Леонтьева: речевая деятельность ссоотносится с “человеком говорящим”, язык как предмет - с языковой личностью, язык как способность - с речевой личностью, язык как процесс - с коммуникативной личностью [там же, с 18]. Представленная система оправдана лишь с позиций разграничения актуального и потенциального, синтагматического и парадигматического в языке.

Системно-функциональный аспект выявляется и в работах В.И.Карасика, И.В.Сентенберга: Совокупная языковая личность - это обобщенный образ носителя данного языка, владеющего парадигматическими и синтагматическими связями единиц этого языка, моделями их образования и сочетаний, а также культурно-историческим опытом народа, свернуто представленным в категориях и категориальных семантических признаках языка [Сентенберг, с. 17], некоторый базовый национально-культурный прототип носителя языка.

Концепция языковой личности Ю.Н.Караурова находится в рамках когнитивного аспекта. Языковая личность рассматривается как лингвопсихологический феномен и определяется как “совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений” [Караулов, с.3]. Модель языковой личности представляет собой целостную структуру, характеризующуюся иерархичностью строения. Описание языковой личности включает: а) характеристику семантико-строевого уровня ее организации; б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессе порождения текстов и их содержании, а также особенностями восприятия чужих текстов [Караулов, с.43].

Ю.Н.Караулов выделяет три взаимосвязанных уровня языковой личности: 1) вербально-семантический, или лексикон личности, который предполагает для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя - традиционное описание формальных средств выражения определенных значений, единицами этого уровня являются слова; 2) лингво-когнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлен “образ мира”, или система знаний о мире, единицы этого уровня - понятия, идеи, концепты; 3) мотивационный, или pragmatikon, включающий цели, мотивы, установки, интенциональности, единицами этого уровня являются деятельностьно-коммуникативные потребности.

Кроме того, Ю.Н.Караулов выдвигает гипотезу о наличии специфических проявлений национального на всех уровнях устройства языковой личности. Как утверждает исследователь, носителем национального начала в структуре языковой личности выступает инвариантная часть, являющаяся ядерной в общеязыковой картине мира и обусловленная национально-культурными традициями. Именно эта инвариантная часть обеспечивает взаимопонимание в рамках конкретного этноса.

Концепция Ю.Н.Караулова коррелирует с когнитивными исследованиями стиля личности. Человек является, как утверждает В.З.Демьянков, активным носителем когниции, выступающим в двойной роли: как рассматривающая, признающая сторону - и как центр перспективы [Демьянков, с.26].

Таким образом, в вопросе о сущности языковой личности выявляется значительное расхождение. Однако чаще всего под языковой личностью понимается “способность человека к речевой деятельности, т.е. способность человека воспринимать и воспроизводить речевые произведения” [Демешкина, с. 67]; совокупность “способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)” [Караулов, 1989, с.3].

На наш взгляд, в определении данного понятия смешиваются различные подходы к выявлению сущности не только личности, но и языка, языковой способности, языковой картины мира. Если признать, что в психологии личность понимается как абстрактная система, совокупность значимых и физических качеств индивида, то в лингвистике языковая личность не может быть представлена как реальный индивид, скорее мы вынуждены согласиться с концепцией Ю.Н.Караулова, представляющей языковую личность как совокупность языковых способностей, каждая из которых включает следующие уровни: грамматико-семантический, когнитивный, мировоззренческо-прагматический [Караулов, 1992. с.5]. Однако последовательное рассмотрение каждого уровня обнаруживает те же противоречия: выделение подобных уровней спорно, поскольку знания, опыт, мотивы, интересы индивида могут быть в одинаковой степени реализованы языковыми средствами и включаться в одни и те же или различные ассоциативно-смысловые поля.

В связи с тем, что практически все исследователи включают в языковую личность национально-культурный компонент, на наш взгляд, может быть выявлен еще один аспект исследования - региональный и определена категория

региональной личности. Региональная личность является носителем региональной картины мира или менталитета.

Под регионом понимается система взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов географической и экономической среды, а также единый природный комплекс, связанный с человеком, с его взаимоотношениями и психологией, бытом, производством. При такой дефиниции регион не совпадает с этническим, национальным, социальным делением мира, а интегрирует ментальные, когнитивные, эмоциональные и иные особенности людей, проживающих на определенной территории, причем такая интеграция осуществляется не вследствие национальной и даже социальной общности индивидов (хотя детерминированность этими факторами не исключается), а вследствие актуализации схем смысло- и речепорождения, наиболее адекватно отражающих совокупности людей.

Региональная личность является не только носителем менталитета народа, проживающего в данном регионе, но и служит средством его формирования, сохранения и обогащения. Поскольку региональная личность неизбежно ограничивается лингво-культурологическими стереотипами данного региона, основная задача исследования заключается в выявлении таких стереотипов и установлении корреляций между национальной и региональной системой стереотипов. Поскольку региональный язык - это система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе (см. Голикова), региональная личность может быть определена как языковая личность, ограниченная лингво-культурными стереотипами данного региона. В региональном аспекте возможно также выявление региональной речевой личности как конкретного носителя регионального языка и региональной картины мира или менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980.
1. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка // Актуальные проблемы филологии. Барнаул, 1988.
1. Голикова Т.А. Региональный язык как система репрезентантов национально-культурной специфики смыслообразования // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Бийск, 1998. Т.1.
1. Демешкина Т.А. Жанровая типология диалектного высказывания // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994.
1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкоznания. 1994. № 4.
1. Карапулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкоznания. 1992. № 6.
1. Карапулов Ю.Н. Предисловия // Язык и личность. М., 1989.
1. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1997. Вып. 1.
1. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М. 1998.
2. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
11. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994.

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО
СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТОВ “ОГОНЬ” И “ВСЕЛЕННАЯ” В РУССКОМ
И АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Национальный язык является компонентом действительности, вне которой невозможна интеллектуальная и духовная деятельность человека. В.Гумбольдт называет язык тем промежуточным миром, который находится между реальностью и человеком и фиксирует особое национальное мировоззрение. Национальный язык отражает специфику концептуальной системы. Культурные особенности этноса отражаются лексическим уровнем языка.

Творческие возможности национального языка, национальные особенности народа наиболее полно представлены в художественной речи. Художественный текст является не только отражением личностного опыта индивида, но и средством фиксации определенного фрагмента культуры этноса. Поэтому для адекватного понимания любого речевого произведения, в том числе и художественного текста, необходимо знание той культуры, в пределах которой он был создан.

С одной стороны, в художественном тексте представлена субъективная концептуальная система автора, система его личностных смыслов. С другой, - концептуальные знания народа - носителя определенного языка и определенной культуры. Поэтому инокультурный текст служит средством межкультурного общения, представляя специфические черты национального менталитета.

Предмет нашего исследования - представленные вербально содержание и структура фрагмента национальной русской и алтайской концептуальной системы. Задача - сравнительно-сопоставительная характеристика их с целью установления специфики. Для решения поставленной задачи был проведен ассоциативный эксперимент среди русско- и алтайскоязычных реципиентов.

Объектом нашего исследования является лексика русского и алтайского языков, соотносимая с одними и теми же понятиями. Материалом послужила национальная алтайская литература как репрезентант специфической концептуальной системы. Несмотря на локальную близость этносов и большое влияние русской культуры на алтайскую, в алтайской литературе достаточно четко проявляются специфические национальные особенности. Так, почитание алтайцами огня, гор, дерева, предков характерно с древних времен, ведется от устных традиций шаманов и сказителей. Образная система сохранила определенную константность и не утратила актуального содержания в современной культуре алтайцев.

Список слов-стимулов ассоциативного эксперимента составили слова, выделенные нами при анализе алтайской литературы. При выделении слов мы руководствовались: а) частотностью их использования; б) способностью представить некоторую национально-специфическую культурологическую информацию.

В ходе эксперимента по выявлению содержания концептов, представленных отобранный лексикой, было установлено содержание концептов у русских и алтайских реципиентов, определены составляющие концепта по ассоциатам, полученным в эксперименте.

Рассмотрим содержание концептов, имеющих культурологический компонент. Результаты эксперимента показали значительные различия в содержании этих концептов, которые в алтайском этносе являются культурологическими, тесно связанными с глубокими мифологическими и бытовыми традициями алтайского народа. Сюда относятся концепты “огонь” и “вселенная”.

Концепт “огонь”, представляющий некоторые реалии алтайской культуры, включает в себя емкий культурологический компонент.

Русский этнос давно утратил культурные традиции, связанные с огнем, а у алтайцев сохранилось мифоритуальное отношение к огню. По актуальным доныне алтайским взглядам, огонь способствует счастью (“ырыс”) дома, и оттого, как человек относится к огню, во многом зависит его жизнь и благосостояние. В алтайских селах сохранились обряды, связанные с огнем:

- свадебные обряды: во время сватовства огонь угощают белыми продуктами и просят разрешение на брак; когда привозят калым, в очаг бросают мясо, льют сало, к каждой ножке тагана привязывают белые ленточки; во время расплетания косы невесты родные жениха льют конский жир в очаг, таким образом закладываются основы совместного очага;
- при обряде инициации окуривают младенца вереском;
- в охотничьих обрядах: во время промыслового сезона просили благословения у огня и на удачную охоту, при появлении потомства у животных;
- в культовом обряде огонь выполняет очищающую функцию.

Все эти обряды сопровождаются алкышами (благопожеланиями).

Огонь считается хранителем рода, за ним признается способность изгонять злых духов и болезни. Существует множество примет и запретов, связанных с огнем. По пламени костра определяется судьба, по огню узнают о скором возвращении хозяина, если он отсутствует. Если с ним в пути случилось несчастье, то костер начинал гореть с треском и шумом, а таган-очаг стучать. Огонь предсказывает гостям, если отвалившаяся головешка вставала вертикально, то жди желанного гостя. При обращении с огнем существуют предупредительные запреты: нельзя шутить, нельзя проливать напрасно воду на огонь, ссыпать мусор и грязь, нельзя касаться острием ножа, т.к. можно поранить голову “матери-огня”, по этой же причине дрова нужно класть осторожно, угли из очага берутся деревянной лопаточкой, выносить огонь из жилища нежелательно, после зажигания его нельзя выносить, в исключительных случаях можно поделиться огнем с сородичами. Огонь поддерживается с момента зарождения семьи, угасание огня в очаге - плохая примета. Когда умирает последний представитель какого-либо сеюка (рода), гасится огонь в очаге, в знак того, что жизнь в этом роду угасла. Сейчас большинство алтайцев знает эти обряды.

Культурологический компонент алтайского концепта представлен языковым репрезентантом “энэ”, “От-Энэ” (Мать-Огонь). Так обращались к огню ал-

тайцы, сейчас используется как устойчивое выражение. Огонь, по одному из алтайских мифов, был дан людям для облегчения жизни от демиурга Ульгена (одно из верховных божеств), превратился со временем в женское божество огня, культа которого был широко распространен. Мать-Огонь освещает не только жилище, но и горы Алтая. Божество или дух огня представляется как светлая, одетая в белые одежды женщина, ездищая на бело-желтой лошади. Отсюда в алтайской группе ассоциаты “ярык” (светлый), “сары јалбыш” (желтое пламя), русскими испытуемыми и испытуемыми-алтайцами на русском языке таких цветовых признаков огня не выделяется. Огонь служил посредником между человеком и божествами, передавал жертву различным духам. Этому божеству посвящали многочисленные благожелания.

Также алтайский концепт представлен языкковыми репрезентантами, отражающими традиции приготовления пищи на открытом огне (огонь в первую очередь угощается пищей): во-вторых, языковой репрезентант “очок” (таганок, треножник, на который подвешивается котел; таган - символ крепости родного дома); во-вторых, языковые репрезентанты, объединенные интегративным смыслом “еда”, “пища”: “курсак” (пища), “керзен” (грудинка), “курут” (копченый сыр). Между тем, ни в ассоциативном словаре, ни в данных нашего эксперимента в русской группе не дается ассоциации на стимул “огонь”, связанных с пищей.

Кроме того, при анализе алтайского концепта обнаруживается положительное эмоциональное отношению к огню, представленное языкковыми репрезентантами “быйанду” (благодарный), “байлу” (почитаемый, священный). Такой языковой репрезентант, как “пожар”, несущий в себе негативную эмоциональную оценку, в алтайской группе дан только одним испытуемым, в русской группе он является одним из доминантных, также здесь выделяются такие репрезентанты, как “страх”, “беда”.

Русский концепт содержит ассоциаты-символы: “любовь”, “ страсть”, между тем, в алтайском концепте такой компонент не выявляется.

Анализ моделей концепта “огонь” подтверждает, что смысловые компоненты традиционного, культурного плана отсутствуют у русских испытуемых.

Существенные различия в представлениях русских и алтайцев выявляются при анализе концепта “вселенная”. Концепт “вселенная” содержит ряд особенностей, связанных с национальными представлениями о данной реалии.

Культурологический компонент алтайского концепта представлен языкковыми репрезентантами “Чаан телекей юл” - повесть алтайского писателя К. Телесова “99”. По алтайским мифам, кроме нашего мира сотворено еще 99 миров. Они имеют каждый свою землю, свое небо, свой ад. Кроме универсального деления вселенной на три зоны, иногда говорится об особых отдельных мирах или землях, расположенных между морями и океанами, со своими собственными небесами, со своими морями и реками и подземным миром, где тускло светят солнце и луна. Согласно мифам, подземная сфера имеет вход с земли, где-то на западе. Происхождение небесных святил объяснялось главным обра-

зом волей творца Ульгена, а звезды имели земное происхождение. По алтайским представлениям золотой Алтай находится в среднем мире.

Исходя из этого можно объяснить многие алтайские ассоциаты. Так, традиционное деление вселенной на зоны представлено следующими языковыми репрезентантами: “төнөри” (небо), “устинде” (сверху); “јер” (земля), и все, что на ней находится: “талај” (море, тайга), “ороондор” (страны), “албаты” (народ), “улус” (люди), “эбире” (вокруг), “ончо эбире турган неме” (все окружающее); подземный мир - “ичинде” (внутри).

Мифологическое сознание алтайцев склоняется к тому, что миречен. Эксперимент подтверждает это: в русской группе доминирующими являются ассоциаты “бесконечная”, “бесконечность” (13% реципиентов), а в алтайской группе ассоциат “учу-куйузы” (бесконечная) выделяют всего 3% реципиентов. Между тем языковой репрезентант “јер” (земля) является доминантным.

Для русских реципиентов вселенная - это нечто абстрактное, отсюда ассоциаты “вечность”, “пространство”, “пустота”, “много”, “вся”, “ничто” и т.д.

Таким образом, культурологические знания в той или иной степени присутствуют в процессуальных концептах, национально-специфические особенности, выявленные в эксперименте, связаны с культурными традициями и особенностями быта этносов. Специфика концептуальной системы выявляется только на родном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каташ С.С. Мифы и легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1978..
2. Погапов Л.П. Мифы алтая-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии. Горно-Алтайск, 1983.
3. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев центрально-азиатского влияния. Новосибирск, 1984.

А.К. Ермолаев О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПО ТЕКСТУ

Основополагающим для нашего исследования является утверждение Н.И.Жинкина о том, что всякая речь может быть сведена к системе предикатов, которые, последовательно дополняя друг друга, раскрывают состав и соотношение признаков неизвестного ранее предмета действительности. На идеи Н.И.Жинкина базируется построение доминантной структуры текста у А.И.Новикова, который предлагает выделять «ключевые» элементы текста. Такие «ключевые» элементы рассматриваются им как наиболее важные, существенные для понимания. Автор акцентирует, что «в содержательном плане такие элементы представляют собой то, о чем говорится в определенном отрезке текста. Обычно механизм их выделения не осознается достаточно отчетливо. ... формальным критерием выделения «ключевых» элементов является изменение уровня отношений при введении в рассмотрение некоторого очередного «пред-

мета» [1, 147]. В процессе чтения такие смысловые компоненты выделяются почти сразу, «поскольку они являются представителями более широкого содержания. Замещая определенное содержание, они, тем самым разбивают текст на отдельные фрагменты» [1, 134]. Выделением «ключевых» слов осуществляется на основе внутренних связей, «которые не сводятся ни к грамматическим связям внутри предложения, ни к формальным межфразовым связям, хотя и те и другие участвуют в этом процессе, выполняя функцию первичной ориентации в тексте» [1, 148]. А.Р.Лuria также указывал, что в процессе восприятия текста индивид «выделяет смысловые ядра» и «сближает их между собой» [2, 237].

Один из предлагаемых нами приемов моделирования личности по тексту тоже основан на выделении ключевых слов, которые наиболее полно раскрывают содержащуюся в них информацию об авторе. Такой подход возможен лишь при взаимодействии, сопряжении выделения ключевых слов с приемом ассоциативных связей.

Рассмотрим текст: «Я считаю абсурдным выслушивать по данной научной проблеме мнение реципиента, недостаточно осведомленного в теоретических основах». Смысл сказанного может быть сведен к предложению: «Бессмысленно выслушивать недостаточно осведомленного». Отсюда ключевыми словами для понимания смысла сказанного являются слова *абсурдным, выслушивать, недостаточно, осведомленного*.

Для моделирования личности важнейшими представляются слова *научной, проблеме, теоретических основах, реципиента*. Предлагаемый нами путь использования метода ассоциативных связей подсказывает, что автор занимается наукой, чувствует себя в ней не новичком, если считает, что хорошо знает какие-то теоретические основы. Использование термина *реципиент* дополнительно подтверждает отношение автора к психологии или философии, или смежным с ними наукам. Таким образом, предлагаемый метод ассоциативных связей вкупе с методом выделения ключевых слов позволяет моделировать фрагмент личности: автор текста имеет высшее образование, скорее всего, психологическое, связан с наукой, вероятно, имеет учченую степень.

Не всегда ключевые слова и ассоциативные связи могут характеризовать одну и ту же область человеческого «Я». Поэтому важно не останавливаться на выделении только сходных ключевых слов и ассоциативных связей. Нужно, разбив весь текст на смысловые блоки, вести анализ каждого из них. И здесь мы переходим к следующему методу - методу выделения смысловых констант.

Определимся, что мы будем считать константами. В.Ф.Петренко указывает, что значение имеет двойственную природу. «С одной стороны, значение выступает как единица общественного сознания, а с другой - как образующая индивидуального сознания. Представление о значении как единице общественного сознания, кристаллизующей совокупный общественный опыт, относится, в первую очередь, к его развитым понятийным формам, к формам фиксации общечеловеческих знаний. Но общественное знание, как и индивидуальное, гетерогенно и наряду с научным знанием в нем содержатся житейские представления, социальные стереотипы... Наконец, определённые формы деятельности не-

больших социальных групп порождают свои специфические, только им присущие «фигуры» сознания - людей, реализующих эту деятельность: офицанты и шофер такси, работники отдела кадров и руководящие работники, тренер спортивной команды, отбирающий игроков, и следователь, ведущий дознание, - все они обладают своей системой значений, организующихся в эталоны и «стереотипы», образующих категориальную сетку, сквозь призму которой они выделяют в ситуации, в другом человеке значимые для своей деятельности признаки. С другой стороны, в системе представлений каждого индивида есть специфические, присущие только ему составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом» [3, 48-49]. Для нас в этом наблюдении важно то, что в концептуальной системе каждого индивида содержатся концептуальные стереотипы. То, что часть этих стереотипов, как правило, реализуется только в узкой социальной группе, позволяет конкретизировать параметры моделируемой личностью. Таким образом, к константам может быть отнесен стереотип. Следовательно, помимо того, что выделенная нами константа может указывать на принадлежность к определенной социальной группе, она, действуя в ограниченных временных рамках, способна способствовать определению возраста реципиента, что также является одной из характеристик моделируемой личности. Клишированные фразы, речевые штампы, используемые в определенных видах профессиональной деятельности, специфичная терминология также могут быть отнесены к речевым константам, по которым возможно моделирование личности. Соглашаясь с мнением В.Ф.Петренко о том, что значением, передающим информацию, может быть не только слово, но и чертеж, картина и т.д., в качестве еще одного маркера личности мы выбираем приоритетный навык исполнения документа. (Здесь мы намеренно указали в «документе», а не в «тексте», т.к. грамотно отпечатанный документ, имеющий по своему содержанию бытовой характер, оформленный в соответствии с требованиями к деловым письмам, может свидетельствовать, что автор, возможно, профессиональная машинистка. Точно также введение в текст технически грамотно оформленных чертежей как минимум указывает на техническое образование автора.)

Следующий предлагаемый нами прием, использованный при моделировании личности, основывается на некоторых психологических закономерностях. Он менее надежен, чем рассмотренный выше, и подлежит более тщательному сравнительному анализу. В своих исследованиях мы опирались не только на сделанные нами наблюдения, но и на предыдущий опыт других исследователей. Так, психологами замечено, что направленность интересов мужчин чаще ориентирована вовне обыденной жизни (политика, философия, какие-то преобразования), женщины больше ориентированы на решение житейских проблем. «Мужское и женское всегда полярно. Типичное мужское представление о мире имеет внешнюю направленность вектора. Типичное женское представление об окружающем мире направлено внутрь женских переживаний» [4, 28]. (Нами было просмотрено около 70 писем, поступивших в редакции газет и некоторые другие инстанции. 7 из них, касавшихся каких-то экономических или полити-

ческих преобразований, поступило от мужчин и только 1 от женщины, что косвенно подтверждает вывод о направленности мужчин и женщин).

Для женщины в силу ее природных особенностей огромную роль играют дети. Причем чем меньше она загружена политическими, экономическими и производственными проблемами, тем большую значимость дети для нее имеют. Именно поэтому можно с определенной долей уверенности утверждать, что упоминание в тексте о детях, проявление заботы о них или ссылка на положение детей, как наиболее веский аргумент, свойственно именно женщине. (Даже уже упоминавшееся нами письмо женщины о политике говорит о судьбе детей, в то время как ни в одном письме мужчин о детях не упоминается).

По сравнению с мужчинами женщины более эмоциональны. Мы не рассматриваем интенсивность эмоций - здесь многое зависит от типа личности. На наш взгляд, эмоциональность проявляется еще и в том, что женщины более свойственно не ограничиваться в письменном тексте раскрытием только одной темы. В тексте ею должно быть затронуто несколько тем, находящихся в одном ассоциативно-смысловом пространстве. Например, С. в одном письме выразила соболезнование по поводу смерти корреспондента, рассказала, почему и за что она благодарна руководителю С., поздравила с наградой корреспондента Л. и попутно приложила свои стихи детям. Мужчины, как правило, ограничиваются обсуждением какого-то одного объекта их интересов.

Ссылка на прошлый опыт, стремление поучать больше свойственны лицам пожилого возраста. Об этом, в частности, упоминает и Р.М.Грановская [5]. Представители молодого поколения для поднятия собственного авторитета нередко выступают от лица или организации. (Особенно если или вдруг выдвигаются какие-либо требования).

Перечень психологических закономерностей можно было бы продолжить и дальше, но мы не ставили перед собой цель учесть все их многообразие. Для нас важно было показать саму возможность использовать их при моделировании личности по тексту.

Следующий метод, названный нами методом сопоставления эмоциональных и смысловых доминант, является, на наш взгляд, наиболее сложным, т.к. в отличие от метода выделения констант, требует не только знания принадлежности выделенного слова, но и сходного эмоционального состояния.

Н.А.Рубакин советует: «Настоящий пропагандист, будь он оратор, педагог, библиотекарь, профессор должен забыть свое Я, должен перевоплощаться в Я своего собеседника, должен освоится там, вжиться, вчувствоваться в чужое Я. А чтобы лучше всего сделать это, он должен прежде всего подметить, выяснить с самой наглядной ясностью и точностью, какие же именно чувства, эмоции, страсти, аффекты являются в душе собеседника преобладающими?»[6, 35]. Предлагаемое нами моделирование как раз и может стать частью такого «знания». Внесем ясность в само понятие «сопоставление эмоциональных и смысловых доминант». В соответствии с психологической теорией деятельности, разработанной А.Н.Леонтьевым, в психологической деятельности индивида (в том числе и речевой) выделяют три основных этапа: мотивационный, целевой и

исполнительный. Репрезентируя различные мотивационные процессы на уровне отражения, эмоция регулирует процессы смыслообразования личности: процессы их репрезентации в языке. Именно на этом положении основывается психолингвистическая концепция В.А.Пищальниковой об эмоциональной доминанте. Применяя теорию эмоциональной доминанты к художественному тексту, В.А.Пищальникова указывает, что «эмоция до известного момента является единственным смыслообразующим художественного произведения». Отсюда делается вывод о том, что «смыслы, порожденные на эмоциональной основе, будут содержать тот или иной эмоциональный компонент. А если учесть что смыслы в художественном тексте намерено структурируются для выражения доминантного личностного смысла, то вполне логично предположить нахождение в художественном тексте доминантного эмоционального смысла, входящего в него» [7, 18-19]. При этом обращается внимание на то, что в тексте реализуется « вся разветвленная система ведущих и производных эмоций» [7, 13]. Назначение производных эмоций - ситуативное развитие ведущей мотивации. При этом «развитие производных эмоций может идти по нескольким путям. С одной стороны, они могут полностью поддерживать доминантную эмоцию, представляя ее варианты и тем самым более акцентируя суть такой эстетической эмоции. С другой - в художественном тексте могут фиксироваться производные эмоции, отличные от доминантной и даже противоположные ей. Содержание художественного текста могут структурировать амбивалентные эмоции» [7, 16]. Важно и акцентированное В.А.Пищальниковой положение о том, что «авторские эмоции, репрезентированные в тексте, важны не сами по себе, а в связи с тем, что они закрепляют доминантные смыслы, на основе которых и происходит понимание текста» [7, 16]. Заметим кстати, что многое зависит от цели исследования, и если мы пытаемся моделировать личность автора, то именно его эмоции будут для нас важны. При этом для нас очень важны высказывания, сделанные А.В.Кинцель: «во-первых, представление об эмоции как обязательном компоненте смысловой структуры текста, поскольку эмоция регулирует процесс смыслообразования и репрезентации личностных смыслов в языке, во-вторых, представление о множественности средств языковой репрезентации эмоций, несводимой к так называемой эмоциональной лексике. Эмоция фиксируется теме же языковыми средствами, которые представляют языковую структуру текста» [8, 16].

Для нас очень важен и еще один вывод сделанный А.В.Кинцель: «Хотя выдвинутые исследователем положения рассматриваются применительно к художественному тексту, есть основание для их перенесения на структуру другого текста, поскольку выявленные закономерности речевой деятельности человека универсальны и не ограничиваются развитием речевой эстетической деятельности» [8, 16].

Использование предлагаемого приема сопоставления эмоциональных и смысловых доминант, на наш взгляд, невозможен без учета еще одного фактора: фрагменты личности автора зачастую переносятся языковыми средствами, в том числе и закрепленными в них эмоциями, на те объекты действительности,

которые каким-либо образом репрезентируют или ассоциируются с этими фрагментами. Какой смысл вкладываем мы в это утверждение? Психологами замечено, что в большинстве случаев человек стремится отстоять свое Я со всем набором входящих в него стереотипов, идеалов, жизненных установок и т.д. Именно поэтому он будет положительно относиться к тем элементам общественного сознания, которые в наибольшей степени отражают его Я. В тексте это может быть как отдельные стереотипы, так и отдельная система образов со сложной структурой, отражающей личностную структуру самого автора. В этой связи для использования предлагаемого нами приема нам кажется особенно важным обращать внимание на амбивалентность эмоций, особенно если расхождение просматривается между доминантной эмоцией всего текста и отдельно взятого смыслового блока. Допустим, автор, не называя своей социальной и профессиональной принадлежности, на протяжении всего текста ругает колхозный строй, руководителей колхозов, заботящихся только о себе, колхозников, спивающихся от безысходности, и неожиданно на фоне ярко выраженной общей отрицательной эмоции, идет упоминание о ферме, поверившем обещаниям правительства, но жестоко обманутом в своих ожиданиях. Различие в эмоциональных доминантах всего текста и отдельного его фрагмента как раз и позволяет выделить тот отрывок текста, который с наибольшей вероятностью информирует об авторе. Следует отметить, что наряду со сравнением эмоциональных доминант каждого смыслового блока и всего текста ведется сравнение смысловых доминант по тому же принципу. Отличие заключается в том, что выделение таких информативных блоков может вестись на эмоциональном уровне. Эмоция в данном случае служит своеобразной «книгой Ариадны», указывающей на объекты исследования. Сравнение смысловых доминант ведется на понятийном уровне и полностью зависит от объема знаний и аналитических способностей дешифрующего текст.

Еще одним, существенным, на наш взгляд, требованием к тексту, при котором возможно использование предлагаемого приема, является то, что он должен отражать эмоциональную сферу индивида. Естественно, если мы будем изучать техническое описание какого-нибудь устройства, сделанное индивидом, нам будет трудно вести сравнение эмоций, т.к. сам документ предопределяет, во-первых, их очень слабую интенсивность, во-вторых, максимальное отторжение от личности сферы изучаемого.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. В основу рассматриваемого приема положена теория эмоциональных и смысловых доминант и наблюдение психологов о положительном отношении личности к тем фрагментам окружающей действительности, которые адекватны элементам внутреннего мира субъекта.
2. Применение приема сопоставления эмоциональных и смысловых доминант возможно только в том случае, если сам текст в какой-то мере отражает эмоциональную сферу субъекта.
3. Прием основывается на выделении смысловых блоков с положительной эмоциональной доминантой для последующего сравнения и анализа с

эмоциональными и смысловыми доминантами в других смысловых блоках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
2. Лuria A.P. Язык и сознание. М., 1975.
3. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
4. Холод А.М. Речевые картины мира мужчин и женщин. Днепропетровск, 1997.
5. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л., 1988.
6. Рубакин Н.А. Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.
7. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста. Барнаул, 1991.
8. Кинцель А.А. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.

А.В. Кремнева

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИФА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Исследование текста как специфического объекта, занимающего одно из центральных мест в лингвистике, ведется в различных аспектах многими научными направлениями. Будучи сложным и многоаспектным речесмыслильным феноменом, текст изучается сегодня не только лингвистами и литературоведами, но и психологами и социологами, философами и антропологами, историками и культурологами. Вследствие общей тенденции науки к экспансиионизму и интеграции возникают новые перспективные направления, занимающиеся текстом: психо-поэтика, лингво-культурология, филологическая герменевтика и др. По мнению многих исследователей, тексту предстоит занимать центральное место и в новом тысячелетии, поэтому лингвистику XXI века называют лингвистикой текста [Болотнова 1998, 61].

Текст изучается в самых различных ракурсах: как сложное синтаксическое целое, обладающее свойством когезии и когерентности (структурной и смысловой целостности), как единица дискурса, как целостное речевое произведение, как единица культуры и искусства и т.д. Трактовка текста и его определение зависят от того, какой из его аспектов находится в поле зрения исследователя и с каких позиций он изучается.

Рассматриваемый с позиций деятельностного подхода, получившего широкое распространение в современных психолингвистических исследованиях, текст рассматривается как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Пищальникова 1993, 6]. Одним из важных аспектов данного опре-

деления является то, что смысл художественного текста выявляется только в процессе его восприятия, т.е. восприятие текста рассматривается как коммуникативный процесс, предполагающий наличие читателя. Подобное понимание текста является основополагающим и для работ по рецептивной эстетике, исходным положением которой является мысль о том, что произведение и реципиент являются двумя полюсами реализации смысла художественного текста, поскольку смысл художественного произведения формируется в результате взаимодействия между произведением и его читателем [Борев 1985, 21. 25].

В современной лингвистике текста получили широкое признание мысли М.М. Бахтина о том, что текст представляет собой диалог автора не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой. М.М. Бахтин отмечал, что писатель, определяя в процессах собственного художественного творчества отношение своего текста к другим текстам, выходит в широкий “диалогический” контекст настоящей и предшествующей литературы, и тем самым вырабатывает собственную эстетико-мировоззренческую позицию и те художественные формы, которые позволяют выразить ее наиболее полно [Бахтин 1975].

Идеи М.М. Бахтина получили развитие в теории интертекстуальности, которая, по мнению И.В. Арнольд, отражает “непрерывный процесс взаимодействия текстов и мировоззрений в общей цепи мировой культуры” [Арнольд 1995, 14]. Несмотря на имеющиеся различия в трактовке интертекстуальности (одни исследователи акцентируют источники влияния [Bloom 1973], другие - реконструкцию текстопорождающего процесса [Смирнов 1995], третьи рассматривают интертекстуальность как один из приемов выдвижения, способствующих осознанию глубинного смысла текста [Арнольд 1995]), большинство авторов сходятся во мнении, что смысл художественного произведения формируется посредством ссылки на другой текст, который существует в творчестве того же автора, в смежном дискурсе, в смежном искусстве или в предшествующей литературе [Смирнов 1995, 11].

Таким образом, общим условием реализации принципа интертекстуальности является наличие “текста в тексте”, т.е. прецедентного текста, мотивы, фрагменты, язык или сюжет которого транспонируются автором в собственный текст и используются им для порождения нового смысла, для переосмысления меняющегося мира в различных культурных контекстах. Важным моментом в теории интертекстуальности является, на наш взгляд, выделение двух ее сторон: читательской, или исследовательской интертекстуальности и авторской интертекстуальности [Фатеева 1997, 12-13]. Читательская интертекстуальность понимается как установка на более глубокое понимание текста и разрешение непонимания текста(текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей данного текста с другими, соотнесенными с ним референциальной, синтагматико-комбинаторной, звуковой и ритмико-сintаксической связями слова. Авторская интертекстуальность представляет собой способ порождения собственного текста и постулирования собственного поэтического “Я” через “сложную систему оппозиций, идентификации и маскировки с текстами дру-

гих авторов (т.е. других поэтических “Я”). При порождении нового текста эта система действует уже в структуре идиостиля определенного автора, создавая многомерность его “Я” [Там же, 13-14]. Данное положение представляется нам достаточно важным, так как оно согласуется с тезисом о взаимодействии читателя и писателя в процессах восприятия текста.

К числу наиболее частотных прецедентных текстов относятся произведения классической литературы, а также античные и библейские мифы. В задачи данной статьи входит рассмотрение сущностных характеристик мифа и особенностей его функционирования в художественном тексте.

Литературоведы отмечают, что характерной чертой литературы XX века является т.н. неомифологизм, т.е. возвращение к *мифу как способу художественной организации текста*, средству выражения вечных истин и модели постижения неизменной сути человека. Миф выступает в качестве базового понятия в работах, посвященных анализу художественных произведений с позиций мифологического подхода. Миф привлекает к себе пристальное внимание не только литературоведов и лингвистов, но также психологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Однако само определение мифа оказывается далеко не однозначным.

М.В Никитин в своей работе, посвященной анализу роли мифа в структуре сознания, выделяет шесть основных трактовок данного термина. Во-первых, под мифом понимаются ложные представления о чем-либо, достаточно распространенные и навязываемые в силу заблуждения или обмана. Во-вторых, метонимическим мифом называют лица, вещи и события, обладающие необычными свойствами или исключительными свойствами. В-третьих, сегодня мифами нередко именуют намеренно укореняемые или стихийно усваиваемые массовым сознанием искаженные представления о некоторых событиях общественной жизни. В-четвертых, этим термином обозначают особый вид народных преданий, относящихся к далеким временам, в которых на донаучной фантастической основе излагаются значимые для данного этноса представления о мире, о силах и существах, управляющих миром и людьми. В-пятых, к мифу относят ту часть религиозных доктрин, преданий и текстов, которая расходится с научными представлениями о человеке и истории. И в-шестых, с мифом связывают целый этап в развитии человеческого сознания и мышления, который, в соответствии с широко распространенным мнением, якобы предшествовал современному этапу рационально-логического мышления и определял способ мировидения и поведения человека [Никитин 1998, 47-48]. Как справедливо замечает М.В. Никитин, представление о всеобщем господстве мифологии в структуре первобытного сознания, берущее свое начало от идей немецких философов-романистов и филологов XIX века, сложилось, по всей вероятности не на основе целостной реконструкции первобытного сознания, а, скорее всего, на основе гиперболизации лишь одной из его сторон, нашедшей отражение в эпических преданиях, которые и изучались немецкими романтиками. Однако тот факт, что первобытному человеку удавалось в конечном счете решать задачи выживания, подчинения себе природы, накопления и передачи опыта и знаний, а

также наблюдения за жизнью современных примитивных народов свидетельствуют о том, что мифологическое сознание не играло определяющей роли в структуре первобытного сознания и “миф никогда не подчинял себе объективно обоснованное знание” [Там же, 49].

Миф понимается и как компонент сознания, конкретно-образный способ миросозерцания, и как словесное произведение, являющееся продуктом такого мышления. У разных исследователей, в зависимости от сферы их интереса и ракурса исследования, может превалировать тот или иной аспект мифа. Так, в концепции К. Леви-Страсса миф как мировоззрение почти полностью оттесняет миф как повествование, а Р. Барта миф - это прежде всего слово, высказывание [Барт 1989, 72]. Е.М Мелетинский определяет миф как “запечатленное в образах познание мира”, как “образы, закрепленные в слове и ставшие достоянием целого коллектива” [Мелетинский 1976, 4].

На эту особенность мифа указывал А.А. Потебня, который подчеркивал, что миф “есть акт сознательной мысли, акт познания, объяснения Х посредством совокупности прежде всего данных признаков, объединенных и доведенных до сознания словом или образом А” [Потебня 1990, 284]. Рассматривая сущность мифа, ученый акцентировал его познавательную ценность, субстанциональность образов мифа, особо подчеркивая при этом, что миф является результатом, продуктом особой формы мышления, закрепленной в слове. Не менее важной в концепции А.В. Потебни является высказанная им мысль о том, что, будучи продуктом мифической формы мышления, миф может возрождаться или возникать в любой период истории общества, входить в общественное сознание любой эпохи, а не только той, которая его породила.

Основные положения концепции А.А. Потебни, и прежде всего его стремление рассмотреть психологические основы мифологического мышления и его механизмы в опоре на язык, на слово не утратили своей актуальности, а, напротив, получили дальнейшее развитие в современных психолингвистических исследованиях. Так, В.А. Пищальникова, развивая мысль А.А. Потебни о том, что способность к мифотворчеству присуща людям всех времен, подчеркивает, что все виды мифов теснейшим образом переплетаются в сознании, образуя весьма сложную и разветвленную систему, входящую в смысловой континуум личности и отчасти обусловленную им. Миф, будучи продуктом воображения, может свидетельствовать о содержании мышления своего творца, его концептуальной системе и его эстетических мотивах. Определяя место мифа в концептуальной системе индивида, и соотнося его с понятием конвенционального стереотипа (который определяется ею как средство организации, хранения и представления знаний в концептуальной системе, выполняющее функцию регулятора в восприятии и понимании художественного текста), она приходит к выводу о том, что миф может рассматриваться как одна из разновидностей конвенционального стереотипа на основе общности таких характеристик, как устойчивость, воспроизводимость и эмоциональность [Пищальникова 1993, 97-100].

Вместе с тем, обладая общностью вышеперечисленных характеристик с конвенциональным стереотипом, миф имеет, на наш взгляд, одну отличительную черту, которая заключается в *характере знания*, отраженного в нем - в мифе отражено фидейное знание, т.е. знание, основанное на вере.

Исходя из вышеизложенного, представляется вполне обоснованным рассматривать миф как особую устойчивую форму хранения знания (в данном случае фидейного знания), обладающую всеми характеристиками конвенционального стереотипа, закрепленную в слове и выступающую в качестве регулятора восприятия и понимания текста.

В художественном тексте может быть представлено несколько конвенциональных стереотипов, различных как в содержательном, так и в структурном планах, и их взаимодействие определяет его смысловую структуру. При этом в различные периоды литературы, а также в творчестве различных авторов одни стереотипы могут доминировать над другими. Характерной особенностью литературы XX века, как уже отмечалось выше, является тенденция к неомифологизации, т.е. к сохранению, возрождению и созданию мифов как средств выражения вечных истин и способов художественной организации материала. Как отмечает Е.М. Мелетинский, мифология в силу своей исконной символичности оказалась удобным способом описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса [Мелетинский 1976, 9]. М. Телегин подчеркивает, что именно миф, занимая подтекст романа и образуя его глубинный смысл, делает его подлинно классическим произведением. Он вводит в литературоведческий анализ термин “мифореставрация”, под которым понимается “ метод анализа фольклорного или художественного текста, включающий в себя выявление в нем элементов мифологического сознания, определения действия законов мифотворчества, установление степени мифологичности текста, анализ мифологических мотивов и последующую интерпретацию или восстановление мифологического сюжета [Телегин 1995, 3] Используя данный метод в изучении творчества Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, автор, в силу специфики его интересов, уделяет основное внимание содержательной, а не языковой стороне их произведений [Телегин 1994].

Каким образом осуществляется функционирование мифа в художественном тексте? Поскольку в художественном произведении находит свое отражение индивидуальная ментальная картина мира, присущая автору, способы интериоризации или создания мифа могут быть различными. При этом характер интериоризации - один из факторов, определяющих особенности идиостиля писателя. Известный исследователь мифологической прозы Е.У. Херд выделяет пять типов мифологической прозы:

1) произведения, которые представляют собой переложения мифов, полностью повторяя их сюжет. В качестве классического примера такого произведения может служить роман Дж. Джойса “Улисс”, герой которого Леопольд Блюм совершает путешествие длинной в один день, а его маршрут по внешнему и по внутреннему миру соотносится с путешествием Одиссея;

2) романы, в которых миф используется в качестве литературной аллюзии для привлечения читательского внимания, а также для того, чтобы придать значимость выбранной теме с помощью мифологических иллюстраций и параллелей. В качестве примеров таких авторов исследователи часто называют Т. Манна, сравнивая мифологические мотивы его произведений с айсбергом, скрытая часть которого оказывается доступной лишь очень внимательному читателю, чьи фоновые знания позволяют адекватно интерпретировать вертикальный контекст произведений Т. Манна и выявить скрытые аналогии;

3) романы, в которых миф осознанно используется в качестве структурного элемента;

4) произведения, в которых мифологическая структура не развивается автором сознательно, но тем не менее может быть выявлена;

5) романы, в которых либо сам автор, либо критики заявляют о создании нового мифа [Herd 1969, 69-77].

Как отмечает другой известный исследователь мифологической прозы Д. Уайт, данная классификация, хотя и признанная многими исследователями, оказывается слишком дифференцированной, чтобы ее можно было использовать в практическом анализе [White 1971, 52]. Отдельные ее моменты не являются взаимоисключающими (например, 2 и 3), а другие - достаточно субъективными (3, 4, 5), поскольку зависят не только от замысла автора, но и от восприятия интерпретаторов.

Нам представляется, что в идиостиле каждого конкретного автора способы включения мифа в текст оказываются различными. Наибольший интерес для лингвистического исследования представляют такие произведения, в которых мифологический сюжет не воспроизводится полностью, а присутствует в качестве мотива, смысловой доминанты, находящей свое вербальное выражение в прямом или скрытом цитировании, топонимах и антропонимах и других интертекстуальных вкраплениях.

В качестве примера одного из таких произведений можно привести роман Дж. Стайнбека "На восток от Эдема". Все творчество этого писателя пронизано мифологическими мотивами. В качестве прецедентных текстов используются легенды о короле Артуре (повести "Тортилья-Флэт", "О мышах и людях"), а также Библия (романы "Гроздья гнева", "Зима тревоги нашей", "На восток от Эдема"). Для раскрытия ключевой темы романа "На восток от Эдема" Дж. Стайнбек использует библейский миф о Каине и Авеле, проходящий доминантной сквозной аллюзией через весь роман и обеспечивающий эффект тройного параллелизма нарративных линий антецедента и консеквента. Библейская драма разыгрывается между братьями двух поколений семьи Трасков: вначале Адам и Чарльз, а затем Аарон и Калеб. Сквозная аллюзия на библейский миф состоит из комплекса отсылок к библейскому тексту. Описывая братьев, автор постоянно подчеркивает сходство каждого из них со своим библейским прототипом. Сюжетный параллелизм подчеркивается порой избыточными прямыми корреляциями (Чарльз и Калеб - землепашцы, Аарон занимается разведением

кроликов; в ответ на вопрос о пропавшем брате и Чарльз, и Калеб буквально воспроизводят библейский текст "Am I my brother's keeper?").

Само название романа представляет собой усеченную библейскую аллюзию ("The East of Eden" - the Land of Nod, место изгнания Каина, убившего Авеля). Будучи аллюзивным, заглавие сообщает читателю некоторую информацию еще до ознакомления с текстом, настраивая его на многоплановое восприятие произведения. Благодаря многократному упоминанию топонима Эдем в тексте читательское восприятие фокусируется на данном образе, а весь смысловой объем заглавия выявляется лишь при ретроспективном переосмыслении прочитанного.

В результате интертекстуального анализа романа мы пришли к выводу о том, что библейский миф находит свое отражение на всех уровнях романа, начиная от сюжетно-композиционного до морфологического (единичные случаи использования архаичных морфологических форм). Библейские антропонимы организуют систему образов, подчеркнутую фонетически и графически. Персонажи, чье имя начинается с буквы K, символизируют греховность и зло и противопоставлены героям, чье имя начинается с буквы A [Pratt 1970, 31].

Библейские аллюзивные цитаты, как доминантные, так и локальные, создают особый подтекст, библейский фон, способствуя восприятию смысла проходящего в философском плане. В качестве смысловой доминанты романа выступает усеченная библейская аллюзия, представленная древнееврейским глаголом *timshol* (у Стайнбека *timshel* - thou mayest - ты можешь), заключающая в себе основной смысл романа, который может быть определен как возможность самостоятельного выбора - устоять перед грехом или поддаться ему, и этот выбор придаст величие человеку, возвышая его до уровня богов.

На лексическом уровне интертекстуальные связи с текстом-антецедентом находят свое проявление в семантическом повторе "библейских" слов, что способствует созданию поэтического библейского мотива. На 778 страницах романа "библейские" слова встречаются на 217 страницах, причем на каждой из них многократно. Подобное скопление "библейских" слов с их богатым ассоциативным потенциалом способствует выявлению концептуальной системы автора, созданию особой эмоциональной насыщенности текста и раскрытию его смысловой доминанты.

На ритмико-синтаксическом уровне функционирование библейского мифа отражается в попытке автора воспроизвести библейскую мелодику, что достигается за счет многократных цепочек однородных членов предложения, полисинтетона и асинтетона, использования инициальных союзов (and, for), параллелизма, хиазма и других синтаксических приемов, способствующих воспроизведению ритмико-intonационного рисунка текста-антецедента.

Заключая, можно сказать, что лингвистический, в том числе интертекстуальный анализ функционирования мифа в художественном тексте не только существенно дополняет отдельные положения литературоведческого анализа, но и позволяет увидеть жизнь мифа в новом тексте, проникнуть в содержание мышления автора, его систему концептов и особенности его идиостиля.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики. Лекции к спецкурсу. СПб, 1995.
- 2 Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- 3 Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном творчестве (1924) // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- 4 Болотнова Н.С. О статусе коммуникативной стилистики текста и перспективах ее развития // Семантика и прагматика текста. Барнаул, 1998. С. 60-69.
- 5 Борев Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика// Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика. М., 1985. С. 3-68.
- 6 Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
- 7 Никитин М.В. Миф в структуре сознания// Актуальные проблемы стилистики декодирования. теории интертекстуальности, семантики слова и высказывания. Спб, 1998. С.43-54.
- 8 Лицальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул, 1993.
- 9 Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1970.
- 10 Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интер-текстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). СПб, 1995.
- 11 Телегин С.М. Философия мифа. Введение в метод мифореставрации. М., 1994.
- 12 Телегин С.М. Жизнь мифа в художественном мире Достоевского и Лескова. М., 1995.
- 13 Фатеева Н.Е. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе// Известия АН, серия литературы и языка. М., 1997. Т.56. №5. С.12-21.
- 14 Bloom H. The Anxiety of Influence. New York, 1973.
- 15 Herd E.W. Myth Criticism: Limitations and Possibilities // Mosaic, II, 1969.
- 16 Pratt J.C. John Steinbeck. A Critical Essay. Michigan, 1970.
- 17 White J.C. Mythology in the Modern Novel. Princeton UP, 1971.
- 18 Steinbeck J. East of Eden. Penguin Books, 1986.

Н.Б.Лебедева

ПОЛИСИТИАТИВНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА "ПОДГОВОРИТЬ")

Полиситуативность как категория отражает широкий круг языковых явлений временного плана, в которой находит выражение диалектическое взаимодействие дискретности и континуальности мира. Полиситуативность проявляется в текстовых, синтаксических и лексических структурах. Глагол как часть речи призван обозначить элементы действительности в процессе движения, развития, развертывания изменяющегося мира, перетекания одних состояний, "положения вещей" в другие: "...мир движется, изменяется во времени. Для того чтобы отразить, изобразить это движение, необходимо соединить представ-

ления о последовательных, сменяющих друг друга положениях вещей [Шатуновский 1996, с. 309]". В реальной действительности все ситуации связаны друг с другом, и они не только перетекают один в другой, но и сосуществуют в параллельных и непараллельных, пересекающихся, мирах, к тому же они и сами состоят из подситуаций. Именно человеческое мышление, выполнение функцию "концептуализации потока происходящего" [Арутюнова 1988, с. 8], членит действительность на отдельные фрагменты (ситуации, состояния, положения дел, события, кванты, фазы, фреймы и т.д.), выделяет аспекты и характеристики этих фрагментов, дает им оценку и пр., - и все это оно представляет через язык как отдельные события, в их взаимосвязи или более-менее автономно. "Язык постоянно балансирует между упорядоченностью мышления и хаосом жизненных ситуаций, индивидуальных психологий и взвешенных ценностей" [там же, с. 4].

Случаев, когда высказывание описывает одну ситуацию, в принципе мало: "В целом, вероятно, распространение такое положение, когда в пределах высказывания отражается **связь некоторых ситуаций**" (выделено нами - Н.Л.) [Касевич 1988, с. 73]. Более того, глагол обычно выражает полиситуативные фрагменты. Полиситуативность как категория находится на пересечении таких лингвистических явлений, как таксис, каузативность, способы действия, фреймовая семантика, ее составляет большинство аспектуальных категорий - "кратность, длительность, выделение той или иной фазы действия (фазовость), актуальность последствий действия для более позднего временного плана (перфектность)" [Бондарко 1987, с. 41] - и ряда других.

Глаголы, в семантике которых "упакована" полиситуативная структура, различаются а) степенью выделенности, дискретности (микро)ситуаций; б) способом "семантической упаковки" их; в) характером взаимоотношений ситуаций; г) способом "формальной упаковки" их, то есть формальной выраженности.

Полиситуативность может быть представлена ("упакована", реализована) глагольной единицей принципиально разными способами, которые можно обобщить в **четыре основные типа**. Они отличаются по степени выделенности, оформленности микроситуаций и выстроены в градуальный ряд - от минимальной к максимальной. Поэтому эти типы можно назвать **уровнями расчлененности**.

1) **Длительность**, когда само протекание процесса есть смена ситуаций.

2) **Дискретность/Фазовость**: номинированная денотативная ситуация - действие и процесс - состоят из фаз, квантов, корпускул, которые являются особыми ситуациями.

3) **Квантификация** ситуаций: глагол называет **обобщенную**, совокупную ситуацию, состоящую из более простых; выделяются два типа квантификации: а) "сложное" действие, б) кратность, которая, в свою очередь, состоит из трех разновидностей - мультиплективность, дистрибутивность, итеративность).

4) **Конситуативность**, когда в рассмотрение включены смежные, параллельные, сопутствующие ситуации. Максимальная семантическая структура,

включающая, кроме основной (лексикализованной ситуацией - Л-ситуацией), и конситуации, - названа нами **ситуатемой**.

Конситуации, с которыми связана коммуникативно релевантная (ассертивная) ситуация, хронологическими, пространственными, логическими и прочими связями, представляют собой как бы фазы и фрагменты единого онтологического континуума. Конситуации бывают проспективные (если они следуют после Л-ситуации) и ретроспективные (если они предшествуют Л-ситуации). Они создают проспективный план ситуатемы и ретроспективный план. Ситуатема - единица денотативно - пропозиционального слоя того содержания, которое ассоциируется с глаголом. При этом мы акцентируем внимание на том, что эта структура **полипропозициональна** (логический аналог полиситуативности).

Мы предлагаем свой вариант **когнитивного анализа** ситуатем.

Рассмотрим ситуатему глаголов группы **ПОДГОВАРИВАТЬ / ПОДГОВОРИТЬ** - ПОДУЧИВАТЬ, ПОДСЫЛАТЬ, ПОДСТРЕКАТЬ, ПОДУСЬКИВАТЬ, ПОДЗАДОРИВАТЬ, ПОДЗУЖИВАТЬ, ПОДНАЧИВАТЬ, ПОДБИВАТЬ и пр.

I. Базовый глагол **ПОДГОВОРИТЬ/ПОДГОВАРИВАТЬ** имеет словарную дефиницию "Уговорами тайно склонить к чему-либо, подстрекнуть к кому-либо поступку": *Подговорить детей на проказы; Карманов подговорил малого, сыгравшего на поселение, смениться с ним;* (Л. Толстой, Воскресение).

II. УЧАСТНИКИ СИТУАТЕМЫ.

Ситуатема базового глагола этой группы ПОДГОВАРИВАТЬ / ПОДГОВОРИТЬ (*Иван ПОДГОВОРИЛ мальчишку залезть к соседу в сад*) включает **шесть Участников**: три субстанциональных Участника - Субъекта (один из них - *сосед* - существует в ментальной сфере в пределах Л-ситуации и в реальной сфере в проспективной ситуации), одного делиберативно - перцептивного Участника (ДПУ, Текст), одного абстрактного Участника - "вред", Ущерб, еще одного абстрактного Участника - Субъекта Оценки (этической). Возможны **факультативные Участники**.

Рассмотрим Участников ситуатемы.

1). **Субъект-1 (С-1)** - Говорящий (Подговариватель), он же Каузатор всей ситуатемы, Бенефициэнс, Инспиратор ментальной проспективной ситуации, где роль Исполнителя предназначена С-2.

2) **Субъект-2 (С-2)** - Слушающий, Адресат речи, Пациенс ментального, психологического и операционального воздействия со стороны С-1, потенциальное Орудие (Исполнитель) для осуществления замыслов С-1, Агенс по отношению к Субъекту-3 в потенциальном действии и Каузатор потенциального действия - нанесения ущерба Субъекту-3 в проспективной Ситуации-2. Адресат речи обладает в функциональном аспекте гетерогенной природой: он - 1) реципиент речевого и 2) пациент волевого воздействия, 3) орудие (средство) достижения цели Субъекта-1, 4) активный Субъект потенциального, проспективного действия по отношению к Субъекту-3, Объекту Ущерба. Выступая Средством

достижения чужой цели, Объектом манипуляции Субъекта -1, он также частично является и Объектом Ущерба, так как действует не в своих целях.

3) **Субъект-3** - потенциальный Субъект Ущерба в проспективной ситуации и ментальный - в лексикализованной Ситуации.

4) **Делиберативно-перцептивный участник** (ДПУ)- Речь, Текст, сообщаемый Субъектом-1 Субъекту-2, "заряженный" каузативной силой по отношению к Субъекту-2, с целью сделать его субъектом нанесения ущерба Субъекту-3, т.е. орудием осуществления замысла С-1. Таким образом, ДПУ в этом фрейме обладает не столько информативной функцией, сколько каузативной. Следовательно, Текст в этой ситуатеме выступает детерминемой: в Л-ситуации он является Средством воздействия Субъекта-1 на ментальную, психическую, интенциональную стороны Субъекта-2, а именно - Средством перевода С-2 из самостоятельного Субъекта в потенциальное Орудие; в проспективной ситуации - Каузатором будущих (возможных) действий Субъекта-2 и, следовательно, детерминемой (Причиной) по отношению к 5-му Участнику - Ущербу. В сферу этого Участника в качестве составной части могут быть включены факультативные Участники - аргументы, которыми С-1 заинтересовывает, убеждает и т.д. С-2.

5) **Ущерб, "вред" - абстрактный Участник объективно -результативного типа**. Он является важнейшей детерминемой всей ситуатемы, связывающей воедино ретроспективную, лексикализованную и проспективную ситуации и всех Участников. В ретроспективной ситуации этот Участник сформировался; в Л-ситуации он является Целью действий С-1, детерминируя поведение всех Участников; в проспективной потенциальной ситуации определяет характер и способ действия С-2, выступая теперь уже Целью действий С-2, - в ближайшей периферии в ситуатеме глагола СВ ПОДГОВАРИВАТЬ и в более дальней - в ситуатеме глагола НСВ ПОДГОВАРИВАТЬ. В более дальней периферии этот Участник может проявиться в виде нового **Признака** у С-3, как результат действия С-2 в ближайшей периферии.

6) **Субъект-4 - абстрактный Субъект Этической Оценки - Наблюдатель**, Представитель Общественных Интересов (в данном случае - этических). Он содержится в сознании участников ситуации, может проявиться в возможных исходах процесса.

III. ПРОПОЗИЦИИ СИТУАТЕМЫ

Ситуатема типового (ядерного) глагола ПОДГОВОРИТЬ / ПОДГОВАРИВАТЬ (*Иван ПОДГОВОРИЛ/ПОДГОВАРИВАЛ мальчишку залезть к соседу в сад*) представлен **пятью пропозициями** - двумя событийными (реальной и ментальной), соотносимыми с двумя ситуациями, одной каузально - логической с целевым содержанием, одной модусно-логической ("не знает") и одной модально-логической ("не желает").

Пропозиция-1: Субъект-1 говорит нечто Субъекту-2 (с целью превратить его в Орудие осуществления своего замысла - каузировать Ситуацию-2). Ситуация-1 (*Иван говорил мальчишке ...*) - событийная, реальная, целенаправленная, каузирующая Эта ситуация является детерминемой по отношению к Си-

туации-2 и состоит фактически из двух пропозиций: С-1 говорит, С-2 слушает. В реальности же С-2 может тоже говорить, возражать и пр. Но все эти пропозиции втягиваются в одну пропозицию глагола “говорить”.

Пропозиция-2: Субъект-2 делает нечто в ущерб Субъекту-3 (*Мальчишка лезет к соседу в сад*). Ситуация-2 - событийная, ментальная, потенциальная, целевая: она является целью действий и намерений Субъекта-1 и существует не в реальности, а в “голове” (сознании) С-1 в начальной стадии и в “голове” (сознании) С-2 в конечной стадии. Воплощение ее в реальность находится в панораме возможных миров. Отношения между этими двумя пропозициями - отношения временного следования и причинно - следственных связей.

Пропозиция-3: каузально - логическая, целевая (равная союзу чтобы): пропозиция-1 имеет целью каузировать пропозицию-2. Эта пропозиция является скрепой двух событийных - реальной и потенциальной.

Пропозиция-4: модусно-логическая: С-3 не знает о Ситуации-1.

Пропозиция -5: модально-логическая: С-3 “не желает” ее.

Имеется этический модус “плохо”, который содержится в сознании Наблюдателя и всех Участников-Субъектов.

IV. КОНФЛИКТНЫЙ СТЕРЖЕНЬ СИТУАТЕМЫ

Ситуатема глагола ПОДГОВОРИТЬ имеет конфликтную основу. Конфликт является основной детерминемой всей ситуатемы.

Конфликт, заложенный в структуре предиктивного денотата, имеет два ядра. Первое ядро конфликта состоит в несовпадении интересов С-1, “Подговаривателя” - Ивана (Каузатора - по отношению ко всей ситуатеме, Бенефициенса - по характеристике Цели, Инспиратора - по отношению к С-2 в перспективной ситуации) и С-3 - соседа (Объекта Ущерба). С-1 имеет заинтересованность (причину, мотив и пель) - она в структуре ситуатемы играет роль детермины - в нанесении ущерба С-3, который, естественно, “не желает” этого. Таким образом, они находятся в антагонистически противоположных модусах. Второе ядро конфликта заключается в неполном совпадении интересов С-1 - Ивана (Манипулятора - по отношению к С-2 в Л-ситуации) и С-2 (*мальчишки*). С-2 является Объектом манипуляций и провокации со стороны С-1, Пациенном, поскольку С-1 стремится преобразовать его в свое Орудие для достижения своей цели. С-2 может согласиться или не согласиться на эту роль, поскольку его интересы могут не полностью совпадать с интересами Манипулятора - С-1. ПОДГОВОРИТЬ подчеркивает личную заинтересованность С-1, его некоторую “скрытность” замысла, т. е. неполное раскрытие своих интересов, суть которых - в проникновении в жизненную сферу другого Субъекта. Это и есть определяющий фактор всей ситуатемы.

Таким образом, конфликтобразующей детерминемой ситуатемы глагола ПОДГОВАРИВАТЬ является несовпадение интересов С-1 и других Субъектов. Сущностно необходимым, конституирующем, инвариантным стержнем - “категорично действующим признаком” (У. Лабов) - является конфликт между интересами С-1 и С-2: С-1 манипулирует С-2, делая его Орудием для достижения своих целей. Назовем этот признак эгоцентризмом Субъекта-1.

V. ДИНАМИКА СИТУАТЕМЫ .

Разбираемый фрейм относится к динамическим, поскольку в процессе протекания события у участников происходит трансформация, переход из одного - информативного, психологического, телеологического состояния - в другое. С-1 “на входе” находится в состоянии готовности к манипулятивным (информационным, психологическим, возможно, операциональным) действиям по отношению к Адресату речи; в процессе протекания события он может менять способы и приемы манипулятивной деятельности в зависимости от реакций Адресата, у него могут меняться психологические, ментальные, волевые состояния. “На выходе” у него могут быть два основных варианта состояния - удовлетворение при успешности деятельности от достигнутости результата (Адресат превратился в Орудие - в ситуатеме глагола СВ-ПОДГОВОРИЛ) и неудовлетворение при неуспешности деятельности (один из вариантов исхода протекания ситуатемы глагола НСВ ПОДГОВАРИВАТЬ). Также и остальные участники меняются в процессе самого протекания события. Глаголы этой подгруппы имеют более тесную связь с проспективный планом, поскольку Субъект-1 имеет замысел, который проявляется в неполном раскрытии своих интересов.

1. Динамика фрейма со стороны Субъекта-1.

С-1, Подговариватель, каузировал всю ситуацию , сформировав до наступления этого события - в ретроспекции: а) **Заинтересованность** в нанесении ущерба Субъекту-3, то как там, в ретроспекции, сформировалась **Причина**, транспортировавшаяся во внутренний мир С-1, воплотившись в **Мотив** поведения в лексикализованной ситуации; б) **Намерение (интенцию)** нанести ущерб Субъекту-3, превратившееся в **Цель**; в) **Намерение использовать** другого Субъекта в качестве **Орудия** для осуществления цели в проспективной, потенциальной ситуации; г) **Намерение** осуществить это, используя в качестве **Средства** - речь. Итак, С-1 действует в модусе заинтересованности.

Таким образом, данная, лексикализованная, ситуация тесно связана с ретроспективным и проспективным планом, но с последним - значительно больше, настолько, что проспективная ситуация втягивается в лексикализованную на правах составляющей, но только на ментальном уровне, как целевая. Эта Ситуация-2, осуществление которой относится в проспективный план, может состояться, а может и нет, так как находится “в панораме возможных миров”. С-1 является реальным Каузатором Ситуации-1 и Инспиратором - Ситуации-2.

С-1 действует в модусе знания “своей” Ситуации-1 и контролирует (но не полностью) ее - интенциально и денотативно, являясь ее каузатором, “режиссером” и “исполнителем”. Этот модус знания является детерминемой всех его действий: так как он намерен в проспективной ситуации использовать Орудие для достижения необходимой цели, то в лексикализованной ситуации именно этим намерением детерминировано его поведение - превращение не-зависимого Субъекта-2 в потенциальное Орудие в желаемой проспективной Ситуации-2. Это превращение происходит с помощью Средства - делиберативно - перцептивного участника - Речи, “заряженного” каузативной силой. Субъект-2 выступает в качестве Адресата - Реципиента речи и Пациенса мен-

тального, психологического и волевого воздействия Субъекта-1. Субъект-1 является Агентом по отношению к Адресату речи, воздействуя на него ментально и психологически, зарождая, индуцируя в нем интенцию действовать в проспективной ситуации, провоцируя его на эту деятельность. Таким образом, у С-1 имеется два Инструмента: а) Средство - Речь - для воздействия на С-2 в реальной лексикализованной ситуации, б) Орудие - С-2, для воздействия на С-3 в потенциальной проспективной ситуации.

С-1 является "иеполным Контролером" ситуации-1 ("неопределющим агентом" по [Булыгина, 1982, с.111]): являясь "режиссером" ("интенсиональным контролером") всей ситуации [Кустова, 1992, с.146], он не выступает "единоличным" "исполнителем" ("денотативным контролером"), поскольку это интерсубъектное действие (реципиентом его речи является лицо, имеющее сознание, волю, свои интересы), постольку и "на выходе", в "пункте Б", "не гарантирован" положительный результат, обязательное достижение результата. Здесь имеется своя "панорама возможных миров": как и в большинстве глаголов НСВ, возможны два исхода - успешное и безуспешное. У глагола в форме СВ - "подговорить"- действия Субъекта-1 оказались успешными. Что касается проспективной, потенциальной Ситуации-2, то в ней С-1 не может выступить Контролером - ни интенсиональным ("режиссером"), ни денотативным ("исполнителем"). Его функция - быть "Сценаристом" и Каузатором, а именно - Инспиратором ("вдохновителем"), "запускающим" процесс созревания интенции (намерения) у исполнителя.

У этого участника - Субъекта-1 - изменение в процессе протекания события заключается в его движении от намерения превратить С-3 в свое орудие - к реализации этой цели. Свою речь он ведет так, чтобы достичь своей ближайшей цели - сделать С-2 своим Орудием для достижения дальнейшей цели - нанести ущерб Субъекту-3.

2. Динамика ситуатемы со стороны Субъекта-2.

С-2 - Адресат речи, лицо, следовательно, он обладает своей волей, сознанием и может иметь свои интересы, поэтому в Ситуации, номинированной глаголом в НСВ - ПОДГОВАРИВАТЬ, может иметь место два варианта: 1) "успешный", такой же, как в ситуации, номинированной глаголом СВ ПОДГОВОРИТЬ- Иван ПОДГОВАРИВАЛ и ПОДГОВОРИЛ мальчишку, 2) "безуспешный", когда С-2, получив Информацию, не становится Орудием С-1 - Иван ПОДГОВАРИВАЛ, но НЕ ПОДГОВОРИЛ мальчишку. При успешном варианте все развитие фрейма составляет перевод С-2 из состояния незнания в состояние знания и из нейтрального психологического, ментального и интенционального состояния в "заряженного" каузативной силой участника, из самостоятельного Субъекта со своей волей, интересами и интенциями в Орудие осуществления целей Субъекта. С-2 имеет некий иеопределенный психологический признак, позволяющий ему стать Объектом манипуляции Субъекта-1 и могущий привести его из состояния независимого самостоятельного Субъекта в Орудие. Он, превращаясь в Орудие С-1, действует в модусе своей психологической зависимости. С-1 действует в определенной степени суггестив-

но, в обход рациональных путей сознания. В случае успешности реализации планов Субъекта-1 и превращения С-2 в Орудие последний в проспективной ситуации уже становится Агентом, Каузатором и Неполным Контролером, а С-1, оказавшись "за кадром", выполняет роль Инспиратора этой ситуации и Супер-Каузатора всей Макроструктуры.

3. Динамика ситуатемы со стороны Субъекта-3.

С-3 - Объект Ущерба (СУ) участник ментальной ситуации, реализация которой вынесена за рамки лексикализованной ситуации, она отнесена в проспективный план, следовательно - в "возможные миры": она может состояться, а может и нет. По-своему это - главный герой всего события: ради нанесения ему ущерба состоялась Ситуация-1 и пришли во взаимодействие все участники. Нанесение ущерба Субъекту-3 - Цель всех действий С-1, Причина и Мотив его поведения. Следствием же может быть только попытка Субъекта-2 реализовать план Субъекта -1. В этом фрейме Причина, Мотив и Цель сближены и противостоят Следствию. В "возможных мирах", в которых располагается Ситуация-2, вероятностны как сам подступ к осуществлению плана Субъекта-1, так и сама успешность его осуществления в случае попытки это сделать со стороны Субъекта-2, Орудия Субъекта-1. Объект Ущерба находится в модусе незнания Ситуации-1 и в модальности "нежелания" его. Он - жесткий антагонист Субъекту-1. Их конфликт - решающий детерминант всего события.

4. Динамика ситуатемы со стороны Участника-4 - ДПУ (ТЕКСТ).

Делиберативно-перцептивный участник - Речь, которую Субъект-1 использует в качестве Средства воздействия на Субъект-2 - Средства превращения самостоятельного лица в Орудие достижения своих целей, но уже в проспективной ситуации. Бытие этого участника расширяется за рамки лексикализованной ситуации - в ретроспекцию (там зарождается как суть содержания речи, так и само Намерение использовать это Средство) и проспекцию: все содержание, структура, весь энергетический заряд, зародившийся еще в ретроспективной Ситуации, направлен на проспективный план. "Ружье", появившееся еще в самом начале лексикализованной ситуации, должно "выстрелить" уже в постпозиции, в панораме возможных миров. Поэтому оно может и "не выстрелить" - Орудие (Субъект-2) может "не сработать". Само же становление, формирование и развитие этого структурного компонента происходит в рамках номинированной ситуации. При этом его "движение" мало поддается регламентированному управлению - оно развивается под влиянием взаимодействия нескольких факторов, как и всякое речевое произведение. Ряд факторов связанных со сферой Субъекта-1 (Говорящего), ряд факторов, связанных со сферой Адресата, ряд принципиально не поддающихся учету факторов, связанных со средой. "Внутри" протекания процесса из "пункта А" в "пункт Б" также открывается панорама возможных миров: разговор может пойти любыми путями по двум генеральным линиям - успешной (достижения Субъектом-1 своей цели) и безуспешной.

5. Динамика ситуатемы со стороны Участника-5 ("Ущерб").

Ущерб, вред - абстрактный участник, под которым понимается тот признак, атрибут, жизненной сферы Субъекта-3, достижение которого является целью С-1, поэтому он представляет собой яркий телеологический компонент этого Субъекта. Этот Участник определяет будущие (возможные) действия С-2 в проспективной ситуации. Ущерб, вред - определяющая детерминема всей ситуативной номинированной глаголом ПОДГОВОРИТЬ, поэтому-то он и приобретает в структуре фрейма статус Участника. Он относится к "панораме возможных миров", его осуществление обладает вероятностью трех ступеней: поэтому он приобретает в структуре фрейма статус Участника. Он находится в панораме возможных миров, его осуществление обладает вероятностью трех ступеней. Первая ступень (в денотативном предикате глагола НСВ - ПОДГОВАРИВАТЬ) - зависимость от успешности лексикализованной Ситуации-1, а так как Каузатор и Агент этой ситуации - Субъект-1, то под успешностью понимается достижение Субъектом-1 своей цели (сделать Субъект-2 Орудием), эта ступень "успешно пройдена" в денотативной структуре глагола СВ - ПОДГОВОРИТЬ; но находится в "панораме возможных миров" в денотативной структуре глагола НСВ ПОДГОВАРИВАТЬ. Вторая и третья ступени вероятности также - располагаются в "панораме возможных миров". Вторая ступень зависит от того, приступит ли Субъект-2 (Орудие Субъекта-1) к осуществлению замысла Субъекта -1, и поэтому в ситуативе глагола СВ ПОДГОВОРИТЬ она располагается в ближней периферии, а в ситуативе глагола НСВ ПОДГОВАРИВАТЬ - в более дальней периферии. Третья ступень вероятности включает зависимость от успешности реализации этого замысла Субъектом-2 номинированной глаголом ПОДГОВОРИТЬ,. В ситуативе глагола СВ ПОДГОВОРИТЬ эта степень находится в более дальней периферии, а в ситуативе глагола НСВ ПОДГОВАРИВАТЬ в еще более дальней. Таким образом, развитие этого Участника внутри фрейма зависит от успешности реализации целей других Участников, движется и направляется их действиями и интенциями. Этот Участник, являясь детерминемой всей ситуативы, каузируя его динамизм, сам является динамическим, вероятностным, зависимым - детерминированным другими Участниками - элементом структуры.

VI. НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ по-разному реализуется глаголом ПОДГОВОРИТЬ: несколько разновидностей денотативных структур могут быть подведены под "тело" такого знака, как глагол ПОДГОВОРИТЬ (и других из этой микрогруппы). В данном случае осуществляется семасиологический подход к номинативному взгляду: движение мысли от формы, "тела" знака к денотату, стремление ответить на вопрос: какие денотативные структуры покрываются "телем" такого знака, как глагол ПОДГОВОРИТЬ, чем определяются денотативные (референциальные) границы слова, экстенсионал.

Намечается типология ситуаций в зависимости от степени жесткости двух конфликтов: С-1 с С-2 и С-1 с С-3. При этом нужно сразу отметить, что никаких резких, определенных границ между типами нет в силу диффузности значений, которая делает условным разграничение даже многозначного слова на ЛСВ, тем более эта диффузность проявляется в попытке расчленить типы

денотативных структур, соотносительных с одним ЛСВ. Но, заметим, особой разницы нет между первым (разграничением ЛСВ в многозначном слове) и вторым (разграничением денотативных структур, "покрываемых" "телем" одного знака): принцип один. О диффузности, размытости семантики слова, позволяющих развивать вторичные значения с неопределенными границами пишут многие исследователи, ср.: "Принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, стремятся освободить словарные статьи от неопределенных примеров), существенно искаивает представление о семантической структуре описываемых слов" [Шмелев, 1969, с.8]; "Виртуальное слово-значение представляет собой нечто вроде массы с гравитационным полем, способным захватить другие тела - концепты" [Никитин, 1983, с.24]; "Возможность вторичных номинаций с размытой семантикой превращает естественный знак в "мягкую" знаковую систему, в которой связь знака и значения достаточно свободна" [Никитин, 1988, с. 72]. Мы задаемся целью определить направления "диффундирования", "расползания" семантики и очертить семантическое ядро, "удерживающее" эти центробежные силы, поскольку референционная расплывчатость, конечно, не может быть бесконечной. В силу всего сказанного намеченная типология имеет характер только тенденции.

К первому типу относятся ситуации с двуядерным конфликтом - основным и второстепенным, с жестким характером обоих конфликтов. Иван ПОДГОВОРИЛ мальчишек залезть в соседский сад. Противостояние сторон - С-1 (Бенефициенса) и С-3 (Объекта Ущерба) - острое. Но и противостояние С-1 и С-2 также в этом типе структур существенное. С-1 стремится сделать из С-2 Орудие осуществления своего замысла, направленного против кого-то третьего. Это может не совсем совпадать с интересами С-2, быть ему опасным и т.д. В таком случае от С-1 требуется больший энергетический заряд, большая степень заинтересованности, более активные приемы речевого воздействия. При этом С-1 может совместно со своим Орудием участвовать в общем деле нанесения Ущерба Объекту-3. Все вышеизложенное содержание подходит под описание этого первого, жесткого, типа.

Ко второму типу относятся также двуядерные конфликтные структуры, но если противостояние между С-1 и С-3 - жесткое, то между С-1 и С-2 - незначительное. Катюша уложила спать барышень и, ПОДГОВОРИВ с собою девочку..., надела старые ботинки, накрылась платком, подобралась и побежала на станцию. (Л. Толстой. Воскресение) В этом случае С-1 не столько превращает С-2 в Орудие осуществления своего замысла, сколько делает его С-2 участником общего дела, Инициатором и Бенефициенсом которого все же он является сам. В проспективной ситуации они могут совместно осуществить замысел С-1.

К третьему типу отнесем одноядерные ослабленные конфликтные структуры с незначительным противостоянием всех Субъектов. Иван ПОДГОВОРИЛ мальчишек пойти с ним в лес по грибы. Субъектом незначи-

тельного ущерба является или абстрактный носитель норм "правильного" поведения (С-3), или интересы С-2, или же и тот, и другой. Есть замысел С-1 и преподложение некоторого сопротивления С-2 - Адресата. Семантический элемент "тайно, скрытно" носит "мерцательный" и фоновый характер, он может фактически деактуализироваться и поэтому этот тип денотативной структуры может быть означен и синонимичным глаголом УГОВОРИТЬ. Эти глаголы отличаются акцентами: глагол УГОВОРИТЬ подчеркивает достижение результата, с фоновым компонентом "приложение более-менее значительного усилия", глагол же ПОДГОВОРИТЬ подчеркивает личную заинтересованность С-1, его некоторую "скрытность" замысла, т. е. неполное раскрытие своих интересов, суть которых - в проникновении в жизненную сферу другого Субъекта. Это и есть определяющий фактор всей ситуативы. И поэтому он приобретает в структуре фрейма статус Участника. Он находится в панораме возможных миров, его осуществление обладает вероятностью трех ступеней: первая ступень (в денотативном предикате глагола НСВ - ПОДГОВАРИВАТЬ) - зависимость от успешности лексикализованной Ситуации-1, а так как Каузатор и Агент этой ситуации - Субъект-1, то под успешностью понимается достижение Субъектом-1 своей цели (сделать Субъект-2 Орудием), эта ступень "успешно пройдена" в денотативной структуре глагола СВ - ПОДГОВОРИТЬ; вторая и третья ступени могут найти свое разрешение в "панораме возможных миров", вторая ступень зависит от того, приступит ли к осуществлению замысла Субъекта -1 Субъект-2. Таким образом, развитие этого Участника внутри фрейма зависит от успешности реализации целей других Участников, движется и направляется их действиями и интенциями.

Таким образом, конфликтообразующей детерминией ситуативы глагола ПОДГОВАРИВАТЬ является несовпадение интересов С-1 и других Субъектов. Сущностно необходимым, конституирующими, инвариантным стержнем - "категорично действующим признаком" (У. Лабов) - является конфликт между интересами С-1 и С-2: С-1 манипулирует С-2, делая его Орудием для достижения своих целей. Назовем этот признак **эгоцентризмом С-1**. Именно он является тем ядром, который сдерживает центробежные тенденции. Конфликт между С-1 и С-3 оказывается вариабельным, по которому "растекается" номинативный потенциал, он близок к "вероятностным, или "взвешенным" признакам" (У. Лабов).

VII. ЛЕКСИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ ГЛАГОЛОВ БЛИЗКОЙ СЕМАНТИКИ.

Ономасиологический подход предполагает движение исследовательской мысли от денотата к языковой форме. Выделенная в сознании языкового коллектива - носителей русского национального языка - когнитивная структура, названная ситуативой, или сценарным фреймом, соотносится с разными, но близкими словами, составляющими микрополе глагола ПОДГОВОРИТЬ. Эти глаголы не являются полными, дублетными синонимами, отличаясь определенными компонентами. Вопрос может быть поставлен следующим образом: ка-

кие аспекты и компоненты ситуативы означены отдельными лексемами в русском языке и, следовательно, выделены, актуализированы, оказались значимы для носителя русского языкового сознания?

Рассмотренный глагол ПОДГОВОРИТЬ представляет собой типовую структуру, остальные глаголы этого семантического микрополя различаются рядом признаков.

Во-первых, они могут отличаться "семантическим вкладом" корневой основы. Так, структура ситуативы глагола ПОДСЫПАТЬ/ПОДОСЛАТЬ ("посыпать куда-либо с тайной целью") Схвачен был зачинщик смятения, отставной сержант, ПОДОСЛАННЫЙ Пугачевым (Пушкин, История Пугачева) имеет те же актанты: Бенефицианс (С-1), Субъект Ущерба (С-3), Орудие (С-2), но конкретное наполнение процессуальной структуры и Ситуации-1, и Ситуации-2 обусловлены лексическим значением корня "СЛАТЬ" - глаголом каузирования перемещения Субъекта-2, который выполняет функцию Орудия. Глагол ПОДУЧИТЬ ("подговорить сделать что-либо") Это его Кувалда ПОДУЧИЛ разведать, где стариковы капиталы. (М. Горький. Бывшие люди). не актуализирует сему говорения, т. е. способа превращения С-2 в Орудие, хотя, конечно, это действие может быть осуществлено только с помощью речи. Лексическая семантика, соотносимая с корневой морфемой ГОВОР(ИТЬ), носит **описательный, дескриптивный** характер, а семантика, соотносимая с корневой морфемой УЧ(ИТЬ) - **оценочный, интерпретирующий** характер и, следовательно, может включать семантику дескриптивного глагола ГОВОРИТЬ.

Во-вторых, они могут дифференцироваться акцентированием различных компонентов и разной степенью яркости, определенности этих компонентов: например, в структуре глагола ПОДСТРЕКАТЬ ("склонять к какому-либо действию, обычно к такому, которое не следовало бы совершать" - ПОДСТРЕКНУЛА ты лукаво на неравный бой меня. Плещеев. Много злых и глупых шуток.) Это может отразиться на номинативном потенциале: глагол ПОДСТРЕКАТЬ может соотноситься с такими денотативными структурами, которые как бы не включают сему "тайно, скрытно", т.е. не содержат актант, действующий в модусе "не знает" - подстрекательство может быть и явным, в присутствии Субъекта Ущерба. И все же "тень" тайны, скрытности наличествует в семантике этих глаголов: С-1, Каузатор и Бенефицианс, имеет **свой замысел (умысел)**, который не до конца раскрывает, он противостоит всему "миру" и, может быть, интегральная сема этих глаголов и заключается в этом **подчеркивании противостояния "миру"** - иногда ярче, жестче, иногда - "мерцательно", как фон, "тень". Это **первый обязательный компонент**.

Второй обязательный компонент в структуре этих глаголов - **манипулятивный и провокационный, инспирирующий** характер действий Субъекта-1 по отношению к Субъекту-2, пациентский характер последнего: им манипулируют в определенной степени против его воли, навязывая ему волю, действуя как бы исподволь, во многом суггестивно, несколько обходя рациональный путь к сознанию, инспирируя дальнейшие действия в проспекции. **Суггестивное воздействие** - это **третий обязательный компонент**. К этому же подтипу

относится глагол **ПОДЗУЖИВАТЬ** ("подстrekать, подзуживать". - *Он ПОДГОВАРИВАЛ Сыгнея и Тита собрать ребят, ПОДЗУДИТЬ Фильку Сусина и дать выволочку Володимиричу ночью.* Гладков, *Повесть о детстве*).

Глаголы **ПОДЗАДОРИВАТЬ** ("вызвать в ком-либо задор, подстrekнуть к чему-либо" - *Присутствующие разразились самым искренним хохотом, что еще более ПОДЗАДОРИЛО певцов.* Тихонов, *Рассказы о Пакистане*), **ПОДДРАЗНИВАТЬ** (приставка ПОД- совпадает со значением основы **ДРАЗНИТЬ** "умышленно раздражать, сердить, возбуждать, разжигать какое-либо желание, чувство" - *Отец, улыбаясь, желая меня ПОДДРАЗНИТЬ, говорил, что Блока любят только гимназистки старших классов.* Андреев, *Детство*), **ПОДНАЧИВАТЬ** ("подбить, подзадорить" - *Хороший начальник за такую работенку премийку выписывает, - подначил сына Серафим Гаврилович.* В. Попов. *Обретешь в бою.*), **ПОДБИВАТЬ** ("уговорить сделать что-либо, подстrekнуть к чему-либо" - *ПОДБИЛИ его гирю в пять тудов бросить.* Гладков. *Повесть о детстве*.) еще в меньшей степени требует в номинированных ситуациях наличия компонента "тайно, скрытно", еще менее требуется направленный замысел С-1, то есть значительно ослаблен модус заинтересованности, так что этим С-1 может быть неодушевленный предмет, событие, известие *Присутствующие разразились самым искренним хохотом, что еще более ПОДЗАДОРИЛО певцов.*(*Тихонов, Рассказы о Пакистане*). Поэтому и этический модус "плохо" в семантике этих глаголов, в отличие от других, существенно ослаблен, что переводит его на периферию исследуемого микрополя. Но имеющийся элемент **манипулятивного, провокационного, суггестивного** воздействия на Объект все же сохраняет его в пределах данного микрополя. Мы видим, что **актуализируются следующие аспекты фрейма**.

1) С-1 действует **тайно, скрыто от окружающих, в первую очередь - от С-2.** Этот компонент может разную степень яркости: а) сильный, яркий, обязательный, при "жестком" противостоянии (конфликте) Субъектов - ПОДГОВАРИВАТЬ, ПОДУЧИВАТЬ; б) менее обязательный, конфликт между субъектами проявляется в эгоцентризме С-1: нераскрытость своего замысла, своих интересов, не совпадающих с интересами С-2, хотя действовать он может в открытую - ПОДСТРЕКАТЬ, ПОДНАЧИВАТЬ, ПОДЗУЖИВАТЬ, ПОДУСЬКИВАТЬ; отсутствие конфликта интересов С-1 и С-2, что приводит к отсутствию компонента "тайно, скрытно", - ПОДЗАДОРИВАТЬ.

2) Цель - **инспирировать проспективную ситуацию.** Отсюда - **манипулятивный и провокационный характер действий С-1.** Этот компонент обязателен для всех глаголов микрополя.

3) **Суггестивный способ воздействия С-1 на С-2.** Этот компонент также обязателен для всех глаголов микрополя.

Ономасиологический и семасиологический подходы, будучи разнонаправленными, тем не менее должны "встретиться", если отнесены к анализу одной и той же единицы. Мы же в семасиологическом аспекте рассмотрели глагол ПОДГОВОРИТЬ, а в ономасиологическом - микрополе глаголов, в котором он является ядерным. Тем самым рассматривается вопрос о соотношении

поверхностной и глубинной семантических структур. Что же общего обнаруживается при "встрече" этих двух подходов? Обязательными оказываются **манипулятивный, провокационный способ воздействия С-1 на С-2 суггестивным образом**. Это и есть главная детерминема этого фрейма. Очень сильным, хотя и ослабленным на периферии, является противостояние (конфликт) С-1 и С-2, отсюда - также яркое в типичном, базовом случае и ослабленное на периферии - наличие негативного этического модуса "плохо".

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Арутюнова Н. Д. Язык цели. // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
3. Бондарко А.В. Общая характеристика и структура поля таксиса. // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
4. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
5. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля. // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
6. Лебедева Н.Б. Детерминологический аспект денотативно-пропозициональной семантики русского глагола // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул. 1998.
7. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М., 1983.
8. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
9. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996.
10. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1969.
11. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

М.Л. Левченко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ Н.С.ЛЕСКОВА.

Анализу языка произведений Н.С Лескова посвящено немало исследований, выполненных в рамках лингвостилистического подхода. В основном все исследователи, включая окказиональные образования в общий контекст анализа языка Н.С. Лескова, косвенно касаются изучаемого нами явления. Причем

рассматриваются те из новообразований, которые отражают специфические стилевые черты писателя, а именно – окказионализмы, возникшие в результате народной этимологии. Исследователи, в принципе говоря об одном и том же явлении в языке, подходят к его анализу с различных позиций.

Такие окказиональные образования рассматривают В.Ю. Троицкий, М.С. Горячкина, В. Гебель, В.С. Вахрушев, В. Гусев (у В.С. Вахрушева, В. Гусева – неологизмы) в лингвостилистическом аспекте, выявляя в контексте общей характеристики речи героев, сказа (Разрядка наша – М.Л.) художественные функции окказиональных образований, актуализируя при этом свое восприятие. В.Е. Федорищев и Н.А. Николина рассматривают непосредственно окказиональные образования *вне взаимодействия с другими языковыми средствами*.

Анализируя языковой состав прозы Н.С. Лескова, исследователи единодушно отмечают как характерную черту индивидуального стиля писателя словотворчество (окказиональные образования) народной речи, выделяя такие функции окказионализмов как функцию создания комического эффекта, характерологическую, как средство характеристики ума, остроумия, языкового чутья русского народа, невежества, необразованности.

На возникновение нового смысла, как правило, проявляющегося в раскрытии, неприятии негативных сторон общественной жизни, указывают В.Ю. Троицкий, О.Ю. Чехомова, В.Е. Федорищев, М.С. Горячкина, В.Е. Федорищев отмечает также как одну из функций народной этимологии – протест против засорения русского языка. Н.А. Николина указывает на функцию интеграции всех пластов лексики, также интертекстуальную, функцию языковой игры как характерных для индивидуального стиля Н.С. Лескова.

В целом, соглашаясь с выявленными текстовыми функциями окказионализмов, возникших в результате народной этимологии, и других новообразований, хотим отметить, что практически ничего теоретически нового исследователи не вносят в разработку проблемы индивидуального стиля Н.С. Лескова, дополняя уже имеющийся ряд интертекстуальной и интегративной функциями, таким образом, возможно предположить, что лингвостилистический подход исчерпал себя.

Мы рассматриваем язык произведений Н.С. Лескова, в том числе окказиональные образования, в рамках психолингвистического подхода, предполагающего понимание идиостиля как формально-содержательной логико-психолингвистической категории. В.А. Пищальникова в работе “Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект” дает следующее определение идиостиля: “идиостиль – система логико-семантических способов репрезентации доминантных личностных смыслов концептуальной системы (КС) автора ХТ, объективированная в эстетической речевой деятельности (деятельности, предполагающей индивидуальные языковые трансформации)” [5,29]. Под доминантным личностным смыслом (смысловой универсалией концептуальной системы) понимается инвариантный личностный смысл, возникающий в результате определенного взаимодействия концептов. На наш взгляд, понятие доминантный (гос-

подственный) личностный смысл должно быть соотнесено с понятием личностный смысл, находиться с ним в одной подсистеме и пониматься как господствующий, доминирующий в концептуальной системе автора, то есть репрезентируемый в данном конкретном художественном произведении, а возникающая новая единица иного уровня КС, возможно, должна иметь номинацию, отражающую достаточную ее абстрактность – концептуальная универсалия (концептуальная абстракция).

Таким образом, можно отметить, что маркерами идиостиля вряд ли могут выступать отдельные языковые единицы, и даже частота употребления языковых форм, как отмечает Л.К. Каджазнули, вряд ли может являться одной из характеристик идиостиля. Частота употребления языковых единиц отражает, на наш взгляд, наиболее часто репрезентируемый личностный смысл (далее ЧЛС), таким образом, языковые единицы могут выступать маркерами доминантных личностных смыслов, наиболее часто репрезентируемых личностных смыслов, являясь интегративным компонентом концепта, а языковые средства, способные обнаруживать континуальность смыслов, возможно, могут являться маркерами концептуальных универсалий (концептуальных абстракций), и восприятие концептуальных универсалий художественного текста, возможно, идет через поиск таких языковых средств, которые обнаруживают континуальность смысла. Маркерами идиостиля в рамках психолингвистического подхода можно считать систему логико-семантических способов репрезентации, объективированных через соотношение языковых средств.

С целью показать правомерность наших предположений о том, что окказионализмы не являются маркерами идиостиля, но выступают маркерами личностных смыслов, доминантных личностных смыслов и наиболее часто репрезентируемых личностных смыслов, мы провели свободный ассоциативный эксперимент.

Задачами эксперимента явилось выявление: а) формируемых системой языковых средств доминантных и производных эмоций; б) выявление ЛС, репрезентируемых в данных контекстах. Эксперимент предполагал предъявление испытуемым анкеты со словами-стимулами (искажения и новообразования), включенными в лингвистический контекст с той целью, чтобы было понятно значение слов-стимулов. Слова-стимулы были отобраны из произведений “Несмертельный Голован”, “Оноддум”, “Очарованный странник”, “Воительница”. Анкета включает два вопроса: 1. Какие эмоции вызывают у вас выделенные слова? (например, улыбка, смех, восхищение, раздражение, сочувствие, сожаление и т.д.). Испытуемым предлагалось записывать первую возникшую реакцию. 2. Какие характеристики личности, на ваш взгляд, выражены выделенными словами?

Эксперимент был проведен среди слушателей подготовительных курсов (11 класс, школа юного менеджера), студентов четвертого курса пищевого факультета АлГГУ (45 человек). Хотим еще раз обратить внимание на то, что для эксперимента были взяты не только окказионализмы, но и искажения (в целях сравнения реакций).

При обработке результатов эксперимента нами было выявлено, что реакции эмоционального восприятия на слова-стимулы, представляющие “искажения”, распределились в основном в четырех направлениях: “улыбка”, “смех”, “сочувствие”, “раздражение”, с преобладанием “улыбки” (“смеха”), хочется отметить также, что значительный процент составляет эмоция “раздражение”. Доминантной эмоцией на окказионализмы, возникшие в результате народной этимологии, является “смех” (“улыбка”), снижается процент эмоции “раздражение” в сравнении с реакциями на слова-искажения. В целом, доминантной эмоцией является “смех” (“улыбка”) при восприятии новообразований, возникших в результате народной этимологии, что говорит об использовании таких слов в целях создания комического эффекта, что и отмечают все исследователи. Доминантной эмоцией при восприятии слов-искажений является “улыбка”, что в целом формирует положительное, оптимистическое восприятие представленных отрывков художественного текста и положительное эмоциональное состояние по отношению к героям, которые произносят эти слова.

При ответе на второй вопрос реакции распределились следующим образом: среди студентов пищевого факультета наиболее частотная реакция на все слова - безграмотность, необразованный/темный - 45%; нет ответа - 35%; старый, отсталый от жизни - 10%; другие реакции - 10% (среди которых в основном не на слово-стимул, а на контекст; например, “лыгenda” - справедливый; “лодиколонный” - хитрый). Среди слушателей подготовительного отделения (“Школа юного менеджера”) реакции распределились несколько иначе: безграмотность - 60% (на слова-стимулы, представляющие собой искажения); 40% наряду с безграмотностью указали также другие характеристики: чувство юмора, иное мышление, исключительное остроумие, из провинции, занимают низкое социальное положение, своеобразный лексикон (эти реакции получены в основном на слова-стимулы - окказионализмы).

Таким образом, реакция “необразованный, темный” является доминирующей при восприятии слов-искажений и окказионализмов, возникших в результате народной этимологии, но отметим, что значительный процент (приблизительно 26%) составляют амбивалентные реакции на окказионализмы: наряду с безграмотностью реципиенты отмечают остроумие, чувство юмора, особое мышление, что объясняется компрессией значения, возникновением нового смысла при создании новообразований в духе народной этимологии.

Подводя итоги сказанному, мы отмечаем, что для наиболее частой репрезентации личностного смысла (ЛС) “необразованность народа” Н.С. Лесков использует слова-искажения и окказионализмы, возникшие в результате народной этимологии. Для репрезентации личностного смысла “необразованность и остроумие народа” - окказионализмы, возникшие в результате народной этимологии, но частота использования этих языковых средств не проясняет концептуальные универсалии, репрезентируемые в художественных текстах.

Целью эксперимента 2 является: сравнить реакции на окказионализмы и искажения, подобранные из различных текстов, с реакциями на слова-искажения и окказионализмы, просторечную, диалектную лексику, идиомы,

также часто используемые в речи героев. Задачи эксперимента и вопросы в анкете те же, что и в эксперименте 1. Слова-стимулы в данной анкете были взяты из произведения “Воительница”, причем из определенного отрывка, но в усеченном контексте, то есть в таком лингвистическом контексте, чтобы было понятно лишь значение слов. Слова-стимулы (27 слов) представляют собой искажения, просторечные слова, диалектные, церковнославянскую лексику, идиомы, игру слов в духе народной этимологии (не смей - не смелый, не смеючи действова). В эксперименте приняло участие 19 человек (11 класс, химико-биологический профиль).

В основном реакции на слова-стимулы распределились в пяти направлениях: “улыбка”, “смех”, “раздражение”, “нейтральные” (никаких), “сочувствие”, с доминированием эмоциональной реакции “улыбка” (“смех”).

Как “нейтральные”, то есть не вызывающие никаких эмоций, воспринимаются слова *огражду, понесися, варвар, мерзость* ($\approx 15\%$ (4 слова) от общего количества слов-стимулов). На слова-стимулы *замест, комодай, жандар, кульер, ишел, местов, скрылике* получен значительный процент реакции “раздражение”.

При ответе на второй вопрос реакции распределились следующим образом: “необразованный, малограмотный”, “деревенский, из села”, “низкое социальное положение, крестьянин, из народа, простой”, “старый, прошлый век, устаревшие слова”, “диалект, жаргон, местные слова”. При одновременной репрезентации реакций “необразованный”, “деревенский”, “старый” доминантной является реакция “необразованный”.

Таким образом, сравнивая результаты эксперимента 1 и 2, мы можем отметить, что и в первом и во втором случае доминантной является эмоция “улыбка” (“смех”), что способствует оптимистическому восприятию данных отрывков художественного текста. По результатам эксперимента 2 видно, что значительный процент составляет реакция “нейтральные”, что связано, во-первых, с введением слов-стимулов, объективирующих смыслы “эмоциональность героя”, “поэтичность натуры”, которые являются преобладающими для данных слов-стимулов; во-вторых, с возникающим эмоциональным отношением к героям, которое может быть квалифицировано как снисхождение, понимание.

Сравнивая результаты эксперимента 1 и 2 при выявлении личностных смыслов, мы можем отметить, что во втором случае происходит расширение семантического поля “представление Н.С. Лескова о русском человеке из народа”, что естественно связывается с введением слов-стимулов, вербализующих личностные смыслы, отличные от тех, которые были представлены в эксперименте 1. Но языковые средства, являясь маркерами личностных смыслов, не выявляют концептуальных универсалий, объективирующихся через взаимоотношение языковых средств. Представленные нами языковые единицы не вступают в такие взаимоотношения, в результате которых можно было бы выявить логико-семантические способы репрезентации концептуальных универсалий (абстракций), а лишь расширяют семантическое поле “представление Н.С. Лескова о русском человеке из народа”.

Подводя итоги сказанному, актуализируем следующие положения: во-первых, необходимо рассматривать функционирование окказионализмов в соотношении с другими языковыми единицами. Во-вторых, языковыми маркерами идиостиля можно считать только соотношение языковых единиц, представляющих различные семантические поля. В связи с этим мы не можем согласиться с тем положением, что окказионализмы, созданные в результате народной этимологии, являются маркерами идиостиля Н.С. Лескова, очевидно, они являются маркерами личностных смыслов (ЧЛС, ДЛС).

ЛИТЕРАТУРА:

- Геймбух Е.Ю. "Левша" Н.С. Лескова: радость словесной игры и серьезность сюжета // Русский язык в школе. М., 1995. №2.
- Гусев В. "Левша" как стилевой символ в советской прозе // Литературная учеба. М., 1981.
- Зудилина М.Ю. Особенности повествования в раннем творчестве Лескова // Филологические науки. М., 1987. № 4.
- Николина Н.А. Типы и функции новообразований в прозе Н.С. Лескова, // Русский язык в школе. М., 1995. №5.
- Пицальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект // Барнаул, 1992.
- Троицкий В.Ю. Волшебник слова // Русская речь. М., 1972. №5.
- Федорищев В.Е. О художественных функциях народной этимологии в русской литературе. (На материалах творчества Н.С. Лескова и некоторых других писателей) // Вопросы русской литературы. Львов, 1989. Вып. 21541.
- Чехомова О.Ю. Мастер изобразительных находок // Русская речь. М., 1987. №1.

Г.Г. Москальчук, П.Е. Суворова

ЭВОЛЮЦИЯ ДИНАМИКИ ФОРМЫ ТЕКСТА В ПОЭТИЧЕСКИХ ИДИОСТИЛЯХ 19 – 20 ВВ.

В стихотворных текстах заложено немало клишированных элементов. Установлено, что композиция лирического текста трехчастна: лирический зачин, развитие основных лирических образов и лирическая концовка [Сильман; Холшевников]. С помощью методики позиционного анализа текста исследователи доказывают, что границы зон начала, середины и конца текста устанавливаются достаточно четко и согласуются с композиционным стандартом, предложенным Т.И. Сильман и В.Е. Холшевниковым [Черемисина; Москальчук-98, с. 72-78, с. 181-183]. Более того, самые сильные позиции стихотворных текстов (гармонические центры - ГЦ), как и абсолютно слабые, находящиеся на фиксированном расстоянии от ГЦ, статистически соответствуют трехчастной композиции текста.

Ритмические модели стихотворной речи описаны в трудах А. Белого, Б. Томашевского, Г. Шенгели, К. Тарановского, М. Гаспарова и других исследователей. Получена полная классификация ритмических вариантов, проведено об-

ширное статистическое обследование употребления этих вариантов различными поэтами. Обнаружена большая устойчивость статистики ритмических вариантов, закономерность изменения статистических характеристик по периодам развития русской поэзии. И языковые, и ритмические модели выстраиваются исследователями с целью выявления типологии моделей, обнаружения общих признаков явлений и только на их фоне становится возможным рассматривать проявления конкретных речевых образований. Но особенности формы текста, его скрытые динамические закономерности, не учитываются в стиховедении.

На фоне глубинных особенностей динамики русского текста представляется возможным обнаружить эволюцию динамики формы текста отдельных поэтических идиостилей трех периодов: 19 век, 1 и 2 половина 20 века. До сих пор такая задача даже не ставилась исследователями, ибо не было методики, позволяющей рассматривать структурные особенности текста в единой системе. Методика анализа динамики формы текста основана на вычислении вероятностного вклада в форму текста четырех основных динамических тенденций: стабильности, центростремительности начало- и концестремительности.

Для анализа эволюции динамики формы текста в поэтических идиостилях мы рассмотрели следующий материал: поэзия 19 века - 314 текстов, поэзия 1 половины 20 века - 442 текста, поэзия 2 половины 20 века - 80 текстов. Общий объем поэтической выборки составил 863 текста.

Для оценки тенденций формообразования поэтических текстов использованы данные, полученные в результате анализа по единой методике 2 тысяч разнообразных русских текстов (разговорная речь и фольклор, проза, поэзия, тексты-примитивы), общеязыковая тенденция динамической организации русского текста, а также поэтического текста, служат в нашем исследовании фоном для описания особенностей эволюции формы в поэтических идиостилях (см.: табл. 1).

Таблица 1. Статистические параметры динамики формы поэтического текста в идиостилях 19-20 вв.

Выборки	Стаб.	Нач/стр.	Центр/стр.	Конц/стр.
Баратынский Е.	0,007	0,248	0,418	0,32
Фет А.	0	0,592	0,427	0,276
Пушкин А.	0,003	0,233	0,458	0,279
Бунин И.	0,001	0,282	0,398	0,295
Бальмонт К.	0,023	0,311	0,419	0,288
Цветаева М.	0,05	0,242	0,517	0,275
Ахматова А.	0,025	0,283	0,632	0,317
Пастернак Б.	0,07	0,253	0,456	0,277
Вегин П.	0	0,267	0,367	0,367
Вознесенский А.	0	0,15	0,367	0,533
Мартынов Л.	0,017	0,133	0,517	0,35
Заблоцкий Н.	0	0,133	0,5	0,367

Примечания: Стаб. – стабильная тенденция формообразования, нач/стр. – началостремительность, центр/стр. – центростремительность, конц/стр. – концестремительность. Указаны вероятностные доли вклада каждой тенденции в общую динамику формы идиостиля.

Поскольку трехчастность линейной композиции стихотворных текстов – явление доказанное, то мы рассматриваем три типа их «вертикальной», то есть динамической композиционной организации, проявляющей себя в виде повторяющихся тенденций направленности изменения интенсивности деформации структурной основы текста под воздействием случайных причин, например, различий размера предложения в тексте.

Выделяются 4 основных динамических тенденции, различающихся, прежде всего, расположением доминантных смыслов текста в той или иной его области, совпадающей с наивысшей интенсивностью протекания процессов скрытой самоупорядоченности целого, с областью наибольшего разнообразия используемых поэтом языковых средств. Такая область текста называется в психолингвистике креативным атTRACTором [Пицальникова-97 и 98; Москальчук, с. 149-154]. Рассмотрим эти тенденции подробнее.

Стабильность структуры текста отражает наибольшее позиционное соответствие глубинного и поверхностного уровней структуры текста. Как всякая симметрия, стабильность формы малоинформационна, и поэтому встречается не часто. Вклад стабилизирующих тенденций в общую динамику формы весьма невелик, но в поэтических идиостилях 1 пол. 20 века он представлен как важная формообразующая тенденция. Стабильность формы делает предсказание позиции креативного атTRACTора неопределенным.

Началостремительность структуры текста особенно активна, по нашим данным, в поэзии 19 в. Зоной активности формы являются начальные фрагменты текста, поскольку доминантные смыслы целого, а также области повышенного разнообразия используемых поэтами языковых средств, стремятся разместиться также ближе к началу текста. Текст строится по принципу нисходящей градации, конечные его сегменты ослабляются формально и семантически (см.: рис 1).

Центростремительные тенденции формообразования активизируют чаще всего область между гармоническими центрами зоны начала и ГЦ текста. Для данной тенденции наиболее характерны разнообразные проявления восходящей нисходящих изменений интенсивности самоорганизации формы.

Концестремительность динамики формы реализуется как скрытая восходящая структура с зоной активности формы, расположенной ближе к концу текста.

Конкретизация размещений по интервалам композиционных зон позволяет сопоставлять состояния структуры текста в позиционно равнозначных его местах и изучать динамику перехода наблюдаемых процессов от позиции к позиции, строить сценарии развертывания структуры и смысла в тексте. Такая методика анализа дает возможность сопоставления структурно-аналогических мест в текстах разного размера, что преодолевается с помощью пропорций: ус-

тановлено, что активность читателя в восприятии текста хорошо согласуется с пропорциями золотого сечения.

Прослеживаются следующие изменения динамики формы текста (см.: рис. 2):

1. Началостремительность формы текста все время уменьшается, достигая средних значений в поэзии первой половины 20 века, то есть приближается по данному показателю к средним значениям для всего изученного корпуса текстов, что условно можно полагать общерусской статистической «нормой». Началостремительность формы текста в поэзии 19 в. заметно превышает средние значения, как для 12 поэтических выборок, так и для всего исследованного корпуса. Началостремительность в выборках из произведений А. Вознесенского, Н. Заболоцкого, П. Вегина значительно снижена в сравнении с весьма высоким проявлением данной тенденции в идиостилях А. Фета, К. Бальмонта, И. Бунина, А. Ахматовой.

2. Концестремительность формы резко нарастает во 2 пол. 20 в. при сохранении уровней развития данной тенденции в выборках 19 и 1 пол. 20 в. Вероятности вклада концестремительной тенденции в поэтическую форму во всех изученных выборках превышают общерусскую «норму» (см.: табл. 2 и рис. 2). Вероятно, столь очевидный эффект самоорганизации материи языка можно объяснить особенностями структурной гармонизации поэтического текста, в котором она наступает ближе к зоне конца (объяснение данного факта см.: Москальчук-98, с. 181-183). Для структуры поэтического текста весьма характерна двойная гармонизация: первый цикл (лирический зачин по терминологии Т.И. Сильман и В.Е. Холшевникова) замыкается в инварианте вблизи границы зоны начала с зоной ГЦ, а второй раз (область развития лирических образов) – вблизи правой границы зоны ГЦ. Продленность области развития лирических образов является одним из проявлений центростремительной тенденции формообразования Москальчук-98, с. 73-78; с. 181-183.

3. Стабилизирующие и центростремительные тенденции динамики формы текста проходят сходную эволюцию: обе тенденции резко нарастают в поэзии 1 пол. 20 в., а затем практически выравниваются в выборках 19 в. и 2 пол. 20 в.

4. Стабильность динамики формы поэтического текста по совокупным данным значительно выше, чем обще языковая тенденция. Пик развертывания данной тенденции приходится на поэтические идиостили 1 пол. 20 века. Поэзия же 2 пол. 20 века характеризуется более динамичной формой, с акцентом концестремительных тенденций, что означает, расположение наиболее значимых смыслов ближе к концу текста. Форма текста в поэзии 19 века, напротив, подчеркнуто началостремительна.

5. Сходство поэтического текста 19 и 2 пол. 20 века проявляется также в отсутствии (А. Фет, Н. Заболоцкий, А. Вознесенский, П. Вегин) или чрезвычайно слабой стабилизации формы (А. Пушкин, Л. Мартынов), тогда как в поэзии первой половины 20 века указанная тенденция весьма выразительна: идиостили М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака по вероятности проявления стаби-

лизирующей тенденции формообразования заметно превышают общерусскую «норму» и варьирует от 14,39 % - Пастернак до 18,51 % - А. Ахматова.

Характеристика динамики формы по периодам выглядит следующим образом:

19 век: ведущая тенденция формообразования текста – началостремительность, центростремительность и концестремительность различаются незначительно. Коэффициенты симметричности сравнительно невелики (от 11,06 % - Е. Баратынский, 13, 21 % -А. Пушкин до 13,33 % - А.Фет).

1 пол. 20 в.: резко выдвигается стабильная составляющая формообразования. Это происходит по следующим причинам: 1) рост симметричности текста (коэффициенты симметричности моделей текста варьируют от 14,39 % (Пастернак) до 18,51 % (Ахматова); 2) стабилизация формы происходит за счет сближения показателей начало- и концестремительности и приближения ее к общеязыковой «норме», наблюдается, таким образом, нейтрализация асимметрии формы текста на фоне общего повышения вклада стабильной и центростремительной тенденций.

2 пол. 20 в.: происходит нарастание концестремительной тенденции в построении текста при несущественном уровне началостремительности. Коэффициенты же симметричности в изученных нами 80 текстах весьма несущественны (максимальный - 9% в выборке А. Вознесенского, средний – 5%). Предпочтение отдается асимметричным моделям. Да и сама форма с резкой тенденцией к концестремительности (восходящести) асимметрична, стабильная составляющая минимальна и отмечена только в идиоматике Л. Мартынова.

Таблица 2. Вероятностные коэффициенты отдельных параметров динамики формы

Выборка	Стаб.	Нач/стр.	Центр/стр.	Конц/стр.
19 век	0,003	0,358	0,434	0,292
1 пол. 20 в.	0,0442	0,274	0,484	0,290
2 пол.20 в.	0,0042	0,171	0,429	0,371
Среднее по 12 поэтическим выборкам	0,0844	0,261	0,456	0,329
Среднее по всем выборкам (2 тыс. текстов)	0,022	0,281	0,39	0,262

Стихийная самоупорядоченность поэтического текста проявляется как на фоне усредненной динамики формы русского текста, так и на фоне статистических характеристик русского поэтического текста.

Проиллюстрируем полученные данные, рассмотрев конкретные тексты. По нашим результатам, поэты XX века зонами активности формы делают зоны ГЦ и конец текста, то есть именно там сосредоточены (особенно по сравнению с началом) смысловые и эмоциональные доминанты, вероятно, там должны обнаружиться и наиболее выразительные стиховые компоненты.

Стихотворение Н. Заболоцкого *Птицы* (1933 г.) имеет ярко выраженную тенденцию к центр/концестремительности динамики формы, проявления которой попытаемся показать на поверхностных уровнях структуры текста. Н. Заболоцкий *Птицы* Модель центростремительная, ослабленная, восходящая. В тексте предельно расширено поле интерпретации (от 6 строки до конца текста). Стихотворные строфы представлены следующими символами: П – пиррихий, Я – ямб, Х – хорей.

1. Колыхаясь еле-еле	ПXXX
2. Всем ветрам наперerez,	ХХІХ
3. Птицы легкие висели,	ХХІХ
4. Как лампады средь небес. /	ПXXX
5. Их глаза, как телескопики,	ПХІХ
6. Смотрели <u>прямо</u> вниз.	ЯЯ
7. Люди ползали, как клопики,	ХХІХ
8. Источники вились	ЯПЯ
9. Мыши бежала <u>возле</u> пашен,	ХХХХ
10. Птица падала на мышь.	ХХІХ
11. Трутник <u>вмиг</u> обезображен,	ХХІХ
12. Убираем был в камыши.	ПXXX
13. В камышах сидела птица,	ПХХХ
14. Мышку пальцами рвали,	ХХІХ
15. Из рта ее водища	ПХХХ
16. Струйкой на землю текла.	ХХІХ
17. И сдвигая телескопики	ПХІХ
18. Своих потухших глаз,	ЯЯ
19. Птица думала. На холмике	ХХІХ
20. Катился тарантас.	ЯПЯ
21. Тарантас бежал по полу,	ПХХХ
22. В тарантасе я сидел	ПХХХ
23. И своих несчастий долю	ПХХХ
24. Тоже на сердце имел.	ХХІХ

(1933 г.)

Начало в тексте как композиционная зона обладает собственной композицией. В зоне начала мы выделили зачин текста, составляющий долю от целого текста, равную 0,146. Зачин располагается в абсолютном начале текста (строки 1 – 4). Здесь – это своеобразная экспозиция. Обозначено пространственное положение птиц, динамика их движения («колыхались еле-еле»), противопоставленная динамике движения ветров. Подчеркнута самостоятельность, независи-

мость, «невключенность» птиц в движение ветров, позволяющая им висеть, как лампады, то есть в движении без перемещения.

Гармонические центры: ... глаза, как телескопики, / Смотрели прямо вниз... и... изо рта ее водица / Струйкой на землю текла...

Зона начала текста (от слов: *средь небес до слов мышь бежала возле пашен*) продолжает тему разобщенности движений, выраженную однообразными глагольными формами: *глаза... смотрели, люди ползали, источники вились, мышь бежала*. Движение без вектора, без направления приравнивает все движущееся друг другу, уравнивает в значимости (точнее, в незначительности). Тема птиц в зоне начала - клочевая, в ГЦ находится слово *телескопики*, кульминаント, содержащий в себе наиболее важные элементы формы и смысла.

Здесь происходит первый сбой в чередовании мужских и женских клаузул: дактилическая клаузула в *телескопики* перебивает инерцию монотонного движения ритма чередования мужских и женских клаузул, точно также появление двух стоп пиррихия (I и III) в 4-х стопном хорее в пятой строке, ослабляет мерность чередования сильных и слабых позиций в строке - на два ударных звука семь безударных, тогда как *до* и *после* этого на три ударных приходится максимум пять безударных. В довершение картины ритмических перебоев - в этой строффе две строки (6 и 8) - трехстопный ямб (во всем стихотворном тексте таких строк четыре).

На уровне содержания слово *телескопики* возглавляет ряд понятий, представляющих тему малой величины, мизерности предметов, попадающих в поле зрения глаз птицы: *клотики, трутник, мышка, водица, струйка*, снова *телескопики, холмик*. На этот раз уравненность предметов обозначена размером, своеобразно отраженным в зрительном восприятии птиц. Вся панорама мира переведена на уровень восприятия глазом птицы, для которой все, движущееся внизу, равно мало (люди, мышки, холмики). Большая лексическая группа слов, образованная по единому шаблону (корень + уменьшительный суффикс), включается в другой не менее единообразно организованный ряд синтаксических повторов (существительное + глагол): *глаза... смотрели, люди ползали, источники вились, мышь бежала...*

В восприятии птицы мир единообразен, стандартен (уравнен ее точкой зрения до единого стандартно-малого размера), бездушен в механике движения. Автор в представлении этого мира намеренно повторяется в приемах, сосредоточивает их в зоне начала текста и симметрично повторит в конце.

Конец текста совпадает по пропорциональному объему с зачином, зачин и конец обрамляют «тело текста», являются симметрично-асимметричной структурой. Зона конца ГЦ (пост-ГЦ) обозначена появлением в поле зрения птицы нового движущегося предмета: *На холмике катился тарантас*. Для птицы - это очередная движущаяся мишень. Но в конец текста автором вводится неожиданная тема: <...>. В *тарантасе я сидел / И своих несчастий долю / Тоже на сердце имел*.

Такая концовка переворачивает всю картину мира, восстанавливает пропорции, возвращает естественное (человеческое) восприятие и, главное, *сердце*,

неравнодушное к несчастиям. Введение в конец текста авторского Я в композициях Н. Заболоцкого - испытанный прием, хотя и редкий в силу того, что эту важно представить модель самоорганизующегося мира, построенного на игре случайностей. Системность расчлененного мира формируется у него из случайных совпадений, сочетаний, ошибочных и самонадеянных представлений человека о себе как *государе, владыке, императоре, Саваофе*, разрушающихся сразу, стоит ему оказаться в системности других существ - жуков, птиц, кошек, коней, насекомых. Приведем несколько концовок других стихотворений поэта.

Но я, однообразный человек,
Взял в рот длинную сияющую дудку,
Дул и, подчиненные дыханию,
Слова вылетали в мир, становясь предметами.

Корова мне кашу варила,
Дерево сказку читало,
А мертвые домики мира
Прыгали, словно живые.

(Искусство, 1930)

Но что был двор? Он был трубою,
Он был тоннелем в те края,
Где был я гоним судьбою.
Где пропадала жизнь моя.
Где сквозь мансардное окошко
При лунном свете, вся дрожа,
В глаза мои смотрела кошка,
Как дух седьмого этажа.

(Бродячие музыканты, 1928)

Местоименные формы, представляющие авторское Я, почти никогда не возникают в зачинах Н. Заболоцкого, в единичных случаях - в началах, в ГЦ - только на границе, близкой к концу, и единственная зона появления Я - в конце текста (см. подробнее: [Суворова, с. 124-138]). Именно этим объясняется преобладающая концестремительность его текстов. В *Птицах* концестремительность подтверждалась содержательной доминантой. Но нельзя не заметить и тройного повтора *тарантас* в зоне конца ГЦ, на границе ГЦ и конца, в конце. Если тема *птицы* равномерно распределилась по всем зонам текста (в зачине, начале, ГЦ, пост-ГЦ), то в конце ее сменила тема *тарантаса* (о смысловом контексте темы *Птицы* в поэзии Н. Заболоцкого см.: [Красильникова]).

Слово *птица* повторяется в тексте 4 раза, из них трижды - в позиции начала строк, *тарантас* как основной персонаж объявился в зоне конца текста, вступив единожды в рифменные отношения (*тарантас - глаз*) и дважды повторился по началам рядом стоящих строк (анафора), определив ослабленность

первой стопы - в 21 и 22 строках, поскольку ударение в слове падает на третий слог (возможно, не случаен выбор наименования повозки, ибо *тарантас* перекликается с *Тарусой* - излюбленным местом Н. Заболоцкого; *птица* же по начальным всегда предопределяет появление сильной хореической стопы - 3, 10, 19 строки). Зона конца характеризуется тремя двусложными анахорезами подряд, сменяемыми последней - нулевой, что также выделяет зону конца на ритмическом фоне предыдущего текста.

При внимательном рассмотрении становится достаточно очевидным факт активности формы и области языкового разнообразия в зоне конца стихотворения, что подтверждает наши результаты о концептремительности формы поэтического текста Н. Заболоцкого.

Зона ГЦ - также неоднородна по степени концентрации элементов формы. Кульминацией в зоне ГЦ стихотворения Н. Заболоцкого является IV строфа, а в ней строка *Изо рта ее водица*. Зона ГЦ содержит наиболее важные элементы формы и смысла, здесь наиболее ярко проявляются особенности авторского стиля. Именно в этой строфе тема птицы получает расширение за счет введения в ее смысловое поле темы «человека». Автор переименовывает части тела птицы, называя ее клюв ртом, а лапки - пальцами. Такое переименование придает облику птицы очеловеченный характер, а действиям - бесчеловечный. В зоне ГЦ определился сюжет, отсылающий читателя своей завязкой (III строфа) к теме смерти, неизбежности, рока. Зависание вверху (зачин) сменяется падением вниз (пред-ГЦ), жуткими действиями в камышах (ГЦ) и позицией задумчивого сфинкса (в пост-ГЦ). В характеристике состояний птицы подчеркивается механистичность, способность реагировать только на движущийся предмет. *Телескопики* глаз обрамляют ГЦ; в начале они смотрят прямо вниз, потом - сдвигаются, угасают, движение птицы останавливается. Теперь единственный движущийся предмет - тарантас.

Раздумья птицы - непостижимы но, вероятно, до крайности просты. Телескопики ее глаз сдвинулись, закрылись, но представляют реальную угрозу движущейся повозке. Может быть, не столько со стороны птицы, сколько со стороны рока, судьбы, еще более страшных в своей забывчивости и слепоте. Равнодушные птицы, с которым она рвет пальцами мышку, придает ей черты, схожие с мифологическим персонажем получеловека, полутицы. Таким образом, в зоне ГЦ расположился сюжет со своей завязкой (III строфа), кульминацией (IV строфа) и развязкой (V строфа).

Для птицы, терзающей обезображеный трупик мышки, кровь - водица. Автор намеренно снимает в словах, представляющих тему смерти, трагический ореол. *Трупик, водица* (кровь) в мироощущении птицы не связаны с болью, несчастьями; действия ее скорее ритуальны, носят характер неизбежного предназначения. Не о том ли ее размышления. Пятая строфа в структуре ГЦ - самая динамичная с точки зрения формы. По структуре она перекликается со второй, обе они обрамляют зону ГЦ. Это единственныестрофы с дактилическими клаузулами (*телескопики* - клотики, *телескопики* - холмики). Все события строф между II и V уложились в промежуток времени между пребыванием птицы на-

верху, всматриванием вниз и пребыванием внизу с потухшими глазами. Эти две строфы - единственные, имеющие перебой в размере и метре стихотворных строк (4Х, 3Я, 4Х, 3Я). В первых строках этих строф в конец вынесено слово, имеющее коннотат бездушности и составляющее смысловую рифму с *клотики* и *холмики*. В строфе имеет, по сравнению со II, еще одну ритмическую особенность. Здесь, ближе к нижней границе ГЦ появляется яркий синтаксический прием несовпадения ритмического и синтаксического членения строки и строчного перенос. Так выделено состояние птицы: *Птица думала*.

Анализ данного текста иллюстрирует особенности варианта одной разновидности композиционной организации - центр/концептремительной и ясно показывает, что ГЦ текста при полной его предсказуемости - место проявления особой активности формы, и это, как показывают наши результаты, наблюдается у авторов разных эпох и направлений. Зоны границ ГЦ несколько слабее в плане динамики формы, чем ГЦ, но активнее, чем зона зачина. Начало и конец активны по-разному: в данном случае более активна форма конца. Заметим при этом, что аналогична и содержательная активность. Таким образом, зона ГЦ оказалась менее предсказуемой по языковому материалу, именно здесь наблюдается смещение денотативных и коннотативных значений слова, здесь выявляется авторский концепт мира, выстроенный по закону соотнесения пропорций целого и частей. В ритмическом плане зона ГЦ - самая активная, что проявляется, в частности, на стиховом уровне в смене метров, размеров, в появлении дактилических рифм на фоне чередования мужских и женских, в присутствии ярких смысловых рифм; строчный перенос также нарушает синтаксический и ритмический рисунок текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л., 1977.
2. В.Е. Холшевников В.Е. Стиховедение и поэзия. Л., 1991.
3. Пищальникова В.А. Речевая деятельность как синергетическая система // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 1997. № 2.
4. Пищальникова В.А. К становлению лингвосинергетики // Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
5. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
6. Красильникова Е.В. Птицы. Образные связи в поэзии Н.А. Заболоцкого // Психика и стилистика: 1988-1990. М., 1991.
7. Суворова П.Е. Стихотворный стиль и авторская индивидуальность. Бийск, 1998.
8. Черемисина Н.В. О гармонии композиции художественного целого (tragедия Пушкина «Моцарт и Сальери») // Язык и композиция художественного текста. М., 1983.

Е.В. Нагайцева,
СЕМАНТИКА ТРАНЗИТИВНОСТИ И ЕЕ СИМВОЛЫ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ГРИНА.

Определяющим моментом нашего исследования послужили некоторые наблюдения, высказанные И.П. Смирновым [8], выделяющим так называемые «системопорождающие отношения», доминирующие в тех или иных литературных течениях; в эпоху реализма господствовала «транзитивность», время символизма отмечено «интранзитивностью» (когда «посредующее звено между миром данным и искомым подвергается отрицанию» [8; 136]). Представляется, что означенные отношения имеют место и в поэтике А.С. Грина. О семантике «транзитивности» речь пойдет ниже, «интранзитивность» же выступает в виде «фиктивного посредничества» (термин И.П. Смирнова) – семантика «поддельности, имитативности» сопровождает ложных медиаторов – героев (напр. Руна Бегуэм в «Блистающем мире», Коррида в «Сером автомобиле», вещей (напр. картина художника Брука в рассказе «Фанданго»). И.П. Смирнов отмечает, что нередко искусственные или естественные медиаторы выполняют и посредническую, и разделительную функции: в «Фанданго» картина «лишенного таланта» Брука является медиатором – преградой, а картина «солнечной комнаты» перемещает Александра Каура в инобытийную реальность. Таким образом, «картина» как определенный символ характеризуется амбивалентностью.

Признак «амбивалентность» является актуальным в концептуальной системе (КС) А.С. Грина, на его основе коррелируют концепты «творчество» и «мечта» (репрезентанты: «Прекрасная неизвестность» («Алые паруса»), «Несбыточное» («Бегущая по волнам»), «Блистающий мир» («Блистающий мир»)), в самом общем виде раздвоение можно представить следующим образом: «реальное – метареальное (или – сверхреальное): «... сочинительство всегда было *внешней* моей профессией, а настоящей, *внутренней* жизнью являлся мир постепенно раскрываемой *тайны воображения*» [Выделено мною. – Е.Н.]. Поэтому семантика «двоения» («двойничества») пронизывает целый ряд произведений: «Алые паруса»: «сверх общих явлений (Ассоль) видела отраженный смысл *иного порядка* [2;47] [Выделено мною. – Е.Н.], «в ней две девушки, две Ассоль, перемещанных в замечательной прекрасной неправильности. Одна – дочь матроса (...), другая – живое стихотворение [2;47], «стали казаться девочке смешением *сверхъестественного с действительностью*» [2;18]; «Бегущая по волнам»: «уже начал двоиться мир благодаря вам: *два желтых платья, две – Бегущие по волнам* и ... *два человека в одиом*» [3;237], «маскарадный *двойник* Дэзи была Биче Сениэль» [3;184], Дэзи говорит о Фрэзи Грант: «Она *видит то*, чего не видят другие». [3] [Выделено мною. – Е.Н.]

Выявляемый нами диалектический принцип мироустройства в художественной системе А.С. Грина проецируется на универсальные («архетипические») семантические оппозиции: «внешний – внутренний» и «видимый – невидимый» [4;250] (относительно КС А.С. Грина мы бы уточнили характер членов оппозиции, назвав их «экстравертированность – интровертированность» (хотя огово-

рим их «не – соционическое» использование), под последним понимается именно «глубинная перспектива» – «раскрываемая тайна воображения» (ср. «(художник) очерчивает себя кругом замысла и, находясь под его защитой, является невидим. Он в *и п а л* [Выделено автором. – Е.Н.] из общества, семьи, квартиры, его нет и в государстве и на земле». «... сочинительство...» [2;486]) и еще: «Грэй жил в своем мире» [2; 28] [Выделено автором. – Е.Н.], «Все это Грэй слышал *внутри себя*» [2; 30] [Выделено мною.- Е.Н.]; за термином «экстравертированность» мы оставляем право обозначать моменты, не касающиеся интроспекции.

Вышеназванные оппозиции «внешний – внутренний», «видимый – невидимый» реализуются в структуре важного мифопоэтического символа – «окно», который, несмотря на «сравнительно позднее происхождение», имеет богатую ассоциативную сферу; не раскрывая характера всех элементов, образующих его «символическое поле», отметим следующий факт: «Для романтизма (особенно немецкого – К.Д. Фридрих и др.) важен мотив окна как символа *прорыва в неизведомое, поэтического вдохновения*» [4; 251] [Выделено мною. – Е.Н.]. Представляется, что в художественной системе А.С. Грина подобным символом становится «картина» (и ее функциональные корреляты: окно, дверь, конус, корабль (вспомним, что на картине солнечной комнаты была изображена освещенная солнцем комната с окнами, затем эта картина стала «напоминать открытую дверь»; конус также описывается как своеобразное «отверстие» [1; 537] в «третье измерение»; на потрясшей Грэя картине был изображен корабль, который затем, материализовавшись в алопарусное судно, соединил «реальность» и «мечту», «подсказав жизни нечто существенное» [2;40], функцию сопряжения «миров» выполняет символ «корабль» и в романе «Бегущая по волнам»), эксплицитно или имплицитно (т.е. потенциально) семантика «переходности» (или «транзитивности», удавшейся «медиативности») присутствует у всех названных нами коррелятов: картина, конус, корабль. Дополненный «музыкой» ряд можно назвать «демонами напоминаний», отрывающими «наше беспокойное «я» от уютных мгновений» [2; 172], это то, что «глухой музыкой тревожит остановившуюся среди пути душу и манит» [2; 216], то есть своеобразные «медиаторы духовного роста» [см.5]. Чтобы завершить «манящую» тему, заметим, что семантика «зыва» занимает значительное место в художественном мире писателя (ср.: «вдруг нечто подобное отдаленному зову всколыхнуло ее изнутри и во вне» («Алые паруса» [2; 49]), «несбыточное зовет нас» («Бегущая по волнам» [3; 73]), «зовущий в блистающий мир», «если меня зовут, я прихожу неизменно» [2; 127] и т.д.) [Выделено мною. – Е.Н.]

Ситуация «проникновения за картину» проецируется на аналогичное действие, но с «полотном» другого рода, ср. «меж автором и сценой его души опускается непроницаемый занавес (...) Но занавес опустился. На нем, отброшенное волшебством *невидимой глубины*, изнутри сокровенного движется чистое действие. Оно еще двух измерений: беззвучно и ограничено, лишено красок, бесцветно, но уже *видимо*» («... сочинительство ...», [2; 485]) («визуальная» семантика последнего слова подкрепляет ассоциацию картина – занавес,

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ НАЛИЧИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ИНДИВИДА

Среди характеристик развитого общества немаловажной считается наличие в концептуальной картине мира человека компонентов мифологического сознания. Мифотворчество рассматривается как важнейшее явление в культурной истории человечества. Миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Некоторые исследователи полагают, что в настоящее время мифология как форма общественного сознания, появление которой было обусловлено определенным уровнем развития производства и духовной культуры, как ступень сознания изжила себя. Однако ценность мифологии для самопознания современного человека очевидна, если подходить к ней как к огромному пласту культурного развития, через который прошло все человечество, как к важнейшему явлению культурной истории, господствовавшему в течение десятков тысяч лет и определяющему развитие современных социумов.

Нами проведено экспериментальное исследование с целью установления роли мифа как способа хранения знания в концептуальной системе представителей современного русского социума.

На первом этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемым предлагалось письменно зафиксировать первое пришедшее в голову слово при прочтении данных слов-стимулов. В анкеты были включены кроме слов, свободно выбранных из ассоциативного словаря, имена собственные, связанные с греческими мифами. Затем реципиентам был предложен более узкий список слов-стимулов, включавший только имена собственные из мифов. Предполагалось, что вследствие такого намеренного сужения списка слов-стимулов, подчеркивающего единство их тематики, произойдет направленная актуализация содержания концептуальной системы реципиентов. Однако это практически не изменило результатов эксперимента.

Как показали предварительные результаты свободного ассоциативного эксперимента, классический миф занимает незначительное место в сознании современного человека, либо вообще отсутствует знание о нем. Очень высокий процент отказов (до 91,8%) и, соответственно, низкий процент ассоциаций, отражающих содержание мифологического знания, был выявлен в группе реципиентов-школьников 11-х классов (86 человек). Только на 6 из 15 предложенных слов-стимулов реципиенты дали ассоциации, содержащие мифологический компонент. Это наиболее известные и употребляемые в художественных и газетно-публицистических текстах слова (Венера, Зевс, Ахиллес, Прометей, Фемида, Амур).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грин А.С. Собр. соч. в 5-ти т., т.3. М., 1991.
2. Грин А.С. Собр. соч. в 5-ти т., т.4. М., 1994.
3. Грин А.С. Золотая цепь. Романы. Барнаул, 1980.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2т., т.1, М., 1994.
5. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994, («С помощью посредника пробуждается человеческая активность, поиск,искание» [с.280] [Выделено мною. – Е.Н.])
6. Керлот Х.Э. Словарь символов.REFL – book. 1994.
7. Купер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995.
8. Смирнов И.П. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.,1994.

Таблица 1. Свободный ассоциативный эксперимент со словами-стимулами

Слово-стимул	% миф. ассоц-й	% отказов	Слово-стимул	% миф. ассоц-й	% отказов
Эреб	2,3	91,8	Аркадия	-	54,6
Венера	23,4	5,8	Олимп	13,9	15,1
Зевс	85,8	1,1	Пандора	17,4	67,4
Ахиллес	66,3	29,0	Минос	10,6	74,4
Прометей	62,7	19,7	Харон	24,4	61,6
Ариадна	22,1	56,9	Клио	23,3	70,9
Фемида	48,8	40,7	Эдип	16,3	68,6
Амур	65,1	13,9			

Результаты следующего этапа эксперимента, в котором предъявлялись устойчивые сочетания (так называемые крылатые выражения) с теми же словами, показали, что большинство испытуемых воспринимают эти сочетания как языковые фразеологические единицы, обозначающие понятия, и никак не связывают их с содержанием какого-либо мифа.

Например, на словосочетание «Ахиллесова пята» были даны ассоциации: уязвимое место (61,5%); слабое место (33,3%). На сочетание «Загадка Сфинкса» получены ассоциации: проверка на эрудицию, неразрешимая проблема, неразрешимая загадка, найти решение, трудно найти ответ. На словосочетание «Авгиеевы конюшни»: грязное помещение, очень грязное место, тяжелый труд, непосильный труд, невозможность выполнения задания. Такие примеры подтверждают преобладание в ответах реципиентов общих понятий, явлений действительности, закрепленных в устойчивых языковых единицах, не связанных с мифологическим содержанием.

Эксперимент был проведен в трех различных группах: а) школьники 11-х классов; б) учителя средних школ Алтайского края; в) студенты 1-2 курсов филологического факультета АГУ. Было предложено 15 устойчивых сочетаний (нить Ариадны, Прометеев огонь, Ахиллесова пята, весы Фемиды, кануть в Лету и др.). По некоторым словосочетаниям (ящик Пандоры, весы Фемиды, муки Тантала) испытуемые всех трех групп вообще не дали ассоциаций, связанных с мифом, а лишь ассоциации, подтверждающие функционирование их как единиц языка. Самый низкий процент содержания мифологического компонента обнаружен в ответах реципиентов группы учителей (до 0%), и, соответственно, здесь самый высокий процент (до 100%), указывающий на функционирование этих словосочетаний как фразеологизмов. Результаты свободного ассоциативного эксперимента с устойчивыми сочетаниями по группам школьников и студентов примерно одинаковы. Процент отказов наименьший в группе студентов, что, вероятно, можно объяснить изучением курса «Античной литературы». В графу «другие ассоциации» были отнесены ассоциации фонетического подобия, не связанные с мифологическим содержанием, случайные ассоциации. Так,

например, на сочетание «муки Тантала» получена реакция «ошибки» (2); «Прокрустово ложе» – «ложе императора»; «Ахиллесова пята» – «препятствие», «свято историческое»; «яблоко раздора» – «то же самое, что и камень препятновения», «запретный плод». Результаты второго этапа эксперимента сведены в таблице 2.

Таблица 2. Свободный ассоциативный эксперимент с устойчивыми словосочетаниями

Устойчивые словосочетания	% миф. ассоциаций			% фразеологич. ед-ц			% других ассоциаций			% отказов		
	Учит.	Студ.	Школ.	Учит.	Студ.	Школ.	Учит.	Студ.	Школ.	Учит.	Студ.	Школ.
Троянский конь	-	-	28,6	76,2	100	42,9	7,1	-	7,1	16,7	-	21,4
Ящики Пандоры	-	-	-	23,8	7,1	7,1	7,2	12,5	7,2	69,0	-	85,7
Сизифов труд	-	-	14,3	97,6	100	71,4	-	-	-	2,4	-	14,3
Яблоко раздора	9,5	12,5	14,4	83,3	87,5	71,4	2,4	-	7,1	4,7	-	7,2
Нить Ариадны	-	-	7,1	78,6	100	64,3	11,9	-	-	9,5	-	28,6
Весы Фемиды	-	-	-	97,6	100	71,5	-	-	21,4	2,4	-	14,3
Стрелы Амура	-	-	9,1	76,2	66,7	90,9	16,7	33,3	-	7,1	-	-
Прометеев огонь	-	16,7	36,4	77,6	66,6	63,6	-	16,7	-	2,4	-	-
Прокрустово ложе	-	33,3	-	83,3	50,0	36,4	2,4	16,7	9,1	14,2	-	54,5
Авгиеевы конюшни	-	33,3	27,3	97,6	50,0	63,6	-	-	-	2,4	16,4	9,1
Аркадская идиллия	-	3,2	-	18,2	12,9	7,6	-	-	15,4	81,8	83,9	76,0
Загадка Сфинкса	-	6,4	-	72,7	45,2	46,2	-	9,7	23,1	27,3	38,7	30,7
Муки Тантала	-	-	-	18,2	32,2	30,8	27,3	6,5	15,4	54,5	61,3	53,8
Кануть в Лету	-	-	15,4	100	83,3	61,5	-	6,4	15,4	-	9,7	7,7
Ахиллесова пята	-	9,7	15,4	72,7	74,2	69,3	9,1	6,4	-	18,2	9,7	15,3

Таким образом, результаты экспериментов и первого, и второго этапов показали, что в настоящее время человек, употребляя тот или иной фразеологизм, не связывает его с мифологическим содержанием, хотя его происхождение непосредственно связано с каким-либо классическим мифом. Поэтому можно считать, что миф превращается из компонента концептуальной картины мира в компонент языковой картины мира. Мифологические структуры не закреплены в сознании человека, не являются актуальными для его менталитета и, следовательно, лишь иногда ассоциативно связываются с содержанием мифов или с общим представлением об инокультуре.

ЛИТЕРАТУРА.

- Брутян Г.А. Язык и картина мира // Философские науки. 1971. №1.
- Ильинов Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
- Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.
- Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
- Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993.

В.А. Пищальникова

СООТНОШЕНИЕ СИММЕТРИЧНЫХ И АСИММЕТРИЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ ТЕКСТА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Повышенное внимание современной лингвистики к тексту объясняется несколькими причинами.

Исследование так называемых системных свойств языка, когда текст изучается как источник лингвистических данных, не дает ответа на вопрос о том, каким образом "единица языка" превращается в носитель смысла. Отвечая на этот вопрос, лингвистика не раз осуществляла выходы за пределы текста, пытаясь выявить существенные свойства его через отношения текста, с одной стороны, с ментальными (когнитивными) схемами, с другой - с ситуативными структурами, множа понятия сценариев, фреймов, макроструктур, иллокутивных актов, подтекстов, контекстов (и даже затекстов) и т.д., которые только на первый взгляд помогают что-то объяснить, а на деле лишь указывают на наличие свойств так и оставшихся ненайденными, неопределенными.

Тщательно и всесторонне описаны лингвистами свойства связности, цельности и эмоциональности текста, которые, однако, являются, скорее, свойствами текста как лингвистической реальности - реальности, возникающей в процессе познания мыслящим субъектом феномена объективной действительности. (Отличное от традиции понимание эмоциональности текста как его именно феноменологической характеристики обнаруживается, пожалуй, только в работе А.В.Кинцель [1]).

И потому, быть может, эти свойства не позволяют ответить на вопрос о том, как и почему текст представляет / порождает не систему лингвистических значений, а смысл.

Попыткам обнаружения "смысловой единицы" текста, осуществленным лингвистикой, несть числа: поиск элементарной единицы смысла производился и "от языковых единиц" и от "смысловых частей / блоков" текста, но всякий раз обнаруживалось, что выделение в тексте смыслосодержащих компонентов любого качества и количества оставляет вопрос о принципах возникновения текста как смыслового целого открытым.

Вот почему представляется вполне своевременным "вернуться в текст", не отвергая его дискурсивного существования вовсе, но намеренно исключив его из дискурса, чтобы, сосредоточившись на феноменологических свойствах текста, попытаться ответить на вопрос: какое бытийное свойство его, еще не исследованное лингвистами, напрямую связано со смыслорепрезентативной / смыслопорождающей функцией текста, то есть является ноумenalным?

Такая постановка вопроса возможна еще и потому, что, как оказывается, у текста как смыслового целого обнаруживаются свойства, не присущие его составляющим. Следовательно, законы формирования и функционирования тек-

ста иные, нежели законы порождения и функционирования выделяемых в нем лингвистических (языковых и речевых) единиц.

При попытке объяснить сущность текста через свойства составляющих его лингвистических единиц возникает неустранимое противоречие: свойства лингвистического объекта, принадлежащего лингвистической реальности, приписываются феномену, принадлежащему реальности объективной.

Этой апории, на наш взгляд, можно избежать, если попытаться сопоставить выявленные феноменальные / ноумenalные и функциональные характеристики текста с закономерностями функционирования других природных объектов.

Вполне логично поэтому, акцентировав языковую субстанцию, допустить возможность формообразования текста по законам физическим, причем таким, которые не предполагают наличия в природе некоей совокупности фундаментальных элементов или структур, ответственных за существование и функционирование сложных объектов.

При этом я вовсе не отвергаю ни своеобразия метода мышления, при котором абсолютизируется стремление объяснить сложное через более простое, ни конкретных методов анализа, предложенных редукционизмом и позволяющих выстраивать аргументированные модели объектов. Однако положение о том, что свойства системы однозначно определяются свойствами ее элементов и структурой их связей, используемое редукционизмом в качестве основного постулата, нельзя признать универсальным для всех типов систем: известно, что при объединении элементов (при переходе к макроуровню) происходит образование систем, обладающих специфическими качествами, не вытекающими из свойств элементов. К таким системам относится и текст.

Это означает, что текст может быть рассмотрен с позиций синергетики как негэнтропийный самоорганизующийся объект, что позволит разработать хотя бы некоторые процедуры сопоставления результатов лингвистического анализа текста, в частности, интерпретаций одного и того же текста, ведь многочисленные и разнородные факты полученные исследователями при анализе текста не могли быть сведены в единую картину, способствующую построению общей теории текста, именно в силу экстенсивности и концептуальной разнородности исследований.

Процедуры верификации могут быть разработаны на основе нескольких исходных положений.

1. Мы понимаем форму текста как субстанцию, обнаруживающуюся в протяженности текста и направленности его движения, соотносящихся с состоянием текста, а также в размере текста и его дискретных составляющих.

Исходя из этого физическая (материальная) сторона текста может быть представлена в единой системе координат.

2. Размещение субстанциональных компонентов текста вполне сообразуется с эвристическими возможностями теории сильных позиций текста и свойствами объектов, фиксированными в пропорции золотого сечения. Одновременно в анализ текста необходимо ввести топологический параметр структуры. Тако-

вым может быть качественное расположение повторяющихся комплексов текста или их дискретных компонентов относительно сильных позиций текста [2].

Г.Г.Москальчук, взявшая, кажется, из предшествовавших ее работе теорий сильных позиций текста лишь одно положение (текст как прямолинейное развертывание от начала к концу), ставит вопросы о конкретизации границ начала и конца текста, о весьма неопределенном понятии "середина текста", о разграничении контактности и дистантности единиц текста и др. и вводит понятие гармонического центра, позволяющего разграничить расположение компонентов (элементов, единиц) текста до и после этой позиции с помощью числовых координат. Гармонический центр "определяется теоретически как такая словоформа, которая располагается от абсолютноного начала текста на расстоянии, равном пропорции 0,618 (размер текста в словоформах умножается на 0,618 и округляется до целого числа по общепринятым правилам" [2, 42].

Гармонический центр приблизительно стабилен, "притягивает" все наиболее существенные ритмико-интонационные, структурные и смысловые связи текста. При этом возможны естественные флуктуации гармонического центра, но эта сильная позиция тем не менее стабильна, а следовательно, может быть точкой отсчета для всех иных позиций текста.

3. Пропорциональные отношения целого и его частей (текста и его составляющих) выявляют меру качественно-количественной организованности целого, структурированного по принципу циклической инвариантности.

Таким образом, выявляется некое феноменологическое свойство текста, позволяющее ему существовать как целности / целому, явлению, обладающему пространственными физическими характеристиками: "...связать части между собой так, чтобы они представляли некоторое законченное целое, можно только за счет сходства самих частей, иначе говоря, за счет того общего, что содержится в каждой части" [3, 135].

Введение качественно-количественного параметра в анализ текста позволяет определить зону начала текста - отрезок текста, в котором статистически нет ни одного абсолютно конца повторяющегося комплекса, и зону конца текста, статистически не содержащую абсолютных начал повторяющихся комплексов.

При анализе конкретного текста следует учитывать, что повторы подвержены значительной интерференции, а это усложняет конфигурацию размещения повторов в зоне гармонического центра, однако разнообразные флуктуации текста все равно так или иначе зависят от гармонического центра, так или иначе соотносятся с ним. (Установление характера отношений гармонического центра с флуктуациями - задача не одного исследования).

Г.Г.Москальчук на большом количестве текстов удалось показать, что так называемая "плотность повторов" (частота их размещения в тексте, коррелирующая с композиционными зонами текста) уточняет границы зоны гармонического центра, "которая подчиняется пропорции золотого сечения и располагается симметрично относительно позиции 0 на расстоянии, статистически равном пропорции ϕ 0,236 части от размера целого текста" [2, 44].

В.И.Вернадский, рассматривая принцип симметрии в науке, отмечал, что одним из важнейших достижений XX века является не введение в научное описание понятия симметрии, а понимание его всеобщности [4, 222]. В.С.Готт называл "самой симметричной асимметрией" [5, 1988] пропорции золотого сечения, которая передает своеобразную ритмичность, отражающую закон гармонического возрастания пульсаций, - отражает упорядоченность процесса прогрессивной эволюции объекта.

Золотое сечение - проявление экстремального структурного и функционального совершенства систем. Установлено, например, что "изменение противоположностей колеблется в пределах между золотыми сечениями. <...> Золотое сечение говорит о том, что в этой точке достигается гармония между частями и целым" [6, 23].

Пропорция золотого сечения была известна в глубокой древности и называлась Божественной пропорцией или Божественным сечением, что вполне отражало ее "загадочные" свойства. Вслед за Леонардо да Винчи в эпоху Возрождения эта пропорция стала именоваться Золотым сечением (Золотой пропорцией).

Сознательное использование пропорции золотого сечения в древности связано прежде всего с искусством и архитектурой. Известно, что золотым сечением часто пользовались архитекторы Иттинос и Калликратес при строительстве храма Парфенона на афинском Акрополе, скульптор Фидий и др.

Пропорция золотого сечения обнаруживается в алгебре и геометрии, кристаллографии и почтоведении, анатомии и архитектуре, биологии и эстетике, космическом пространстве и ... в структуре языковой субстанции.

О проявлении коэффициента золотого сечения в строении биологических объектов подробно рассказывает Э.Геккель [7], обнаруживая загадочную пропорцию в листорасположении растений, в формах раковин, в расположении зерен кукурузы на початка и семян подсолнечника, чешуйки в шишках сосны, ячек на ананасе, в строении сложных органических молекул, в структуре ДНК.

И.Ш.Шевелев, И.П.Шмелев, М.А.Марутаев [6] математически строго обосновывают положение, согласно которому одни и те же пропорции определяют принципы гармонии в произведениях искусства, законы формообразования в живой природе и психофизическое состояние человека. О генетической предрасположенности к соотношению функционально-структурных элементов организма человека и приматов в соответствии с золотым сечением пишет В.П.Эфроимсон [9].

Ю.Сафонов отмечает, что инвариант диапазона умственной деятельности человека также равен коэффициенту золотого сечения [10], более того, оказывается, что инварианты всех биоритмов мозга человека связаны с этим коэффициентом элементарными алгебраическими преобразованиями, физический смысл которых пока трудно объяснить.

Бенуа Мандельброт разработал основы так называемой фрактальной геометрии, которая позволяет с большой точностью описывать сложные самоорганизующиеся объекты (очертания островов, облаков, контур листвы в фоне неба).

ба и т.п.). Во фрактальной геометрии изучаются взаимоотношения самоподобных элементов, обладающих различным масштабом. Масштаб изменения размерностей в этой геометрии также подчиняется золотому сечению и соотношению, задаваемому числами Фибоначчи.

Н.И.Бялоус [11] выдвигает идею фрактальной природы текста, которая обнаруживается, вероятно, многообразно, но выявлено и аргументировано пока только соотношение / сопряжение конфигураций повторяющихся / неповторяющихся компонентов текста. [2]. А между тем для моделирования и анализа текста представления о фрактальности его природы оказываются весьма полезными, поскольку позволяют осуществить динамическое (сетевое) моделирование объекта. Естественно, что эта идея нуждается в специальном математическом обосновании.

Закономерности формообразования текста совпадают с закономерностями формообразования природных объектов хотя бы уже в том смысле, что они связаны с пропорцией золотого сечения.

Языковая субстанция упорядочивается по законам Божественной пропорции. Важно подчеркнуть, что пропорция эта асимметрична и характерна для живых организмов.

Симметрия менее свойственна живому - самоорганизующемуся - организму. Г.Г.Москальчук отмечает, что в тексте наиболее вероятны именно асимметричные структуры, поскольку симметрия неинформативна. Она присуща статичным структурам (менее информативным), динамичные же всегда асимметричны [2]. Отсюда очевидно: чтобы сохранить феноменальную целостность, текст должен стремиться к симметрии, но никогда ее не достигать, поскольку симметрия его структуры ведет к резкому снижению информативности (последняя свойственна прежде всего открытым нелинейным диссилативным, т.е. синергетическим системам). Поэтому субстанция текста организуется, стремясь к симметрии, но одновременно и самоорганизуется, стремясь к асимметрии.

Свойство спонтанной упорядоченности синергетических систем как раз и отражает эту закономерность.

Системоцентрический подход в лингвистике осуществляет именно анализ симметрии / стабильности формы языка, синергетический же рассматривает соотношение двух режимов, двух состояний системы языка - неустойчивой стабильности и функциональной лабильности. (Точнее говорить о квазистабильности текста как синергетической системы, причем квазистабильность характеризуется некоторыми параметрами организации. Впрочем, и само понятие организации достаточно условно, поскольку многое зависит от заданных параметров анализа. То, что в одних условиях читается функциональным образом, может в других относиться к элементам организации. Это происходит потому, что в сложных системах, какой является и язык, значительно усложняются связи между характером функционирования и структурой системы).

Текст как некое информационное / информативное образование должен отличаться от естественного фона ритмов и биоритмов.

В тексте не может быть все информативно, хотя все значимо. Известно, что существует порог восприятия содержания текста, когда информативность его не превышает 20%; в противном случае текст не оптимален алгоритму активности человека в процессе его восприятия и понимается неадекватно / не понимается. Структурно оптимальный инвариант текста имеет зону подготовки к восприятию доминантного смысла, зону реализации доминантного смысла, зону "выхода из коммуникации", что пропорционально соответствует в текстовом инварианте трем композиционным зонам, коррелирующим с серией пропорций золотого сечения.

Выявленные зоны - зона начала текста, зона конца текста и гармонический центр - имеют объективные границы внутри композиционно-смыслового континуума.

Показательно при этом, что максимальная дискретность структуры и содержания текста наблюдается в точках $\pm 0,236$, что и выявляет статистически границы зон. (Напомним, что структура - это неравновесно устойчивое состояние системы когда уровень ее энтропии снижается вследствие самоорганизации элементов под влиянием креативного атTRACTора).

Соотнесем это с положением квантовой физики о том, что изменение состояний объекта является дискретным процессом. То есть максимальная дискретность смысла (явная, вполне определенная - наблюдаемая - презентация его в языковых единицах) - это указатель готовности системы к переходу в иное состояние, это сигнал синергетических процессов внутри системы.

Парадокс заключается в том, что лингвист, как правило, интерпретирует содержание текста, опираясь именно на дискретно представленные смыслы (вспомним хотя бы так называемый "метод ключевых слов"!). Но как раз они сигнализируют о переходах системы из одного состояния в другое, а не выявляют ни устойчивые, инвариантные характеристики смыслов текста, ни принципы (закономерности) такого перехода. А между тем именно эти закономерности, видимо, и выявляют специфику текста как особого языкового феномена. По меткому выражению И.А.Герман, рассматривающей интерпретацию текста как синергетический речесмыслительный процесс, "the meaning is out there" [12].

Эти зоны переходов, названные Г.Г.Москальчук абсолютно слабыми позициями текста, свидетельствуют о тесном взаимодействии симметричных и асимметричных компонентов текста и о доминировании асимметрии в информативных текстах.

Открытие синергетикой явления "странных атTRACTоров" - доминирующего направления эволюции систем, возникающего вопреки ее детерминированности, приводящего к поведению систем, неотличимых от случайных процессов, - заставляет считать неупорядоченность, хаос естественным состоянием развивающейся материи. Более или менее устойчивые системные образования в этом случае - исключения, но только они наблюдаются, ибо дискретны. Вот почему смысл, всегда "где-то рядом": он подвижен, текуч, процессуален, а потому возможно обнаружить его лишь в результате рефлексии над этой процессуально-

стью, когда ускользнувший от нас смысл-феномен оставляет нам лишь инвариант-ноумен. На основе последних и совершается понимание.

Создание таких инвариантов вполне возможно вот почему. Известно, что в природе все время возникают структуры, в которых энтропия локально уменьшается (в этом я вижу воздействие симметричных форм и образований). Если состояния системы вероятностны, то реализуется такое, которому соответствует минимальный рост энтропии. Полевые модели текста (смысловая модель [13], [14]) вполне аргументированно представляют этот процесс, когда при внешней хаотичности, случайности, субъективности ассоциативных и иных связей между компонентами концептуальной системы все они управляются креативным атTRACTором - доминантным смыслом, синхронизирующим симметричные и асимметричные компоненты текста. При этом элементы языка, репрезентирующие поле смысла, отличаются друг от друга минимальными "квантами" смысла, то есть объединяются в неравновесную систему по принципу минимального роста энтропии от ядра поля к его периферии. Убывание энтропии возможно, как известно, за счет поглощения внешней энергии и / или вещества, поэтому текст как феномен в процессе самоорганизации использует для реализации этого принципа свои внутренние ресурсы [15].

Информативность любого текста, в том числе и эстетически значимого художественного, определяется эффективностью его структурной самоорганизации. Эта эффективность проявляется как обнаружение той области текста, где в наибольшей степени сосредоточен личностный смысл как проявление творческого начала субъекта - креативный атTRACTор текста как синергетической системы. Сложная корреляция устойчивых и неустойчивых состояний порождающего текста приводит к возникновению поля интерпретации порожденного, в котором "обитает" новая система смыслов, инициированная исходной системой, но не равная совокупности ее смыслов.

Поразительно, что, как мы и предполагали, самый мощный циклический атTRACTор текста и является таким креативным началом, доминантным смыслом текста. Г.Г.Москальчук доказала это, экспериментально соотнеся информацию, располагающуюся в наиболее мощных атTRACTорах текста, возникающих вследствие спонтанной упорядоченности самой материи текста, и смыслы, "расположенные" в данном отрезке текста [2]. Тем самым была верифицирована теория доминантных смыслов текста, разработанная в 1991 году [13].

Стабильное развитие ("развертывание") доминантного смысла осуществляется вследствие корреляции (сложения?) ритмов композиционных зон, ритмов тела (материи) текста и текста как структурно-смыслового целого. (Кстати, в этом проявляется свойство текста как нелинейной открытой диссипативной системы изменяться под воздействием множества причин, когда эффект изменения системы оказывает обратное влияние на каузальные переменные.) При этом разнообразие поверхностных языковых структур отражает, репрезентирует цикличность асимметричности глубинной структуры текста. Таким образом, алгоритм восприятия доминантного смысла встроен в текст, в ритм развертывания его субстанции.

Креативный атTRACTор (доминантный смысл) - это зона гармонизации симметрии и асимметрии, организации и самоорганизации текста, зона притяжения всех элементов текста, позволяющая тексту существовать как целому, одновременно позволяя ему пребывать в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию. Креативный атTRACTор, с одной стороны, задает "путь" восприятия текста, сужает его, с другой - позволяет привлекать к его интерпретации практически неограниченное количество смысловых элементов, как-либо связанных с доминантным личностным смыслом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
2. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
3. Марутаев М.А. Гармония как закономерность природы // Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. М., 1990.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
5. Готт В.С. Философские вопросы современной физики. М., 1988.
6. Соколов Ю.Н. Цикл как основа мироздания. Ставрополь, 1995.
7. Геккель Э. Красота форм в природе. М., 1990.
8. Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. М., 1990.
9. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. С.-Петербург, 1995.
10. Сафонов Ю. Новеллы о золотом сечении и числах Фибоначчи. // Чудеса и приключения. N3. 1998.
11. Бялоус И.Н. Принцип фрактальности в структуре художественного текста. // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Иркутск, 1997.
12. Герман И.А. Интерпретация текста как синергетический процесс смыслопорождения. Ползуновский альманах. N2. Барнаул, АГТУ, 1999.
13. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. Новосибирск, 1992.
14. Босова Л.М. Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных (на материале русского и английского языков). Барнаул, 1997.
15. Пищальникова В.А. Текст и среда его обитания: синергетический аспект // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 8. Красноярск - Ачинск, 1999.

В.А. Пищальникова, Д.А. Бочаров

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ВЕРБАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОДНОИМЕННЫХ КОНЦЕПТОВ У НОСИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

Язык как конвенционально-знаковая система является интегративным компонентом концепта и потому обладает способностью ситуативно актуализировать любую его составляющую. Знак как символический репрезентант концептуальной системы может быть соотнесен с любым компонентом концепта, с его эмоциональной, понятийной и другими составляющими.

Язык, будучи символическим репрезентантом концептуальной системы, обнаруживает различие национальных концептуальных систем. В. фон Гумбольдт отмечал, что в различии языков проявляется не только различие обозначений одного и того же предмета, а разное "видение" его; что вполне соответствует положению о принципиальной возможности актуализации любого компонента концепта вербальной его составляющей. С другой стороны, характер вербальных ассоциаций обнаруживает специфику концептуальной картины мира.

Ю.А. Сорокин отмечает: "Индивид зависит от нации материально и духовно, а так как языки неразрывно связаны с самой сутью человеческой природы и в гораздо большей мере самопроизвольно происходят из нее, чем произвольно создаются ею, то интеллектуальное своеобразие народов можно с полным правом понимать как деятельность языков" [Сорокин, 147].

Понимание между носителями разных концептуальных систем возможно благодаря тому общему ассоциативно-апперцепционному содержанию, которое имеется в концептуальной системе каждого индивида, обусловленному как общностью среды обитания, так и общностью психофизиологических механизмов восприятия. Присвоение нового знания происходит на базе содержания концептуальной системы путем установления новых ассоциативных связей между концептами.

Установлено, что ассоциации, вербальные и невербальные, играют ведущую роль в организации структуры концептуальной системы. В этом смысле актуальны положения, высказанные в свое время А.А. Леонтьевым: "Слова не хранятся в памяти как слова, но как комплексы признаков. Когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков" [Леонтьев, 16-18], существование которых, добавим, выявляется в ассоциативных связях. Отметим и то, что логичнее говорить о конструировании смыслов слов в результате активной деятельности субъекта.

Механизм выбора слов, по мнению А.А. Леонтьева, основан прежде всего на наличии интегративных признаков. Но вопрос состоит в том, признак слова как языковой единицы или признак реалии, обозначенной словом (знаком), является интегративным? Исследование характера вербальных ассоциаций помогает решить на эту проблему.

Ассоциации как структурообразующий компонент концептуальной системы имеют иерархическую организацию, зависящую от деятельностной актуализации носителем данной концептуальной системы той или иной ассоциативной связи. Актуальность определяется включенностью того или иного компонента концепта в деятельность индивида.

В процессе речевой деятельности происходит актуализация вербальных ассоциаций на основе какого-либо признака реалии, существенного для индивида. Г.А. Мартинович выделяет следующие типы вербальных ассоциаций:

1. Ассоциации по смежности. Это пары слов, которые не имеют общих существенных признаков в своем содержании. Практически к этому виду относятся все так называемые тематические ассоциации.
2. Ассоциации по сходству: А. Синтагматического характера. Это пары таких слов, в которых содержание одного члена (значение процессуального или непроцессуального признака) входит в содержание второго члена в качестве одного из признаков этого содержания. Б. Парадигматического характера. Это пара слов, имеющих в своем содержании как минимум один существенный признак. [Мартинович, 19]

Г.А. Мартинович не включает в свою классификацию еще один тип, хотя отмечает достаточную обоснованность его выделения. Это ассоциации, возникающие на основе регулятивной совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность). По А.А. Леонтьеву, это прежде всего речевые, вызванные закономерностями совместной встречаемости слов в речи, а также языковые, вызванные закономерностями совместной встречаемости слов в языке, отражающие общераспространенный языковой шаблон ассоциации.

Необходимо отметить, что, говоря о вербальных ассоциациях, по сути, мы говорим об ассоциативных связях между концептами, поскольку языковой знак репрезентирует именно эту связь, актуализируя содержание концептов, находящихся в ассоциативных связях. Таким образом, ассоциативная реакция на слово-стимул - это не что иное, как актуализация того или иного компонента и концепта в целом.

Свободный ассоциативный эксперимент, проведенный с группой китайцев, проходивших обучение русскому языку в Алтайском государственном университете,ставил целью выявление специфики ассоциативных реакций на одни и те же стимулы у носителей русского и китайского языков. Изначально предполагалось, что такая специфика определяется особенностями культур (образ жизни, среда обитания, духовная жизнь и др. факторы), поскольку такие отличия не могут не быть отражены в концептуальной системе.

Китайцы изучали русский язык второй год в условиях русской культуры. Возраст испытуемых до начала интенсивного обучения в России - от 20 до 23-х лет.

Эксперимент проводился в три этапа. На первом этапе китайцам было предложено назвать ассоциации, которые возникают у них при визуальном предъявлении изображения ряда реалий: рука, голова, нога, человек.

Выбор лексем обусловлен, во-первых, наличием и возможностью реалий в обеих культурах, во-вторых, учитывается, что эта группа лексики изучается при овладении вторым языком одной из первых и известна китайцам более других.

Первый этап был необходим, чтобы достичь наибольшей чистоты эксперимента: при произнесении слова актуализируются ассоциации, которые не обязательно возникают при визуальном предъявлении предмета или его изображения, так как возможна актуализация разных компонентов концепта. Спустя неделю (временной промежуток был необходим, чтобы не образовалась устойчивая ассоциативная связь) у участников эксперимента выявились вербальные (по-китайски) ассоциации, которые у них вызывают китайские слова-стимулы (предъявлялись фонетически).

На третьем этапе участникам было предложено назвать по-русски ассоциативные реакции, которые вызывают у них названия тех же реалий. Таким образом устанавливались ассоциативные связи неродного языка с ранее предъявлявшимися стимулами, выявлялась национальная специфика этих связей.

Для сопоставления полученных результатов был проведен свободный ассоциативный эксперимент с группой носителей русского языка (студенты 1-3 курсов факультета филологии и журналистики Алтайского государственного университета).

При сравнительном анализе полученных результатов в ходе второго эксперимента с китайцами и русскими был выявлен ряд различий в ассоциативных связях.

В частности, у носителей китайского языка гораздо активнее проявляются ассоциации на основе сходства по внешней форме, функции реалии; стимул вызывает ассоциации на результат орудийного его применения.

Ассоциация по смежности является доминантной у носителей обоих языков. Следовательно, можно предположить существование каких-то ментальных универсалий при их специфической реализации по разным языкам, так как круг конкретных ассоциативных реакций резко отличается. Например, если у китайцев ассоциация по смежности на стимул "нога" - спорт, поход, земля, матч, человек, инвалид, пешком, то у русских - гвоздь, ботинок, сапог, след.

Помимо этого, проявляется и национальная специфика реакций на стимул "хлеб": у китайцев - русские, тогда как у носителей русского языка актуализируются вербальные стереотипы: соль, голова. Носители русского языка выделяют свойства хлеба: мягкий, горячий, вкусный, пахнет. У китайцев ни одна ассоциация не выявляет свойств данной реалии. Можно предположить, что для них актуальность свойств данной реалии невелика. Это подтверждается и при собеседовании с участниками эксперимента. Носители китайского языка в числе частотных реакций на стимул "хлеб" называют "пиво" и "колбаса" (у русских - "масло"): Это связано с тем, что, как указывают испытуемые, в Китае весьма распространено употребление хлеба с пивом и колбасой.

Таким образом, наряду с констатацией факта влияния условий жизни на концептуальную систему индивида, можно предположить, что на ассоциативные связи оказывают влияние не только внешние факторы, но и внутренние за-

кономерности самой концептуальной системы, которая встраивает новую информацию в систему имеющейся.

Анализируя реакции на стимул "рука", можно отметить, что для носителей русского языка в ассоциациях актуализируются свойства реалии: длинная, правая, кривая, сломанная (ассоциации даются в порядке понижения частотности), тогда как для китайцев - жизнь, обработка, судьба, техника, деньги, война.

Подобные отличия проявляются во многих ассоциативных реакциях. Это свидетельствует о разнице в степени актуальности того или иного компонента концепта для носителей разных культур, что нужно учитывать при обучении иностранному языку, специально актуализируя те компоненты концепта, которые нерелевантны в иной культуре.

Стимул "человек" вызывает общие ассоциации - животное, обезьяна. Хотя и здесь есть различия: китайцы - семья, человечество, история, дружба, труд, права, годы, мир; русские - проповедник, раб, дом. При анализе реакций, полученных в ходе третьего эксперимента, где китайцы использовали русские ассоциаты, можно отметить бедность ассоциаций, было получено много отказов в сравнении с анкетами на родном языке. Это связано с недостаточной включенностью иноязычного слова в систему концепта. Слово на неродном языке пока не воспринимается функционально. Это можно сравнить с "вызубренным правилом", с пассивным хранением в памяти слова, не включенного в функциональные связи и имеющего весьма ограниченные парадигматико-синтагматические связи в речевой деятельности индивида.

Таким образом, результаты эксперимента, во-первых, подтверждают мнение ученых о различии ассоциативных связей одних и тех же слов у носителей разных языков. Во-вторых, у носителей китайского языка и русского обнаружено доминирование ассоциаций по смежности для всех слов, включенных в эксперимент. В-третьих, актуальность компонентов концептов у носителей разных языков разная при общности понятийного компонента концепта.

Таким образом, можно говорить о том, что структура концептуальной системы организована как сложная система концептов, которые включают информацию о том или ином объекте действительности и на основе которой продуктируется новое знание как результат взаимодействия концептов и включения концептов в определенные функциональные системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин Ю.А. Лакуны и процесс моделирования образа этнической культуры в психологии // Материалы XI Всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.
2. Леонтьев А.А. Язык. Речь. Речевая деятельность. М., 1969.
3. Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. N3. 1988.

Т.Г. Пшёнина
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ КОМПЕНСАЦИИ В ПРОЦЕССЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны.

Н.В. Гоголь

Являясь одним из древнейших средств сближения народов и их культур, перевод, тем не менее, приобрел статус самостоятельной дисциплины лишь в 20-е годы нашего столетия, когда он трактовался как особый вид искусства (К.И.Чуковский, А.В.Фёдоров). С тех пор переводческая практика и формирующаяся теория перевода претерпели множество изменений, обусловленных как накоплением собственно переводческих данных, так и достижениями дисциплин, в той или иной степени оказывающих влияние на этот сложный и многогранный феномен.

Однако, под каким бы углом зрения ни рассматривался перевод - лингвистическим или психолингвистическим, культурологическим, философским, информационным, - очевидна его диалектичность как явления и как процесса. «Диалектическое единство литературного (и не только - Т.П.) произведения и его перевода предполагает борьбу и взаимовлияние двух языковых картин мира, двух языковых и художественных систем, двух авторских - создателя оригинала и перевода - концепций действительности и её художественного воплощения и, наконец, борьбу единичного с общим, вызванную стремлением переводчика к воссозданию целостного эстетического впечатления и сохранению всех стилистических черт оригинала» [Оболенская, 1998 с.4].

И всё-таки особенно плодотворной, на наш взгляд, для понимания сути перевода оказывается теория межкультурного общения. Межкультурное общение - «это случай функционирования сознания в аномальных условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов» [Тарасов 1998, с.30]. Теория межкультурного общения является частью речевого общения, и перевод может трактоваться как вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель не совпадают.

В условиях такого общения роль переводчика трудно переоценить. Он выступает посредником между автором и читателем, между адресантом и адресатом, являясь одновременно получателем текста на исходном языке и его отправителем на переводящем языке. В условиях такого общения ему приходится решать задачи, обусловленные не только несоответствием системных свойств языковых знаков двух языков, окказиональными проблемами речевой природы, но и своеобразием культур участников коммуникативного акта, расхождением

их концептуальных систем. В зависимости от жанра, типа текста, подлежащего переводу, перечень задач, требующих отдельного решения на перевод, по-видимому, расширяется еще больше. Так, например, способность к прочтению художественного текста, пониманию его смысла, характер его интерпретации обусловлен эмоциональным интеллектом (эмоциональной тонкостью - термин А.Р. Лурии) переводчика. А перевод волшебной сказки предполагает учет законов её построения как особого «жесткого» типа текста.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Сорокина относительно того, что процесс межкультурного общения «является конфликтным в силу различий в объеме и структурирования личностного и этнического опытов - как вербальных, так и невербальных» [Сорокин, 1998, с.32].

В текстах различных типов источниками конфликтов могут выступать нетождественные языковые, культурные, этнографические, поведенческие феномены (лакуны), которые в текстовых фрагментах не вызывают у адресата адекватных ассоциативно-вербальных реакций, «сложны для интериоризации из-за отсутствия соответствующих стереотипов в индивидуальной когнитивной системе реципиента... и не могут быть соотнесены с континуумом общих знаний (фондом знаний) реципиента» [Власенко, 1996, с.7].

Обратимся в этом плане к ономастической лексике - топонимам и антропонимам. Несмотря на существование достаточно четких правил перевода этой группы - транскрипция или перевод в тех случаях, когда языковая единица обладает прозрачной внутренней формой - их роль в процессе коммуникации, в межкультурном общении довольно интересна.

Наряду с групповой информацией, которая присуща семантике любого имени собственного (ИС), некоторые из них обладают и индивидуальной информацией, чаще всего хорошо известной представителям той или иной национально-культурной общности. Популярность определённых ИС связана с их использованием в составе малых фольклорных форм (пословиц, поговорок, загадок), фразеологизмов, они ассоциируются с персонажами литературных произведений, историческими личностями и событиями, приобретая, таким образом, презентативную, нарицательную характеристику. Теперь, достаточно назвать имя - и осуществляется не только перцептивное, но и концептуальное выделение объекта, «объекту придаётся смысл, с объектом соотносится некий смысл, происходит ментальная презентация объекта» [Пицальникова, 1997, с.21]. Итак, слово - имя - в процессе восприятия потенциально может служить раздражителем для определённого комплекса возбуждений. Чтобы такое произошло реально, это слово - имя, его звуковой или графический образ, должен представить перед реципиентом в стереотипной, узнаваемой форме.

Обратимся к конкретным примерам.

Имя *Rachel*, если оно относится к героине романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена», знакомо русскому читателю в форме *Рашель*. Ориентируясь на культурные традиции русского языкового социума, на конвенционально закреплённую в нём систему обозначений реалий действительности, библейская героиня, же-

на праотца Иакова, мать Иосифа, имя которой тоже *Rachel*, перед русским читателем должна предстать под именем *Рахиль*.

Забавны в этом плане превращения, происшедшие с именем главного героя эпопеи Дж. Р. Толкиена «Властелин колец» *Bilbo Baggins*. В трилогии, переведённой В.Муравьёвым и А.Кистяковским, он появляется как *Бильбо Торбинс*, т.е. его имя переведено , англ. «*bag*» означает «сумка, торба». В повести «Хоббит»(перевод Н.Рахманова), своеобразном прологе эпопеи, её герой действует под именем *Бильбо Бэггинс*, т.е. фамилия транскрибируется. Воздержимся от комментария по поводу оценки переводческих приемов, отметим лишь, что такое разночтение имени героя вряд ли облегчает ориентацию читателя. Данный случай только подтверждает правомерность основного переводческого правила в отношении ономастической лексики - всегда следует убедиться, существует ли традиция для передачи данного имени в переводающем языке.

Так, в путеводителе по американскому городу Сент-Луису читаем:

In 1764, Frenchman Pierre Laclede selected a site on the west bank of the Mississippi ... to build a trading post ... to be named for *Louis IX*, patron saint of King *Louis XIV* of France.

Два омонимичных антронима, употреблённых в предложении, не могут получить одинаковое оформление при переводе на русский язык, т.к. в языковой памяти реципиентов имя святого, покровителя французского короля, должно быть *Луис* (его именем был назван торговый пост, а позже и город Сент-Луис). Имя же французского короля, связанное с апогеем абсолютизма во Франции, в русскоязычной общности известно как *Людовик*.

Более того, если архитектурный стиль, относящийся к эпохе этого короля, в русском языке выражается в той же языковой форме - стиль *Людовика XIV*, то английская языковая традиция потребует изменения числительного и стиль будет называться *Louis Quatorze style*.

Случай несовпадения отдельных фрагментов при сопоставлении картин мира текстов исходного и переводащего языка имеют место и при переводе топонимов. Например, кампанила в итальянском городе Пиза в конвенционально закреплённой системе обозначений русскоговорящих связана с формой «*Падающая башня*», (в основе внутренней формы лежит образ падающего объекта). Внутренняя форма англоговорящего субъекта связана с иным признаком этого сооружения - его наклоном, отсюда и название «*Bending Tower*» - наклонная башня.

Итак, в данной статье мы коснулись лишь небольшой части проблемы, детерминирующей оптимальный выбор стратегии переводчика, направленной на успешную реализацию межкультурного общения. Более подробное и разностороннее изучение данного вопроса, на наш взгляд, перспективно и может дать интересные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власенко С.В. Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса. Авто-реф. канд. дис., М., 1996.
2. Оболенская Ю. Л. Диалог культур и диалектика перевода. М., 1998.
3. Пицальникова В.А. Схемы понимания: операциональные возможности и сфера понимания. М., 1997.
4. Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения. Барнаул, 1998.
5. Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание. Формирование и функционирование. М., 1998.

Е.А. Россинская

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ В СФЕРЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ЕЕ УЧЕТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (на материале русского и английского языков)

Выделяя отличительные парадигмальные черты современной лингвистики, исследователи называют следующее: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность. [Кубрякова 1995, 207]. Экспансионизм лингвистической науки прежде всего находит свое проявление в признании того факта, что между гуманитарными и естественными науками обнаруживаются черты изоморфизма, а потому для адекватного познания языка и его единиц целесообразно использовать методологические принципы познания из области негуманитарных наук, а также выделенные в них понятия, термины и категории. Так, например, такие термины, как функция, поле, параметр, код, конвергенция и др., как отмечает И.В. Арнольд, переходят с соответствующими изменениями в семантике из одной науки в другую, что, в свою очередь, является свидетельством междисциплинарных связей [Арнольд 1998, 6].

К числу таких понятий относятся понятия симметрии и асимметрии. Даные понятия были заимствованы из кристаллографии и широко применяются в различных науках, имеющих дело с системами, а также исследованиями в области общей методологии. Категории симметрии/асимметрии включаются в общий понятийный аппарат философии и рассматриваются как две взаимосвязанные и взаимообусловленные категории языка. Симметрия трактуется при этом как категория, отображающая существующий в объективной действительности порядок, пропорциональность и соразмерность между составными частями целого, определенное равновесие и относительную устойчивость. Соответственно асимметрия рассматривается как нарушение равновесия, соответствия между системой и отдельными ее элементами в некоторых участках и подсистемах, приводящее к изменению системы в этих участках и восстановлению более полной ее симметрии [Готт, Перетунин 1967, 34-35].

В лингвистический обиход понятие асимметрии было введено С.Д. Кацевским [Кацевский, 1965].

Свойство формального содержания асимметрии языкового знака (т.н. нарушение «закона знака») находит самые различные манифестации в языке. Оно, как известно, лежит в основе таких явлений, как синонимия, омонимия, полисемия и синкетизм. Функционально - содержательная асимметрия языкового знака может иметь как внутриязыковой, так и межъязыковой характер.

Предметом нашего рассмотрения является межъязыковая асимметрия в сфере частей речи. Можно со всей уверенностью сказать, что проблема частей речи относится к числу вечных, что прежде всего обусловлено их статусом в языковой системе. Проблема частей речи, их классификации, синтаксического поведения, а также их сопоставление в различных языках издавна волновала многие поколения лингвистов. Интерпретация этих проблем, ракурс их рассмотрения связана с появлением новых направлений в лингвистике и развитием новых подходов к их изучению. Современная лингвистика обогатила изучение проблемы частей речи рассмотрением их с позиций когнитивного подхода, в рамках которого изучение частей речи способствует одновременно изучению устройства языка и структур сознания. Это становится возможным, так как разные части речи «объективируют» и активизируют при их использовании разные структуры сознания и вызывают у нас разные ассоциации, разные представления или иные репрезентации» [Кубрякова 1997, 40].

Образуя основные параметры в ноэтическом пространстве языка, части речи тем самым определяют устройство языковой картины мира в том или ином языке. А поскольку любая языковая картина мира включает в себя как общие, так и национально-специфические черты, естественно предположить, что в частеречных системах различных языков, и особенно языков различных типологий, неизбежно совмещаются как универсальные, так и национально-специфические черты, в которых находят свое отражение особенности концептуализации и вербализации действительности. Поэтому частеречные системы разных языков лишь частично накладываются одна на другую, и наряду со случаями асимметрии, т.е. соответствия в частеречной сфере, существуют случаи асимметрии, что обнаруживается при сопоставлении параллельных примеров.

He almost expected to hear the price. – Он прямо таки ожидал, что она вот-вот скажет, сколько стоит номер [J. Fowles].

Поменьше надо слушать, о чем болтают зеки, понятно? – Better pay less attention to prisoner talk, understand? [A. Ким].

С того времени, как его сняли с высокой должности, он поугрюмел. – Since his removal from his high post, he had grown gloomy [Ан. Курчаткин].

Как отмечает Г.А. Брутян, в языковой картине мира сохраняются периферийные участки, которые остаются за пределами логического отражения, и именно отношения между этими участками варьируются от языка к языку [Брутян 1976, 227].

Обращение к сопоставительному анализу в сфере частей речи также подтверждает данный тезис. Как правило, части речи разных языков совпадают в

своих центральных, или ядерных зонах, но при этом могут значительно различаться своими периферийными областями. Эту мысль высказывал С.Д. Кацнельсон, отмечая, что части речи в разных языках совпадают лишь в своих базисных значениях, а в остальном – их лексический состав неустойчив и регулярно обнаруживает идиоэтнические отклонения [Кацнельсон 1972, 176]. В качестве базисных значений для существительных он выделяет значения, отображающие чувственно воспринимаемые предметы (физические тела). Именно базисные значения, как отмечает С.Д. Кацнельсон, были интуитивно выделены традиционной грамматикой в качестве семантической основы основных частей речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие [там же, 175].

Развивая тезис о полевой структуре частей речи, М.Я. Блох вводит понятие единиц чистой и смешанной категориальной семантики. Единицы чистой категориальной семантики характеризуются параллелизмом между их вещественно-лексической и их категориально-грамматической семантикой. Это существительные, обозначающие предметы действительности (a table), глаголы, обозначающие конкретные действия (to run) и т.д.

Единицы же смешанной категориальной семантики выявляют отсутствие подобного параллелизма и включают существительные, обозначающие действие или качество (a run, longevity), прилагательные, обозначающие потенцию к действию (readable, watchable) [Блох 1986, 70]. Г.А. Золотова также выделяет подобные группировки в составе частей речи, описывая их в терминах изосемических и неизосемических единиц [Золотова и др. 1998, 109-110].

Если рассматривать данные конструкции в когнитивном ракурсе, то можно полагать, что единицы чистой категориальной семантики представляют собой названия онтологических сущностей, а единицы смешанной категориальной семантики – названия гносеологических сущностей, т.е. осмыслиенных и вербализованных в качестве предметов, действий или признаков языковым сознанием конкретного языкового социума [Козлова 1988, с. 85-87]. Именно такие единицы регулярно обнаруживают межъязыковые различия.

He had some real knowledge of art history. – К тому же он по-настоящему знал историю искусства.

And there was more frankness when David asked what he had looked for when he brought. – А на вопрос, чего он искал в картинах, когда их покупал, старик ответил вполне откровенно [J. Fowles].

Breasley seemed still asleep under the fir tree. – Бресли, по-видимому, все еще спал под елью [J. Fowles].

But Douglas, without heeding me, began to read with a fine clearness. – Но Дуглас, не слушая меня, уже начал читать ясно и выразительно [H. James].

Межъязыковая асимметрия в сфере частей речи может иметь различные формы манифестации как на уровне языковой системы, так и на уровне функционирования системы, т.е. в дискурсе. При этом асимметрия может носить как качественный, так и количественный характер. В первом случае один и тот же концепт получает разное частеречное оформление, а во втором один и тот же концепт выражается в одном языке словом, а в другом словосочетанием. Несо-

ответствие количества означаемых и означающих В.Г. Гак подводит под понятие асимметрии в синтагматическом плане; парадигматическая же асимметрия проявляется тогда, когда языковой элемент используется не в собственном употреблении, т.е. во вторичной функции [Гак 1978, с. 16].

Расхождения в способах языкового выражения одного и того же концепта в разных языках обусловлены прежде всего типологическими различиями между языками и, в первую очередь, различиями в продуктивности способов словообразования. Так, например, чрезвычайно высокая степень продуктивности такого способа словообразования, как конверсия в английском языке и низкая продуктивность конверсии в русском языке приводят к лакунизации и необходимости частеречных замен.

Are you a quick study? – Вы быстро запоминаете текст? [S.M]

There was no change in Wilson. – В Вильсоне ничего не изменилось [E. Hemingway].

The old man's stare came back to him. – Старик снова на уставился на Дэвида [J. Fowles].

Глаголы в английском языке, образованные при помощи конверсии, могут содержать в своей семантической структуре не только название действия, но и указание на объект, способ выполнения действия, инструмент, которые, являемые внутренними актантами, при переводе на русский язык становятся внешними. В этом случае мы имеем дело с количественной асимметрией, т.е. несовпадением числа означающих и означаемых в сопоставляемых языках:

Mathilde housekept for Henry. – Матильда служит у Генри экономкой.

You'd better tell that to Hiroshima or to someone who's been napalmed.

Скажите об этом побывавшим в Хиросиме, или тем, кого жгли напалмом [J. Fowles].

I'll have to wireless for a plane to take the three of us into Nairobi. – Надо будет вызвать по радио самолет, чтобы забрал нас троих в Найроби [E. Hemingway].

Межъязыковая асимметрия в сфере частей речи регулярно проявляется на уровне узуса, или нормы речи. В.Г. Гак отмечает, что даже при наличии в языках сходных категорий они могут использоваться в речи по-разному. Это обусловлено языковыми «привычками» носителей языка, особыми предпочтениями, совокупность которых и образует норму речи или узус [Гак 1979, 7]. Нарушения в сфере узуса не приводят к языковой ошибке, но делают высказывание не аутентичным.

Так, для английского языка, как отмечают многочисленные исследователи, характерен особенный вкус к именному способу оформления мысли, так называемая «именная болезнь», в то время как русский язык предпочитает глагольные способы. Результатом таких предпочтений являются частеречные несоответствия в глагольной и именной сфере, что также вызывает необходимость частеречных замен при переводе.

Jimmie Langton was in need of a leading juvenile. – Джимми Лэнгтону как раз требовался актер на амплуа первого любовника [S. Maugham].

Pretend we are in awe of his wicked old reputation. – Притворись, что нас пугает и восхищает его ужасная репутация [J. Fowles].

I was in receipt in these days of disturbing letters from home. – В те дни я получала тревожные вести из дома [H. James].

Другой отличительной особенностью английского языка в едином узусе является привычка к раздельному оформлению лексического и грамматического значений, что связано с общей тенденцией языка к аналитизму. Так, например, значение действия (чаще всего «кванта» действия) в английском языке передаются с помощью конструкции V-Nv (типа give a look), в составе которой глагол утрачивает свое лексическое значение, десемантизируется, а называнием действия служит отглагольное существительное. На русский язык такие структуры чаще всего переводятся глагольными лексемами.

She gave a surreptitious nod at David behind Breasley's back. – За спиной Генри она едва заметно кинула Дэвиду [J. Fowles].

В рамках данной статьи мы наметили лишь основные контуры рассматриваемой проблемы, которая имеет, на наш взгляд, как теоретическую, так и практическую значимость. Выявление случаев межъязыковой асимметрии в сфере частей речи, установление причин ее возникновения позволяет более вы полно показать типологические различия между языками в сфере частей речи и спрогнозировать необходимость частеречных трансформаций при переводе, что в свою очередь, должно способствовать обучению правильной и аутентичной англоязычной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Черты изоморфизма филологических и физико-математических наук // Актуальные проблемы стилистического декодирования, теории семантики слов и высказываний. Санкт-Петербург, 1998.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М., 1986.
3. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.
4. Гак В.Г. Межъязыковая асимметрия и прогнозирование трансформаций при переводе // Вопросы теории перевода. Вып. 127. М., 1978.
5. Гак В.Г. Межъязыковое сопоставление в преподавании иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1979. №3.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998
7. Готт В.С., Перетурин А.Ф. Симметрия и асимметрия как категории познания // Симметрия, инвариантность структура. М. 1967.
8. Золотова Г.А., Онищенко Н.К. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М. 1998.
9. Карцевский С.Д. Об асимметричном дуализме лингвистического знака// История языкоznания 19 века в очерках и извлечениях. Ч. 2. М. 1965.
10. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
11. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании языка. М., 1990.
12. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

13. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистической идеи во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
14. Козлова Л.А. Когнитивный анализ единиц смешанной категориальной семантики в составе частей речи // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний. Иркутск, 1998.

Н.С. Рожнова

«ДАДА»-ТЕКСТЫ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ

Изучение сложного и многомерного процесса понимания содержательной стороны текста - одна из актуальных проблем современного языкоznания.

А.А.Брудный подразделяет все вербальные тексты на три группы. Тексты первой группы - это такие тексты, в которых не обозначены опорные точки, ограничивающие возможности варьирования их понимания. Сюда учёный относит так называемые «дада»-тексты, текст Апокалипсиса, а также тексты, обраzованные последовательностью знаков не дешифрованных ещё языков. В текстах второй группы все элементы однозначно представлены именно в том смысловом качестве, в котором они только и могут быть поняты читателем, располагающим должным тезаурусом. Такими в идеале должны быть научные тексты, выполненные с необходимой строгостью. Наконец, в наиболее обширную третью группу входят тексты, которые содержат ряд направляющих (их называют также смысловыми, или семантическими линиями), сложное переплетение которых порождает значительное число вариантов их понимания. Разница между поливариантностью текстов первой и третьей группы в том, что варианты понимания каждого данного текста последней группы сопоставимы.[1]

Интересной для выявления механизмов, лежащих в основе понимания, может быть первая группа текстов, в особенности так называемые «дада»-тексты. Однако такое название представляется не совсем точным, так как тексты этого рода, т.е. тексты, которые невозможно понять путём традиционного "логического" рассуждения, бессмыслица, как их ещё называют, выходят за рамки дадаизма. Это, скорее, явление, характерное для всего авангарда в целом. Несмотря на значительную разницу философских позиций, футуристическая поэзия В.Хлебникова, бессмыслица Хармса, заумь А.Кручинных и некоторые другие тексты авангарда так же, как и произведения дада, могут быть отнесены к первой группе.

Если называть такие произведения «текстами», то свойства связности и цельности, которые исследователи, как правило, определяют как свойства, делающие текст текстом, оказываются в данном случае нерелевантными. Действительно, вряд ли можно говорить об имманентной целостности и связности текстов, созданных методом румынского поэта Тристана Тцара: он доставал обрывки газет из мешка вслепую и выклеивал их на бумаге, получая «чисто» дадаистическую поэзию.[2] Тем не менее, это всё-таки тексты, так как важнейшей характеристикой текста является его коммуникативная направленность,

его рассчитанность на читателя/слушателя, ориентация на передачу какой-то информации, поскольку, как пишет А.А.Брудный, текст всегда обращён к кому-то и в силу этого непреложного обстоятельства рассчитан на то, что его поймут. [1] Тот факт, что такие тексты могут быть интерпретированы, на наш взгляд, не вызывает сомнения, если рассматривать понимание не как воспроизведение имманентного тексту смысла, а как «произведение» в хайдеггеровском смысле слова. Непонимание при таком подходе может существовать только как отказ от понимания.

Если текст предполагает некоторое потенциальное число вариантов понимания, то он должен быть структурирован и организован соответствующим образом и должен обладать определёнными характеристиками, обеспечивающими множественность понимания. Если для текстов третьей группы такой характеристикой может быть полифония, о которой говорил М.М. Бахтин, то для так называемых бессмысленных текстов характерна, как нам кажется, направленность на энтропию смысла.

«Каждому из нас из неопровергимого личного опыта известно, что понимание существует и как процесс и как его переживаемый индивидом итог», пишет А.А.Брудный [1,с.110], если рассматривать эти два вида понимания с точки зрения лингвосинергетики, то их можно соотнести с состоянием хаоса и порядка.

Любой текст как квант средовой информации приводит концептуальную систему индивида в состояние динамического хаоса, предшествующее качественно новому состоянию самоорганизующейся системы, однако если для интерпретации второго и третьего типа текстов энтропия смысла – всего лишь промежуточная ступень на пути самоорганизации системы смыслов индивида в ходе эволюции к личностному смыслу как к более устойчивому, гармоничному (и, добавим более простому по сравнению с поиском состоянию системы), то для текстов третьей группы характерна ориентация на энтропию смысла, то есть направленность на это состояние как на конечную цель. Надо отметить, что это не означает отмену возможности выхода индивидуальной концептуальной системы реципиента на структуру-аттрактор, выстраивающую элементы смыслового поля в стройную, логичную картину, однако такой вариант развития событий, как нам кажется, противоречит самому духу авангарда. Дело в том, что, выход на относительно простые, симметричные структуры-аттракторы означает свёртывание сложного, в то время как энтропийный текст - назовём его так - пытается отразить сложность, запутанность жизни, причём отразить эту сложность без попытки объяснения, т.е. так, как мы её воспринимаем. Вот что пишет Р.Гюльзенбек в манифесте 1918г: «Слово «дада» символизирует примитивнейшее отношение к окружающей действительности, вместе с дадаизмом в свои права вступает новая реальность. Жизнь предстаёт как одновременная путаница шорохов, красок, ритмов духовной жизни, которая без колебаний берётся на вооружение дадаистическим искусством со всем сенсационным гвалтом и лихорадкой повседневного языка».[2,с.153] Признание сложности мира, его нелинейности, неоднозначности, неразложимости на простые

составные части, способные, якобы, объяснить его, утверждение равноправности и множественности несводимых и независимых друг от друга начал бытия – это дух начала нынешнего века, времени возникновения авангарда, который получил своё отражение в бессмыслице. Бессмыслица *играет* со смыслом: слова, так же как и звуки, их составляющие, похожи на кубики, которые можно различным образом располагать во времени и пространстве, создавая новые и неслыханные комбинации, – явление, названное Анатолием Александровым «калейдоскопичностью».[3] Приёмом такой игры может быть так называемый сдвиг смысла, позволяющий услышать невыразимое, воздействуя на внешние структуры языка, влиять на его восприятие, а именно – на смысл. А.Кручёных настаивает на том, что граница между двумя словами может быть легко сдвинута под действием метрики, давая повод сначала акустическим, а затем и семантическим сдвигам. Кручёных предлагает свои варианты прочтения Пушкина. Так, например, стих Пушкина:

Проклятье меч и крест и кнут

читается:

Проклятье, меч и крест икнут

или ещё:

Выйдь, коханечка, скорее,

читается:

Вытько хани чакаса рея

Таким образом, уже не имеет никакого значения то, что звуковые единства, освобождаясь, образуют слова, узуальные или окказиональные. Самое главное: «Новая словесная форма создаёт новое содержание, а не наоборот» [3, с.22]. Это перекликается с идеями дадаистов: «Мысль рождается во «рту» (Тцара).[2] «Границы моего языка являются границами моего мира», говорит Витгенштейн.[5] Бессмыслица пытается расширить эти границы, познать то, что лежит за их пределами. В этой связи нельзя не вспомнить теорию лингвистической относительности Э. Сепира. На вопрос «Способен ли язык влиять на мышление» авангард отвечает «да», главное *позволить* влиять, быть открытым переменам.

За счёт чего же достигается направленность текста на энтропию? На наш взгляд, прежде всего за счет высокой концентрации автономных форм и элементов. Музыкoved Р.И.Грубер видит проблему художественного воплощения в преодолении «сглаза готовых схем» [6]. Готовые схемы он называет гетерономными формами, которые являются своего рода художественными стереотипами, дающими реципиенту возможность опоры на известные ему «правила игры» в искусстве (а в нашем случае и в языке). Автономные формы не стереотипны, не кодифицированы, это формы, устанавливающие свои «правила игры». Возвращаясь к трём группам текстов, выделяемых А.А.Брудным, можно сказать, что если в текстах второй группы превалируют гетерономные формы, в текстах третьей группы наблюдается относительное равновесие гетерономных и автономных форм и элементов, то для части третьей группы, а именно для энтропийных текстов характерно преобладание автономных форм и/или

элементов. Такая характеристика позволяет продлить стадию поиска смысла, а именно затруднить выход концептуальной системы реципиента на структуру-аггрегатор, заставить воспринимающего выйти из круга готовых схем, тем самым повысить креативность мышления, активизировать эвристические процессы реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. № 10.
2. Турчин В.С. По лабиринтам авангарда. М., 1993.
3. Александров А. Игра и творчество// Нева 1968.№9.
4. Кручёных А. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М.,1924. цитируется по Ж.Ф.Жаккар. Даниил Хармс и конец русского авангарда. Санкт-Петербург 1995.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.,1958.
6. Грубер Р.И. Проблема музыкального воплощения. Пг.,1923.цитируется по Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. -М., 1997.

Е.Б. Трофимова

О ПРОЯВЛЕНИЯХ ЯЗЫКОВОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Известны два подхода к языку – системоцентрический и антропоцентрический. По нашим представлениям, в совокупности они отражают многогранность, сложность, неоднородность самой языковой действительности, и в этом смысле равноправны, но не самодостаточны. В данной работе мы не намерены затрагивать проблемы системоцентризма. Наша задача – рассмотреть проявление человеческого фактора в функционировании языка. Мы попытаемся в самых общих чертах охарактеризовать основные единицы, формируемые в процессе говорения, а затем «подняться» на уровень сознания с тем, чтобы исследовать, каким образом проецируется речевой поток в мозгу индивида.

I. Уровень подсознания и его единицы.

Л.С.Выготский, характеризуя речь ребенка, писал: «Ребенок склоняет, спрягает, но эта деятельность им усвоена чисто структурно,... он владеет ими (языковыми формами -Е.Т.) спонтанно.., автоматически» [1, 213].

В нормальных условиях речевой навык не требует осмысления и сознательной регуляции. (Подчеркивая речевой автоматизм, мы, естественно, говорим о построении речевых актов, а не об их содержании). Но для автоматизации процесса говорения нужны определенные условия, и единицы порождения речи должны характеризоваться некоторыми свойствами, связанными с ее спонтанным характером.

В настоящее время мы можем сделать лишь самые общие предположения относительно характера единиц уровня подсознания.

Во-первых, мы считаем, что в порождении речи участвуют маркированные единицы, ибо немаркированные образования не могут мгновенно включаться в

речепроизводство. (Мы имеем в виду, что эти единицы должны быть однозначно определены).

Во-вторых, единицы, образованные по продуктивным моделям, хранятся, очевидно, «в свернутом виде» в начальных формах. «Там, где процессы словообразования продуктивны, они не представляют по сути дела никаких серьезных затруднений. Рассмотрим, к примеру, трансформации номинализации того типа, которые образуют предложения *their destruction of the property...* («их разрушение собственности...»), *their refusal to participate...* («Их отказ участвовать...») и т.д. Ясно, что слова «destruction», «refusal» и т.д. не будут включены в лексикон как таковые. В лексикон будут включены «*destroy*» (разрушать), «*refuse*» (отказывать) с набором признаков, которые детерминируют ту фонетическую форму, которую они примут» [12, 28]. Вышеприведенное высказывание Н.Хомского, если не рассматривать вопроса о врожденности/приобретенности глубинных структур (это задача психологов, физиологов, а не лингвистов), кажется нам справедливым, правильно отражающим характер потенциальных единиц уровня подсознания. Видимо, действительно в подсознании существует набор высокочастотных элементов и трансформационные схемы, дающие возможность мгновенно осуществлять процесс порождения речи.

В-третьих, большую роль при порождении играет вероятностно-статистический фактор; все единицы и модели их преобразования высокочастотны, причем можно сопоставить и вычислить зависимость между вероятностью формы (или языковой модели) и вероятностью степени автоматизации ее порождения. На влияние вероятности характеристик при порождении и восприятии речи указывают многие исследователи. Имеются и экспериментальные подтверждения влияния данного фактора в механизмах, связанных с восприятием и воспроизведением речи: «Слова и другие элементы речи... кодируются и декодируются с учетом их вероятностей... Носитель языка не только владеет вероятностными закономерностями, но и определенным образом использует их для оптимизации, переработки информации» [11, 92].

В-четвертых, единицы порождения и восприятия речи, по-видимому, не тождественны друг другу: порождение оперирует более крупноблочными единицами, чем восприятие.

В-пятых, единицы порождения и восприятия, вероятно, не тождественны в языках различной структуры.

В-шестых, автоматизировано, по-видимому, порождение не только сегментных, но и просодических единиц.

В-седьмых, можно предположить, что степень автоматизации процесса выше при порождении, чем при восприятии речи.

Наконец, некоторые эксперименты, проведенные психолингвистами, указывают на определенную автономность, существующую между означаемым и означающими знака [2, 5-12].

Итак, на уровне подсознания, мы имеем автоматизированную систему, содержащую идеальные аналоги материальных сегментных и суперсегментных

единиц разной протяженности, модели их сочетаемости, а также принципы манифестиации указанных единиц.

Разумеется, мы отдаляем себе отчет, что все вышеизложенное нуждается в тщательной экспериментальной проверке. Пока же это результат некоторых наблюдений, носящих гипотетический характер.

II. Уровень сознания и его единицы

Роль сознания заключается в обязательной оценке языковых элементов, тогда как на уровне подсознания они воспроизводятся и воспринимаются, но не оцениваются. Под оценкой мы понимаем любую классифицирующую деятельность носителя языка, все, что требует осмысливания. В самом общем виде можно предположить, что уровень осознавания включается тогда, когда, во-первых, нарушается стохастическая закономерность в следовании речевых сигналов (в стохастических процессах естественно участвует в качестве полноправного члена и внеязыковая ситуация), и, во-вторых, когда перед носителем языка ставится требование оценки каких-либо языковых моментов.

О том, что языковые единицы, содержащиеся в сознании носителя языка, отличаются от неосознанно воспроизводимых и воспринимаемых тем же носителем единиц, неоднократно писалось и говорилось и психологами, и лингвистами. Например, А.А.Леонтьев вслед за А.Н.Леонтьевым различает «содержание, актуально сознаваемое, и содержание, лишь оказывающееся в сознании» [5, 231]. То же указание на «отдельность» языковых единиц, содержащихся в сознании носителей языка, встречается в работах Ч.Осгуда. Наряду с речевыми элементами, участвующими в процессе порождения и восприятия речи, исследователь выделяет языковые единицы, которые использует носитель языка, говоря о своем или чужом языке, то есть единицы, интуитивно осознаваемые говорящим [7, 71-73].

Вообще все работы психолингвистов так или иначе связаны с исследованием языкового сознания носителей, но, к сожалению, далеко не всегда этот уровень языковой реальности выделяется в качестве особого, специфического образования, единицы которого, их свойства и функции, отличаются от единиц, содержащихся, например, в речевом континууме.

Какими же свойствами обладают языковые элементы, содержащиеся в сознании носителей языка? Поскольку данные единицы принадлежат сознанию, они нематериальны, но в то же время - это знаки. Они двусторонни и связывают воедино понятие и акустический образ, который является «психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем (материальном звучании - Е.Т.) посредством наших органов чувств» [10, 99]. Причина отличия языковых единиц сознания от единиц других типов языковой реальности заключается в их вторичном (отраженном) характере. Первичными единицами являются элементы речевого континуума с его поверхностной и глубинной системами. В определенном смысле первичны по отношению к сознанию и те языковые образования, которые присутствуют в подсознании человека, однако осознается именно текст, речевой континуум, уровень же подсознания, по определению, является недоступным для носителя языка. Языковое поле подсоз-

нания формируется на основе особенностей, присущих тексту, поскольку для носителей языка континум - явление внешнее по отношению к нему. Языковые закономерности, функционирующие в явном и скрытом виде в тексте, воздействуют на говорящего, осваиваются им в процессе овладения языком.

В то же время между пользователем языка и наивным лингвистом, каковым является любой индивид, существует значительное различие, которое должно быть лингвистически интерпретировано.

Мы хотим обратить внимание исследователей лишь на одну специфическую подсистему в языковом сознании - систему лингвистических единиц, формируемую сознанием человека, на те представления о языке, носителем которого является обычный человек, не имеющий специальной лингвистической подготовки. Язык, наряду с объективной действительностью, тоже является внешним миром по отношению к индивиду; человек не только пользуется языком, но и определенным образом его оценивает, и эта вторичная реальность, созданная языком, формирует в индивиде лингвистическую компетенцию.

1. На фонетическом уровне:

а) носитель языка способен не только воспринимать основные звукотипы, но и охарактеризовывать их как похожие и не похожие, близкие и далекие, то есть дать в какой-то степени системную характеристику звукотипов: «Процессы порождения и восприятия речи в обычном случае бессознательны. В какие же точки этих процессов попадает человек при попытке осознания звукового состава речи? Единицы каких уровней выводятся на «экран» сознания? Как следует из наших наблюдений, при «наивной интроспекции» звуковой состав отрезков речи интерпретируется в терминах словаря, соотносящего фонемы с моторными эталонами и слуховыми коррелятами. Идентифицируя некоторый сегмент, носитель языка воспринимает языковой этalon, соотносимый в его памяти с некоторым фонемным символом» [4, 170].

б) носитель языка присваивает отдельным звукам речи и звуковым комплексам семантические смыслы, ассоциативно соотнося звуки с такими понятиями, как хороший - плохой, веселый - грустный, легкий - тяжелый, грубый - нежный, красивый - некрасивый и т.д., а также распределяет их (во всяком случае гласные) по цветовому спектру [3].

в) носители русского и некоторых других языков выделяют интуитивные слоги, которые в отличие от фонетических не являются открытыми, а представляют собой структурные образования типа CVC, что, как показало наше исследование, объясняется влиянием на формирование представлений о слоге структуры корневых морфем [10, 50-75].

г) носитель языка способен воспринимать и оценивать ударение и основные типы интонационных контуров. Однако в сфере вариативности ударения между языковой системой, отраженной в тексте, и системой индивида нет полного соответствия.

2. На семантическом уровне:

а) носитель языка способен устанавливать синонимические и антонимические отношения между языковыми единицами, причем, как отмечают исследо-

ватели, при субъективной оценке близости и противопоставленности в парадигматические ряды включаются слова на более свободной основе, без учета частеречного фактора. В связи с этим А.А. Залевская предлагает ввести специальные термины для описания указанного явления - психологические симиляры и оппозиты [2, 33].

б) многозначность слова в сознании взрослых индивидов также часто представлена иной группировкой значений, чем та, которая отражена в лингвистических словарях; кроме того, общее количество значений в слове, которое способен выделить даже образованный носитель языка, полностью не отражает языковую систему;

в) в индивидуальном сознании все слово-вещные связи оказываются эмоционально-оценочно отмеченными в рамках личного опыта, под контролем выработанной в соответствующем социуме системой норм и оценок [2, 34-49].

В области грамматики носитель языка:

а) осознает наличие в языке двойной языковой соотнесенности - парадигматической и синтагматической;

б) воспринимает производное слово как членимое, однако экспериментально обнаружено, что в высокочастотных лексемах осознание производности подавляется лексическим значением: фактор Л (лексический) подавляет фактор Д (деривационный) [8, 15].

При описании особенностей единиц языка, содержащихся в «бытовом сознании» индивида, мы ограничились лишь самыми общими данными, стараясь выделять такие факты, которые не «привязаны» к какому-либо языку, а являются универсальными или, во всяком случае, распространенными явлениями.

Таким образом, система языка, содержащаяся в сознании индивида, - это вторичная, отраженная языковая система, формируемая в процессе усвоения языка каждым его носителем, идеальная по своей природе, коррелирующая, но не во всем совпадающая с системой языкового континуума и отличающаяся от нее более высокой маркированностью своих единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.-Л., 1984.
2. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
3. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.
4. Кодзасов С.В. О фонологической интроспекции // Экспериментальные методы в психолингвистике. - М., 1987.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевых высказываний. М., 1969.
6. Миллер Е.Н. Что такое язык? М., 1988.
7. Osgood Ch. Hierarchies of Psycholinguistic Units// Psycholinguistics.
8. Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словаобразования. Л., 1985.
9. Соссюор Ф. Труды по языкоzнанию. - М., 1977.

10. Трофимова Е.Б. Очерк теории фонетического и интуитивного слогоделения. АКД, 1973.
11. Фрумкина Р.М., Васильевич А.П. Вероятность слова и восприятие речи // Вопросы порождения и обучения языку. М., 1967.
12. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

С.В. Федотова К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И РЕЛИГИИ

Изучение структуры и функционирования конвенционального стереотипа - библейского мифа предусматривает обращение к теме "язык и религия". Религия, как известно, представляет собой вполне самостоятельную область духовной культуры человечества. Философы рассматривают религию прежде всего как форму общественного сознания. С этой точки зрения проблема "язык и религия" является частным специфическим случаем проблемы "язык и сознание". Как и любая другая форма сознания, религия определяется в языке, становится доступной обществу и индивиду.

Существуют категории, которые исследуются разными науками и на стыке наук. Именно к таким категориям относятся сознание и язык - объекты и психологии, и философии, и лингвистики, и теории речевой деятельности, и семиотики. В реальности язык функционирует как представитель мыслительной деятельности человека, всех форм общественного сознания и религиозной в том числе. Внимание ученых к теме "язык и религия" обусловлено ролью этих категорий в жизнедеятельности человека. Проблема обнаруживает взаимосвязь междисциплинарных - языковедческих, философских и психологических категорий, а именно, национального языка, национального самосознания, этничности, ментальности, культуры и верований. Принимая во внимание утверждение исследователей о том, что первоначально сознание человека носило исключительно мифологический - религиозный характер, можно предположить, что в своей основе проблема языка и религии есть древнейшая проблема языка и сознания.

На современном этапе развития психолингвистической науки проблема языка и сознания решается с опорой на категории мышления, знания и деятельности. Еще Л.С. Выготским было установлено, что язык и сознание это различные феномены, имеющие различные генетические корни, но находящиеся в диалектической взаимосвязи друг с другом.

Чтобы человек мог конформно существовать в социальной среде, его сознание должно включать в себя конвенциональное знание, фиксируемое знаками языка. Но слова языка дискретны, а выражаемая ими мысль континуальна. Следовательно, в полном объеме мысль невыразима в языке. Поэтому поэт и сказал, что "мысль изреченная есть ложь". Психолингвистические эксперименты подтверждают предположение ученых о том, что знаки языка не имеют своего собственного языкового содержания, они только активизируют психическую деятельность субъекта, в результате которой формируется понятие. Тем не менее люди способны понимать друг друга. Наука отчасти объясняет этот процесс.

Люди понимают друг друга благодаря интегративной функции мозга, обеспечивающей целостность любого вида деятельности и универсальность нейрофизиологических процессов, составляющих основу мышления и психической деятельности в целом. Вербальная репрезентация смысла возможна благодаря интегративной функции языкового знака. Нейрофизиологические процессы универсальны, но сознание каждого отдельного индивида уникально, как уникальна его концептуальная картина мира, на основе которой происходит интериоризация и интерпретация конвенционального знания и любой информации. Что бы индивид ни воспринимал, он воспринимает это субъективно посредством личного опыта. Знание невозможно передать механически. Усвоить информацию человек может только сам. Процесс социализации индивида невозможен без интериоризации последним общезвестного знания, то есть интэрсубъектного содержания общественного сознания, репрезентируемого устойчивыми конвенциональными языковыми знаками. Подобным же образом происходит усвоение норм религиозного сознания. Для любой религиозной системы важно сохранить религиозный смысл, обеспечить его константность, необходимую для формирования религиозного сознания. Поэтому данная система вырабатывает способы и средства сохранения значимого для нее религиозного смысла. Не случайно религия понимается как "универсальные смыслы, транслируемые в общении, заветные смыслы, самые важные для человека и общества" [1,4]. Однако, мы не можем безоговорочно согласиться с этим утверждением. И вот почему. В психологии, в теории речевой деятельности сложилось устойчивое представление о смысле как о явлении психическом. Смысл бывает только личностным, субъективным. По этой причине смыслы нельзя транслировать. Смыслы возникают на основе концептуальной системы индивида посредством личного опыта. Религиозные смыслы только приписываются словам, вещам, знакам, независимо от того, имеют они прямое отношение к религии или нет. Эксперимент это подтверждает. Должно быть, правильнее говорить о трансляции универсального содержания, репрезентируемого конвенциональными знаками языка. Поскольку словесные знаки не имеют собственно языковых значений и смыслов, но лишь активизируют психическую деятельность индивида, формирующую понятия, могут возникать нежелательные для религиозной системы ассоциации (ереси). Словом, возникают предпосылки для появления таких религиозных жанров как проповедь, толкование, герменевтика, экзегетика, формирующих, в терминологии И.Н. Яблокова, концептуальный уровень сознания. Таким образом религиозная система объясняет сама себя посредством выработанных концептуальных представлений и стереотипов, сложившихся в канонической культурной христианской традиции и не терпит вмешательства со стороны.

Дальнейшее рассуждение требует объяснить, что для нас значит понятие религии. Определений понятия религии существует немало. Они формулируются в зависимости от используемого подхода к выявлению сущности данного феномена. Современной науке известно множество таких подходов. Назовем лишь некоторые: подход с позиций теологии (Ф. Шлейхермахер, Р. Отто,

П.А.Флоренский, К.Барт, А.Мень и др.), философии (Д.Юм, И.Кант, Г.Гегель, Л.Фейербах, Э.Кассирер, М.Хайдеггер и др.), социологии (Г.Спенсер, О.Конт, М.Вебер, Э.Дюркгейм и др.), этнографии (Дж.Фрэзер, Л.Леви-Брюль), психологии (В.Вундт, З.Фрейд, Э.Фромм, К.Г.Юнг и др.), мифологии (А.Кун, А.А.Потебня, А.Ф.Лосев и др.), лингвистики (Ф.де Соссюр, К.Леви-Стросс и др.), семиотики (Н.Б.Мечковская). Множественность используемых подходов к выявлению сущности религии указывает на сложность и многоаспектность этого феномена, на невозможность выведения строгого однозначного определения. Поэтому мы, вслед за И.Н.Яблоковым, понимаем религию как духовную сферу жизни общества, специфический способ освоения и отражения объективного мира.

Среди перечисленных подходов к исследованию религии последним указан семиотический подход, осуществленный Н.Б.Мечковской. Подход интересен своей новизной. Проблема языка и религиозного сознания рассматривается как соотношение двух семиотических систем, в каждой из которых имеется набор значений и способов их выражения. Причем язык выступает как первичная базовая семиотика, опора и универсальная оболочка большинства форм общественного сознания: религиозное сознание представляет собой вторичную семиотическую систему, обладающую значительно более глубоким и богатым содержанием, чем язык"^[1,50]. На наш взгляд, поиск приоритетов в соотношении языка и сознания не продуктивен. Более предпочтительно рассматривать эти категории в диалектической взаимосвязи, ибо сколько бы мы ни старались мы не найдем человека без языка и сознания (Р.Барт). Семиотический подход позволяет исследователю рассматривать язык и религию как соотношение двух коммуникативных знаковых моделирующих систем с учетом их роли в феномене человека. Однако специфика исследования в данном случае не предусматривает эмпирическую верификацию постулируемых положений, что чрезвычайно важно. Думается, что подход с позиции психолингвистики позволит нам при помощи психолингвистического эксперимента зафиксировать опредмеченное в языке религиозное сознание.

По мнению многих авторов, религиозное сознание возникло из мифологического (предрелигиозного) сознания, которое впервые проявилось в эпоху каменного века. "Мифологическое сознание - это первобытное коллективное (общественное) наглядно-образное представление о мире с обязательным божественным (сверхъестественным) компонентом"^[1,34]. Мифическое сознание, родившееся в древнейшие времена, на каком-то этапе, вероятно, было единственной возможной формой освоения действительности. Раз возникнув, мифическое мышление существует по сей день. Мифопоэтические представления рассматриваются в литературоведении. Вне литературоведения миф часто понимается как заблуждение, "тот или иной стереотип современного сознания, некоторое распространенное мнение, которому люди безоговорочно верят, вопреки рассудку, фактам, здравому смыслу"^[1,34]. В мифологической концепции А.Ф.Лосева, абсолютизированной до уровня поэтики, мифическое сознание заблуждениями не исчерпывается, это более объемное понятие. Согласно

А.Ф.Лосеву мифология значительно шире религии^[2]. Мифичной может быть любая сфера бытия: наука, культура, искусство, религия. Миф, по мысли А.Ф.Лосева, вполне может обходиться и без религии. Религии же всегда были необходимы мифы. Безусловно, религиозная мифология имеет свои особенности, проявляющиеся, например, в том, что основополагающие религиозные догматы сливаются с мифами о грехопадении, спасении и воскресении. Возможно религиозный мифологизм проявляется и в том, что предметы, действия, слова в процессе культовой и/или внекультовой деятельности наделяются религиозными смыслами. Идея универсальности мифического мышления имеет место в концепции А.А.Потебни и Э.Я.Голосовкера. Последний решавшим фактором мифического сознания признает и магнитивную силу, то есть силу воображения, при помощи которой познают мир, делают научные открытия. А.А.Потебня рассматривает миф в общей концепции языка и мышления как "акт сознательной мысли, акт познания, объяснения X посредством совокупности прежде данных признаков, объединенных и доведенных до сознания словом или образом A"^[4,240]. В концепции А.А.Потебни миф и язык взаимосвязаны, причем миф понимается как этап в развитии языка. Эволюционирует миф, а вместе с ним эволюционирует и язык, и сознание. "Мифическое мышление на известной ступени развития - единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен; оно формально, т.е. не исключает никакого содержания: ни религиозного, ни философского, ни научного"^[4,260]. Мифология и религия сходны в том, что они есть "сфера бытия личностного". Очевидно сознание может быть или не быть религиозным. Очевидно в сознании имеются мифические элементы, но поскольку в науке отсутствует единое определение мифа, дальнейшее рассуждение о мифичности сознания становится проблематичным. Мы можем рассматривать миф только как продукт, результат мыслительной деятельности индивидов, что позволит нам отразить мифичность мышления в контексте стереотипизации сознания.

Структура религии не задана раз и навсегда. Она изменяется в ходе исторического процесса. Только с течением времени религия превращается в относительно самостоятельную систему. Религиозное сознание входит в религиозную систему и является неотъемлемой частью ее структуры. Системность и позволяет современным исследователям рассматривать религию с позиций семиотики. Кроме религиозного сознания, в структуру религиозной системы входят религиозная деятельность (культовая / внекультовая), религиозные отношения, религиозные институты и религиозные организации. Религия есть сложно организованная система разнородных элементов. Религиозное сознание эмоционально насыщенно, символично, иллюзорно, образно. Религиозное мышление презентируется посредством религиозной лексики, которая является частью естественного языка. Важнейшим компонентом религиозного сознания в отличие от нерелигиозного сознания признается религиозная вера, которой в структуре религиозного сознания отводится интегративная роль. Вера может быть и нерелигиозной. Человек не живет без веры. В жизни человека вера выступает

как своеобразная психологическая установка, в которой присутствуют вполне осознаваемые компоненты: эмоция, связанная с мотивами деятельности и когнитивный компонент. Вера возникает по поводу предмета, имеющего существенное значение для индивида. Вера - категория чувственно-интуитивная и нравственная, но всегда связана с риском, поскольку принципиально слепа. Религиозная вера есть, прежде всего, вера в объективное существование сверхъестественного. В переводе на латинский вера значит *fides*. Фидеистический сверхъестественный компонент религии и мифологии утверждает примат веры над разумом. Предполагают, что в первобытном мифе фидеистическое содержание носило характер абсолютной актуальности и по этой причине фидеистический компонент закрепился сначала в ритуале, а затем в слове. О последовательности возникновения вышеназванных элементов много спорят и мы этой проблемы не решим. Для нас важно другое - неравномерность забывания людьми каждого из компонентов мифа есть одна из причин десакрализации мифа. Утратив магическое значение, ритуал с течением времени превратился в традицию, обычай, поведенческий стереотип. Утрачиваются и мифопоэтические представления. Видимо дольше других компонентов сохраняются слова языка. Фидеистический компонент обязателен и для мифа, и для религиозной веры. Содержание веры обуславливает символический аспект религиозного сознания, то есть предметы, действия, слова, тексты наделяются религиозными значениями и смыслами. Мышление человека диалогично по своей природе (М.М.Бахтин). С религиозной верой связывают диалогичность религиозного сознания. Диалог реализуется в обращении к Богу, богослужении, молитве. На самом деле здесь имеет место псеводиалогичность. Поскольку второй коммуникант в таком диалоге есть величина константная, диалог превращается в эмоционально насыщенный монолог, в процессе которого могут рефлексивно открываться религиозные смыслы. Религиозный смысл возникает тогда, когда его воспроизводит религиозное сознание индивида, посредством языковых знаков на основе концептуальной системы, а также предметов культа, символьских действий и пр. Поскольку мышление носит ассоциативно-апперцептивный характер, религиозный смысл у истинно верующего человека может возникать и без опоры на религиозную атрибутику, но может и блокироваться сменой смысловых установок даже и в условиях религиозного действия.

Конвенциональные стереотипы - библейские мифы, будучи феноменом религиозно-культурологическим, локализуются в конвенциональной сфере сознания. Конвенциональное содержание мифа при его восприятии индивидом может интериоризироваться и/или интерпретироваться, но может и элиминироваться индивидуальным отношением субъекта. Смысловая структура библейского мифа многослойна. Семантическая размытость и неоднозначность вербальных репрезентантов библейского мифа не случайна, поскольку миф в силу своей сакральности, наличия фидеистического компонента, есть произведение перенасыщенное аллегориями. Библейский миф представляет совокупность скрытых смыслов и тех, что лежат на поверхности. Последние позволяют понимать миф буквально.

В нашем исследовании мы рассматриваем библейский миф как разновидность конвенционального стереотипа. Конвенциональный стереотип библейский миф, подобно любому другому стереотипу, есть структура, содержащая в себе знание и психологический опыт, накопленные и систематизированные в ходе истории человечества с самых давних времен. С точки зрения ее содержательности, неизменной столетиями, система как бы закрылась. Однако, продолжают развиваться такие религиозные жанры как толкование, экзегетика, герменевтика, призванные формировать религиозное сознание индивидов на концептуальном уровне и интерпретировать мифы с учетом современной ситуации. А на уровне обыденного сознания происходят такие процессы, которые можно обозначить терминами "демифологизация" или "десакрализация" мифа. В обоих случаях - это явления, при которых религиозный смысл вербального репрезентанта не воспроизводится концептуальной системой индивида или вообще утрачивается. Отличительной особенностью религиозных стереотипов, к коим принадлежит и библейский миф, является ригидность. Ригидность - одно из условий столь длительной сохранности вербальных репрезентантов конвенциональных стереотипов этого типа. Будучи культурологическим феноменом, библейские мифы входят в обиход многих языков и способны вызывать стойкую ассоциацию в сознании индивидов. Поскольку конвенциональные стереотипы, включая библейские мифы, входят в концептуальную систему и "являются устойчивыми структурами психической организации знания, носящими ассоциативно-апперцептивный характер" [5,104], то естественно утверждать, что религиозное и нерелигиозное содержание библейского мифа, представленное вербальными репрезентантами, актуализируется сознательной деятельностью индивидов, их умением манипулировать стереотипами, сложившимися исторически в культурной христианской и языковой традиции.

Общим свойством стереотипов признают консервативность. Религиозные стереотипы, к которым относятся и библейские мифы, отличаются повышенной ригидностью. Но при всем внешнем консерватизме и ригидности, внутренняя психологическая структура стереотипов очень подвижна и динамична, тонко реагирует на взаимодействия со средой. Семидесятилетний религиозный запрет в нашей стране проявился как целенаправленное воздействие на язык и сознание, в результате которого произошла девальвация смысловой структуры библейизмов. Библейские фразеологизмы выходили из языковых употреблений, а, следовательно, и из сознания, что отчасти объясняет невозможность в ряде случаев адекватной интерпретации стереотипов - библейских мифов, предъявляемых в качестве стимулов участникам эксперимента. Для успешной интерпретации конвенционального стереотипа - библейского мифа, последний уже должен содержаться в концептуальной системе индивида, поскольку интериоризация и интерпретация поступающей информации происходит на основе уже имеющегося в концептуальной системе содержания.

Как известно, одно и то же языковое выражение может актуализировать различные смыслы. Слова языка многозначны, но в момент речи или восприятия актуализируется лишь одно из значений. Если актуализируется несколько

значений, то среди них обязательно есть доминантное. Неактуальные на момент употребления значения не препятствуют адекватному взаимопониманию. В работах А.Р.Лурии описан опыт, в ходе которого участникам эксперимента предлагался вербальный стимул "труба" в двух семантических рядах, один из которых включал в себя слова по теме "строительство", другой - по теме "музыка". Реакция реципиентов была адекватной. В первом случае предъявленный стимул интерпретировался как часть строения, во втором - как музыкальный инструмент. Подобные, на первый взгляд, явления наблюдаются при анализе библейзмов. В современном языке существуют слова и выражения, в которых отнесенность к Библии очевидна, прозрачна. (В нашем эксперименте в ряде случаев испытуемые, не зная содержания Библии, просто указывали источник или же неверно называли библейский сюжет. Но и в том, и в другом случае реципиенты были уверены, что данные языковые выражения связаны с Библией). В языке есть также слова и выражения, в которых изначально религиозный смысл утрачен, например, "спасибо", "сидеть сложа руки", "ни тепло, ни холодно", "будь человеком" и т.д. . Можно выделить еще одну группу слов, способных актуализировать разные ментальные стереотипы: религиозный и нерелигиозный. Религиозный стереотип активизируется только в соответствующем контексте. Вне библейского контекста в этих словах конвенциональный стереотип - библейский миф не актуализируется. Например, вербальные стимулы "пустыня" и "сорок лет" способны актуализировать два разных стереотипа: библейский и небиблейский. В нашем эксперименте во многих случаях, включая религиозные аудитории, смысловая установка на библейскую интерпретацию данных стимулов не фиксируется. Небиблейские реакции на слово-стимул "пустыня" большей частью сводятся к следующим: "песок", "жаляла", "жарко". Среди библейских реакций наиболее частотны: "Моисей", "Исход", "евреи". Как это ни странно, вербальные стимулы "пустыня" и "сорок лет", предъявляемые в семантическом ряду, наполовину состоящем из библейзмов, сразу после стимула "Моисей", зачастую не вызывают у реципиентов прогнозируемой ассоциации. Многие рецепции на вышеизложенные стимулы полностью исключают библейское содержание, актуализируя личностный смысл, приближенный к психологическому значению языкового знака. Иными словами, указывается лишь предметная отнесенность знака, называется либо сама реалия, либо фиксируются ее характеристики, а религиозный смысл при этом элиминируется, поскольку видимо в сознании индивида отсутствует нейрофизиологическая и психологическая основа для его воспроизведения. Таким образом актуализация стереотипов "пустыня" и "сорок лет" имеет место, но она носить формальный характер. Можно предположить, что происходит либо поочередное смешение стереотипов от центра к периферии в смысловом поле сознания индивида, либо полное вытеснение одного стереотипа другим в пользу нерелигиозного (демифологизация) в процессе структурного соотнесения библейского и небиблейского содержания конвенционального стереотипа с содержанием сознания личности, то есть индивидуальной концептуальной системой. К решающим фактам, актуализирующими библейское и небиблейское содержание стереотипа,

следует отнести уровень религиозности индивида. Если последний **высок**, то религиозный смысл видится индивиду во всем через призму **его религиозного мировоззрения**. И тогда нет нужды в дополнительных стимулах. **Религиозный смысл** приписывается вербалиям никак не связанным с Библией. **Наш эксперимент** выявляет такие случаи. Нет сомнения, что типизированный **стереотип** сохраняется в концептуальной системе носителя религиозного сознания, но не является для него доминантным и потому существует на **периферии сознания**. Анализируемый случай лишний раз подтверждает мысль В.А.Рыжкова о параллельном содержании в стереотипе типизированного и субъективного компонентов. Последний выступает в виде актуального личностного смысла.

Разрабатывая эксперимент, мы отбирали собственно библейскую лексику, которая у всех на устах. Библейские фразеологизмы с утраченным религиозным значением не включались в число стимулов. В процессе предварительного анализа результатов эксперимента замечено, что в религиозных группах на некоторые стимулы, такие как "манна небесная", "моисеевы скрижали", "жертвоприношение" и др. получены однотипные реакции. Стереотипы не просто усвоены, но редуцированы до уровня клише. Реагирование свободное, быстрое, беглое, без размышлений, что обеспечивается клишированием религиозной лексики. Вероятно, клиширование религиозной лексики - один из механизмов формирования религиозного сознания. Это также способ отчуждения людей думать. Но наверное не всякая лексика поддается клишированию, особенно те языковые выражения, которые способны актуализировать разные стереотипы. Для такой актуализации требуется ментальная работа, в которой не нуждается клише.

Общеизвестно, что основой сознания, в том числе и религиозного является знание, усваиваемое через призму конвенциональных стереотипов при помощи языка. Концептуальная картина мира носителя религиозного сознания формируется в процессе идентификации религиозного содержания общественного сознания на основе общественно-исторического и религиозного опыта индивида, его этнической и конвенциональной принадлежности. Этим опытом обусловлен выбор типа мотивации деятельности и характер потребностей индивида.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
2. Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1993.
3. Яблоков И.Н. Основы религиоведения. М., 1997.
4. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
5. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул, 1995.

Н.П. Широкова

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Настоящая статья посвящена структурно-семантическому исследованию синтаксических конструкций со значением результативных отношений. Данная работа ставит целью определение семантики результативности, выявление конструкций, выражающих результативные отношения, условия реализации и способы актуализации этих отношений на синтаксическом уровне.

Среди различного типа семантических отношений (tempоральных, локальных, модальных, атрибутивных и т.д.) отношения результативности занимают важное место, т.к. они отражают происхождение, возникновение и развитие различных явлений природы и общества. Данные отношения значений принято рассматривать в виде категорий. Под категорией результативности мы понимаем общее категориальное значение результата, присутствующее в семантике некоторых языковых единиц и предполагающее перенесение логического акцента с названного глаголом действия на последствия этого действия и обозначающее новое состояние субъекта или объекта как результат этого действия.

Категория результативности тесно связана с категорией действия, т.е. процесса, движения в широком смысле, и занимает в теории деятельности важное место. Т. ван Дейк рассматривает результат как конечное состояние деятельности [Т. ван Дейк, 1980]. По его мнению деятельность включает начальное состояние и конечное состояние. Переход от одного к другому происходит вследствие какого-либо процесса как ряда изменений. Результат – завершающий момент любого процесса, происходящего в объективной действительности или сознании человека. Таким образом, результат всегда связан с процессом, он всегда есть следствие какого-либо процесса.

При анализе результативных отношений на синтаксическом уровне встает вопрос о разграничении смежных понятий – результата и следствия, их отношении друг к другу. Это весьма актуально, поскольку термин «результат» употребляется как в более узком смысле по сравнению с термином «следствие» (для обозначения явления, события, являющегося результатом целенаправленной человеческой деятельности), так и в широком – как продукт любого вида деятельности. Словарь русского языка, например, дает следующее толкование следствия: «то, что следует из чего-нибудь, вывод, результат чего-нибудь». А результат определяется как «конечный итог, завершающий собой что-нибудь» [Словарь русского языка, 1952.]. Таким образом, по отношению к следствию результат можно рассматривать как субкатегорию, а следствие можно осмысливать как гипероним по отношению к результату. Результат имеет свою четкую специфику по отношению к следствию: в определении результата существует сема окончательности, завершенности. Можно сказать, что результат есть следствие, завершающее что-либо, некоторое конечное состояние для данной ситуации.

Категория результативности тесно переплетена с категорией причины, поскольку для возникновения нового состояния субъекта или объекта как результата определенного действия необходимо наличие определенного каузатива, обуславливающего и вызывающего определенный результат. Каузатив есть

языковая единица, отображающая событие-причину, а результатив – языковая единица, отображающая результат данной причины

Причинно-результативные отношения, отражающие взаимосвязь явлений действительности, существуют не сами по себе, а возникают в определенной семантической ситуации. В языке ситуация превращается в контекст. Вслед за Колшанским мы понимаем контекст как «совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т.д.)» [Колшанский 1959, 74]. Наиболее простым видом контекста является предложение, «первичный целостный носитель смыслового содержания» [Блох 1977, 74].

Изолированное предложение (особенно если это сложно-сочиненное или сложно-подчиненное предложение), будучи предикативно-оформленной единицей сообщения, хотя и редко функционирует отдельно, все же является средством выражения связных мыслей. Что же касается предложений, выражающих результативные отношения, то здесь необходимым условием является наличие двух пропозиций, одна из которых – причина – обозначает воздействие на какой-либо объект, а другая – результат этого воздействия.

Результат может проявляться либо в виде действия, последовавшего за ранее совершенным действием, либо в виде состояния, завершившего тот или иной процесс. Сравним соответственно:

Charles heard the dryness in her voice and came to the hurt Mrs Tranter's defence [J. Fowles].

It has rained during the night; the grass to either side is damp, the air humid [M. Atwood].

Современный английский язык располагает разнообразными способами выражения результативной взаимосвязи фактов, явлений, процессов объективной действительности, т.к. язык обладает способностью выразить одно и то же содержание разными способами [Супрун 1996, 109]. Все конструкции, содержащие в себе причинно-результативные отношения, отличаются единой семантической структурой, т.е. «обобщенным типовым информативным содержанием, свойственным не одному отдельному предложению как единице речи, а обширному классу однородных предложений» [Белошапкова 1977].

Имея единую семантическую структуру, синтаксические конструкции результативности отличаются большим разнообразием форм. Положения парадигматического синтаксиса, разработанные в трудах М.Я.Блоха [1973, 1977, 1986 и др.], могут служить основой для включения в область сопоставления и объединения в парадигматике разноуровневых. Но близких по смыслу и функционально-эквивалентных синтаксических единиц. Результативные отношения находят свое языковое выражение в простом и сложном предложениях, в последовательностях свободно соположенных предложений, в предложениях с включенными номинализованными инфинитивными фразами (инфinitивных конструкциях), сверхфразовых единствах.

Результативные конструкции на всех уровнях, в том числе и на уровне текста, будут рассматриваться как состоящие из двух структурных компонен-

тов, что отражает наличие в них двух ядерных логико-семантических компонентов (антecedент, консеквент). Структурные компоненты стоят в синтаксической оппозиции, один из членов которой, результативный (консеквент), выражает совершившееся действие или состояние, возникшее в результате какого-либо действия, другой, каузальный (антecedент) – обстоятельство, условие, ему способствовавшее и явившееся причиной.

В простом и сложном предложениях современного английского языка результативные отношения могут находить как эксплицированное выражение, так и выражаться имплицитно. В эксплициитных структурах компоненты результативной конструкции могут соединяться при помощи грамматических средств связи – союзов, являющихся индикаторами причинно-результативных отношений.

К связующим средствам, актуализирующими результативные отношения в сложном предложении, можно отнести подчинительные союзы, (которые, по мнению Нормана сами являются знаменательными, полнозначными словами – Норман 1996) because, so that, so, for, so ... that, содержащие в своих дефинициях лексическое значение причины и результата, когда эти союзы употребляются в значении with the result that и for the reason that. Например:

He was a successful journalist and worked for one of the best magazines in France, but was always in debt, partly because of his carelessness with money and his easy generosity, but also because for long periods at a time he refused to work. [I. Shaw]

Союз because в данном предложении употребляется для маркирования причинного компонента. По причине своего беспечного отношения к деньгам и отказа работать герой романа постоянно находится в долгах, хотя и является прекрасным журналистом.

Но этот же союз может употребляться и для маркирования результативного компонента конструкции, например:

He was smoking and he had obviously been smoking a good deal because the air of the room, with its closed windows, was hazy [I. Shaw]

В данном примере по результату (the air of the room was hazy) можно судить о причине. Воздух в комнате был задымленным, потому что присутствующий курил и, очевидно, уже давно, а окна в комнате были закрыты. Результат берется говорящим как основание для вывода о причине.

Рассмотрим еще один пример с союзом so ... that:

Her leap through the jagged window was so hurried that when she hit the icy wooden shingles she immediately fell on her rear end and slid right off the side of the house, burying herself deep in the snow [c. Pike]

В данном примере в придаточном предложении союз so ... that эксплицирует результат, усиленный временной направленностью (when she hit the icy wooden shingles).

Но, как отмечает Е.И.Шендельс, «не все содержание мысли находит воплощение в особых языковых элементах [Шендельс 1977], и наряду с эксплициитными способами выражения существует областной имплицитной передачи

информации. Имплицитность не имеет в своем распоряжении системы грамматических форм, а выражается посредством слов и словесного контекста. Подобный способ передачи информации С.Д. Кацнельсон называет «скрытой грамматикой» и указывает на тот факт, что скрытые категории угадываются из контекста, в котором содержаться определенные указания на них [Кацнельсон 1972, 83]. Согласно положению о различии маркированной и немаркированной сочинительной связи [Блох 1983], немаркированная сочинительная связь реализуется союзом and, а также бессоюзным способом. Немаркированный характер сочинительной связи проявляется в том, что не имеет эксплициитного выражения в сложно-сочиненной конструкции, и для выявления ее значения требуется диагностирующая экспозиция через маркированную связь.

Результативные отношения также могут быть маркированными и немаркированными. При имплицитной связи отношения результативности маркируются общим контекстом и консистуацией. Этот тип причинно-результативных конструкций отличается большой вариативностью. Сюда входят, например, предложения с однородными сказуемыми:

He expected no reply and got none. [S. King]

Это могут быть сложно-сочиненные предложения, например:

Scattered here and again amongst this jungle growth I would recognize shrubs that had been land-marks in our time, things of culture and of grace, hydrangeas whose blue heads had been famous. No hand checked their progress, and they had gone native now, rearing to monster height without a bloom, black and ugly as the nameless parasites that grew beside them.

(D. du Maurier)

Семантика результативности в данном примере выявляется через раскрытие микротемы всего монологического СФЕ. В первом предложении содержатся четкие указания на результат – героиня романа, возвращаясь в давно покинутое имение, видит запустение там, где ранее царили порядок и красота. Оба компонента, причина – No hand checked their progress – , и результат – and they had gone native now, располагаются в сложносочиненном предложении (втором в СФЕ)

Результативные отношения могут выражаться самостоятельными предложениями, отличающимися контактным или дистантным расположением каузатива и результатива. Например:

Among people who had spent most of their lives in the little town of Sidewinder, the hotel had a smelly reputation. Murder had been done up there. A bunch of hoods had run the place for a while, and cutthroat businessman had run it for a while. [S. King]

В данном примере рематический блок, содержащий результативный компонент, занимает препозиционное положение. Это объясняется, видимо, тем, что автор считает этот компонент наиболее значимым в коммуникативном отношении.

Приведем еще один пример СФЕ, в котором компоненты рассматриваемой конструкции располагаются дистанктно:

Bresach chose the restaurant. He had never been there before, but he had heard Veronica speak of it once. Veronica had said she hadn't liked it and wouldn't go there again. On the assumption that if Veronica were still in Rome she would avoid the places she had been with either Bresach or Jack, Bresach fixed on this one restaurant which he had heard her condemn.

She was not there.

[I. Shaw]

В каузативном компоненте данного СФЕ сообщается о причине выбора герояем именно этого ресторана для встречи с Делани. В контексте присутствует разъяснение того, почему Вероника, которая ушла от Бресача к Делани, не должна появиться в этом месте: ситуация, представленная результативным компонентом (*she was not there*), реализуется согласно предположению героя. Характерно, что семантическая сопряженность дистантно расположенных компонентов не затушевывается: напротив, создается стилистический эффект нагнетания ожидаемой развязки, т.е. поиска в дальнейшем повествовании логического завершения мысли, выраженной во вводящей части.

Следующий тип исследуемых конструкций – это комплексы со свернутой формой выражения причинно-результативных отношений, где один из элементов (причина или результат) или оба выражены номинализованной единицей (инфinitивом, герундием, причастием). Например:

Walter Litvak was in his late forties with a bolding head and clear eyes and a penchant for short for short, precise sentences. Being slender, he moved quickly, wasting as few motions as he did words; being highly intelligent, he made observations before replies; and being a Jew hidden by Dutch Catholics as a child and brought up by sympathetic Lutherans, he had no tolerance for intolerance.

[R. Ludlam]

Причинный компонент в данном примере выражен причастием, а результативный – личным глаголом. Из диагностирующей трансформации простого предложения с неполной предикацией видно, что все экспликации компонентов каузальной ситуации соответствуют утверждению о том, что составляющими любой каузальной структуры являются по меньшей мере две ситуации [Недялков, Сильницкий 1969, 6] – это каузирующая ситуация причины (A) и каузируемая ситуация результата\следствия (B). Приведем еще один пример:

I'm too tired to go on with this story, I'm too tired to think about where I am. Here is a different story, a better one.

[M. Atwood]

Результативные отношения в данных конструкциях можно раскрыть посредством трансформации:

----- I don't want to go on with this story and to think about where I am because I am very tired. That's why here is another story.

Таким образом, трансформационный анализ показывает, что предложение с инфинитивным выражением результата на глубинном уровне непременно будет соответствовать полипредикативному построению. Комплексы со свернутой формой выражения результативности используются как средство компрессии текста, позволяющие сделать высказывание более лаконичным, особенно

если оно входит в состав более сложных синтаксических построений или окружено контекстом.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Результат является универсальной семантической категорией, предполагающей перенесение логического акцента с названного глаголом действия на последствия этого действия и выражающей завершенность для данной ситуации.

Необходимым условием функционирования любой конструкции, выражающей результативные отношения, является наличие двух пропозиций, одна из которых обозначает воздействие на какой-либо объект (причина), а другая результат этого воздействия.

Парадигматический ряд результативных отношений включает синтаксические конструкции, выраженные простым и сложным предложением, последовательностью свободно соположенных предложений, комплексами со свернутой формой выражения причины и результата, сверхфразовыми единствами.

Результат может выражаться эксплицитно, при помощи союзов, маркирующих данные отношения, и имплицитно, когда особую роль приобретает консистуция. Выявлению связей и структурной организации также способствует трансформация соответствующего единства в синонимичное ему сложное предложение

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис (Учебное пособие для филологических специальностей университетов). М., 1977.
2. Блох М.Я. Надфразовый синтаксис и синтаксическая парадигматика //Проблемы грамматики и стилистики английского языка. М. 1977.
3. Блох М.Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации// Вопросы языкоznания. 1977. №3.
4. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М. 1976.
5. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. 1972.
6. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций //Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
7. Словарь русского языка (составил С.И. Ожегов). М., 1952.
8. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск 1996.
9. Dijk Teun A van. Text and Context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London, New York 1980.
10. Atwood M. The Handmaid's Tale. Fawcett crest. New York 1985.
11. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. Triad/Granada 1981.
12. King S. The Shining. New York 1978.
13. King S., Straub P. The Talisman. Penguin Books. London. 1985.
14. Ludlam R. The Holcroft Covenant. Bantam Books. New York. 1989.
15. Maurier Daphne du. Rebecca. Moscow. 1956.
16. Pike Ch. Shember Party. Hodder and Stoughton. London-Sydney. 1985.
17. Shaw I. Two Weeks in Another Town. New York. 1960.